

Александр Потемкин

Человек отменяется

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171222

Аннотация

Новый роман Александра Потемкина «Человек отменяется» это «Человеческая комедия» современного российского общества, разделенного преобразованиями на тех, кому нечего больше желать, и выброшенных на обочину жизни. Люмпенизированные интеллигенты, пресыщенные олигархи, продажные чиновники, вороватые писатели, безумные великосветские старухи, деловитые авантюристы, алчные политиканы, гастарбайтеры, бомжи – представители всех слоев общества – составляют галерею образов романа.

Духовные, философские поиски главных героев отражают реалии сегодняшнего дня и в то же время уходят в давние традиции русской и мировой литературы.

Переступив однажды нравственный закон внутри себя, главный герой увлекся поисками предела в нарушении законов, данных богом и людьми.

Ограничена ли власть над людьми, над их жизнью, тех, кто имеет неограниченные финансовые и административные ресурсы или им все позволено? Автор углубляется в тончайшие психологические нюансы человеческой природы и возвращается к постоянной теме своего творчества – необходимости изменения генома человека.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Необходимо очень много моральности, чтобы быть безнравственным в утонченной форме.

Ф. Ницше

Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает.

Ф. Достоевский

Глава 1

Очнувшись, Семен Семенович Химушкин, первым делом взглянул на себя в зеркало. Каждый раз он с изумлением обнаруживал, что в его облике опять все совершенно преобразилось: знакомый, бледный, несколько даже злой, отстраненный человек смотрел ему прямо в глаза. На его непривлекательной лысой голове сидели две выразительные родинки. Одна, с торчащими острыми волосиками, расположилась над височной костью, другая, напоминающая хвостик докторской колбаски, устроилась почти у самой макушки. Родинки господина Химушкина имели характерную особенность: когда хозяин удивлялся, они начинали ерзать по черепу Семена Семеновича, словно не являлись его собственностью, а были чужеродными букашками. Необходимо заметить, что удивлялся наш оригинальный москвич достаточно часто. После каждой едкой мысли, когда в его сознании возникали самые невероятные фантазии, он выдавал себя тем, что начинал возмущенно разводить руками. Впрочем, дивные мысли лезли в его голову неизвестно откуда и пропадали в какой-то черной дыре. Господин Химушкин никак не мог избавиться от нагромождения в сознании самых различных наваждений. Если в одну часть суток он был нелюдим и до крайности раздражителен, правда, без внешних аффектов и публичных выкриков, держа эмоции при себе, то в другую Семен Семенович как бы перерождался в общительного, привлекательного мужчину и редкого выдумщика. В это время он столь разительно менялся, что ему не просто казалось (нет, в этом москвич был даже принципиально убежден!), что он вовсе не господин Химушкин, шестидесяти лет, с невыразительной внешностью, больным воображением, тощим карманом и худым здоровьем, да и никогда не был таковым, а Гусятников Иван Степанович, богатый коммерсант, меценат, красавец. Пребывая в одном обличье, он способен был радоваться, любить и наслаждаться; находясь в другом – испытывал ненависть и злобу, отрицание всего, с чем сталкивался, а его желчные насмешки над поведением и мыслями человека, над устройством жизни были нескончаемы. Если в одно время он стремился владеть миром, то в другое – отвергал, презирал его. Он был то злым критиком всего сущего, то фанатом надуманного, нет-с, реально существующего в его сознании представления. Где же на самом деле жил господин Химушкин? Вернее спросить, в какое время суток он реально существовал, а в какое мечтал, перевоплощался? Или наоборот, это господин Х. упрямо возникал в сознании Ивана Степановича Гусятникова, обремененного могущественным капиталом? То есть Семен Семенович был ни кем иным как преуспевающим господином Гусятниковым, который лишь в какие-то моменты слабости чувствовал себя другим человеком? Был ли мир богатства и шикерии средой реального обитания Семена Семеновича или существовал лишь в представлении разбалансированного ума? В этой борьбе взаимоисключающих предположений и пребывал наш раздвоившийся оригинал. Ситуация усугублялась еще тем, что ему никак не удавалось встретиться с господином Гусятниковым, чтобы раз и навсегда выяснить, почему какая-то сверхъестественная сила так настойчиво мешает их знакомству и общению.

Тут он отчаянно разводил руками – складывалось впечатление, что Семен Семеновича чрезвычайно угнетало это обстоятельство.

Впрочем, знакомая физиономия в зеркале опять убедила его, что он сейчас не кто-то другой, а самый настоящий господин Химушкин. И как только он это понял, то из преуспевающего, довольного собой и окружающим миром богача Ивана Гусятникова вмиг превратился в его противоположность и искренне заворчал по поводу решения властей монетизировать льготы неимущим слоям общества. «У чиновников совсем нет мозгов, – злобно подумал он. – Инфляция в стране составляет пятнадцать процентов; рост цен на топливо превышает тридцать пять процентов в год; кредитные ставки не опускаются ниже семнадцати процентов годовых; государственный капитал – это более ста миллиардов долларов – размещен под менее чем два процента в дальнем зарубежье, и в таких условиях эти типы из правительства и Думы заменяют пенсионерам и инвалидам (в стране, где у тридцати с лишним процентов населения доход ниже прожиточного минимума) льготы на транспорт, на медицинское обслуживание мифическими выплатами! Дремучий непрофессионализм. Чиновникам льстит новизна, но никак не экономическая логика. Жуткое вранье, отсутствие академических знаний, популистские лозунги – вот их инструментарий при общении с народом. Тьфу! Тьфу! Может, сейчас же сесть за компьютер, взяться сочинять воззвание, чтобы поднять массы, показать труднейшее положение дел, определить задачи борьбы... Нет! Минутку! А нужно ли мне все это? Разве я испытываю удовольствие от борьбы с властью? Или взялся отомстить великим мира сего за какие-то там их грехи? Если *эти*, кого касаются нововведения, сами пасуют, то почему я должен отдуваться за них? Ломать голову, подставляться, бороться с властью? Что я, лидер, или хочу быть им, или меня интересует политика? Да, я знаю, что делать! Вот если бы я стал президентом! Тогда можно и палку в руки взять! А то чего это вдруг затронули меня эти новые законы? Нет! До пенсии еще дожить надо, а если конфликтовать из-за любой нелепости, то хватит ли сил? С оскорбленными чувствами народ жить может, да я и сам лишь пар выпущу и на душе легче становится. А борьба требует самых решительных действий. Тут не мысли одни нужны, пусть даже самые революционные, а радикальные шаги востребованы, без них амбиции не успокоить, никакой воды не хватит залить пожар внутреннего возмущения, тем более если тут еще выгода есть. А ведь какая борьба без выгоды? Где же моя польза от всей этой суеты? Поэтому можно спросить себя: а нужно ли мне все это – больное сердце, истощенные нервы, гипертония, язва желудка? Нет-с, ничего подобного мне никак не нужно, потому что таким образом долго не протянешь. Созерцатель всегда живет дольше. Пьет винцо, поругивает политиков, устраивает митинги в собственной голове – вот стиль успешного существования. Тут и вопрос, и ответ простейший: что лучше, полезнее человеку – молча занимать мозги социальными головоломками и жить долго или покричать разок-другой «Долой правительство!», а потом оказаться в кандалах или в могиле. Слава богу, собственное тщеславие второго не требует, громкий скандал хочется устраивать лишь в собственной голове, будоражить лишь себя суровой критикой режима. Я отлично знаю, что с людьми, умеющими за себя постоять, такое, как нынче с нашими, никогда не случается. Те, за бугром, научились бороться, а мы воспитали в себе великое терпение. Действительно, мы настоящие страстотерпцы в этом деле. Они там могут сказать, что мы трусим, боимся, а я про себя замечу: «Взгляни на нашу историю, кто жил дольше, кто жил лучше, кто имел больше – крикун или молчун? У нас, голубчики, молчуны всегда больше имели. А у вас – крикуны. Так это ваша история, ваш путь к благоденствию, а у нас совсем другая дорога, она, может, вам непонятна, да и бог с вами. Ведь в конце концов побеждает тот, кто получает больше. Да! Помимо этого имеется еще что-то такое неизведанное в нашем сознании, что вылезает наружу в момент кризиса, словно свет фонарика в темной ночи, освещающий коридор пути. Именно в эти моменты возникает живейшее ощущение, что ты уже такое пережил, посему прекрасно представля-

ешь, чем может все это закончиться, и знаешь точный рецепт выхода из создавшегося тупика. Этот фонарик из прошлого и ведет нас по жизни. Вот я публично молчу, но жестоко скандаляю внутри себя. И имею прямые выгоды от такого расписания!»

Тут Семен Семенович прошелся по комнате, налил себе водочки, выпил, закусил помидором, закатил глаза от удовольствия, уселся в кресло, налил еще стопку и продолжил свои размышления. «Что плохого дает мне молчание? В налоговую службу не приглашают, хотя, кажется, им известно, что я сдаю две комнаты. Так, ничего себе студентки, по четыреста долларов в месяц платят, а отцы еще по полторы сотни доплачивают, чтобы я все подробности поведения их дочерей приватно докладывал. На ушко! Шепотом! Каждое утро и перед сном! И телефоны еще оплачивают. Да! Тут на ум пришел очень показательный случай. Когда впервые мне пришлось наблюдать за одной из моих квартиранток, я, честно сказать, долго размышлял, в какой редакции донести увиденный пикантный сюжет до заказчика. Но решение пришло как-то само собой, без угрызения совести. Эх, Семен Семенович Химушкин не простой человек. Прошу вас не торопиться складывать обо мне мнение, потому что первое впечатление часто бывает ошибочным. Итак, мне поручили за приличное вознаграждение наблюдать за студентками. Не думайте, что я тут же решил заглядывать в замочную скважину. Я человек творческий, расположенный к скандалам в собственном разуме, поэтому первым делом стал размышлять, как организовать это тайное подсматривание и подслушивание, чтобы полностью контролировать все, что происходит в сдаваемых в наем комнатах. А как же, иначе жить тяжело! Ну бо проблема с грѣшми супроводжує нас все життя. Я сумел без особого труда выцарапать у отцов студенток бюджет для системного выполнения задания. Купил необходимую шпионскую технику: миниатюрные камеры, вмонтированные затем в плинтус, в орнамент изголовья кровати и в бачок унитаза, записывающие звуки и голоса высокочувствительные устройства. С помощью дрели проделал специальные ходы, чтобы не упустить ни малейшего шага и шепота. Ведь мне надо было знать все! Я человек обязательный! И никакой скверности в этом деликатном деле не улавливаю. Как-то смотрю я несколько невнимательно телепередачу о политике и предстоящих выборах. Скукота от бессовестного вранья такая жуткая, аж зевать приходится, да так часто, что решил, чтобы не заснуть, к окну подойти. Глянул я в него – погода сквернейшая. Льет дождь, да такой сильный, словно сидишь рядом с ударником. В голове бесперебойный трум, трум, трум, трум. Хоть еще день, но темно, как поздним вечером. Вдруг на мониторе является фигура незнакомца: идет он на цыпочках, руки расставил по сторонам, чтобы баланс поддерживать. Огромный такой парень, одним словом атлет. А впереди, вижу, Лизка, квартирантка, тащится, то и дело прикладывая палец к губам. Я тут же забыл обо всем и уставился в оборудование. Сердце замерло – такое вдруг увидеть, а? Едва они в комнату вошли, как она говорит ему еле слышно: „Ложись, я полотенце принесу“. Тут я думаю, а полотенце-то зачем нести, у нее же в шкафу они, на полках. Что, из ванной возьмет или мое чистое из кладовки вытащит? Смотрю, он раздевается и ложится в постель, а она в ванной полотенце смачивает. Что, думаю, дальше-то будет, я мужчина, не особенно избалованный женской лаской и фантазией. Лизка возвращается к себе, защелкивает дверь и, широко улыбаясь, начинает протирать мокрым полотенцем мощное тело хахала. Да так тщательно и старательно, что, кажется, ни одну клетку не пропускает, и не просто протирает как-то махом, а словно даже начищает, глянец наводит. А потом этот блестящий, гигиенический сантиметрик кусает, облизывает и целует, целует, целует. А после поцелуя свои блондинистые волосы в кисточку сожмет и этой кисточкой несколько раз проходит по расцелованному месту. Вот как, оказывается, можно, поражаюсь я такому увлечению. Наконец, подготовка заканчивается, и они погружаются в секс, да так самозабвенно, что выглядят совершенно отрешенными. Она начинает стонать, даже выкрикивать бессвязные слова: „Откуда ...“, „целый километр ...“, „камин ...“, „виолончель ...“, хотя ничего особенного не происходит, как я это состояние понимаю. Вроде все

обычно, думаю я, так почему же столько одурманенных воплей? В сексе у меня самого никогда ничего подобного не было. Я вообще по личным причинам его остерегался. Но на сей раз было и совершенно новое ощущение: казалось, этот эротический гвалт ограждал их от собственного возбуждения, заглушал его пряность. Насмотрелся я этих поз и движений, наслышался криков и стонов и думаю, что ее отцу-то сообщать. Если всю правду рассказать, может, отзовет он ее вовсе из Москвы, лишусь я арендной платы и гонорара за особые поручения. Нет, думаю, мне интересно, совсем иное рассказать или еще лучше вообще помалкивать. Так что когда себя касается, компромисс можно легко и быстро найти. Поквитаться с самим собой – милейшее дело! Является ли эта странная черта особым свойством моего характера? Однозначно не могу ответить! Вот почему так старательно наблюдаю за самим собой всю жизнь и до сих пор частенько сам себе непонятен. Да-с, молчание у нас в стране благо и стоит дорого! Если бы я квартирантке своей концерт по этому случаю устроил, то потерял бы ее со всеми предпочтениями. Если бы на площадях маршировал с протестными лозунгами, покрикивал на власть в колоннах оппозиционных партий и движений, расклеивал бы листовки с антиправительственными лозунгами, то обязательно инспектор из налоговой службы появился бы на пороге, чтобы спросить: „А почему это, Семен Семенович, от тебя налоги с арендной платы на счет государственной казны не поступают? Может, штраф с тебя взять за последние семь лет? Или в тюремную командировку направить? Ведь налоговое законодательство нарушаешь!“ Нет! Извините! Зачем мне все это, что я, на дурака похож? Я отлично знаю, что возвышает человека над другими существами, каково его истинное достоинство. Это его несомненная способность скандалить внутри себя! Какое другое животное способно на такое? Лаять, выть, реветь, показывать зубы, выпускать когти – и проделывать все это без малейшего внешнего выражения! Эх, этот Энгельс: „...труд сделал из животного человека“. Какой, прошу прощения, труд, да при чем тут он вообще? Лишь развивая способности разговаривать с самими собой, наши далекие предки создавали род людской, без этого никак бы *он* не получился. Так что молчание собственного бурлящего сознания – это богатейший генетический феномен, доставшийся нам из глубины веков. Поэтому человеческая самодостаточность должна измеряться лишь способностью безмолвного терзания ран собственного я! Хотя мораль обычно торопится и поминутно лезет с вечным вопросом – в чем, мол, заключается человеческая справедливость, разве не в известном афоризме: «Не делай другому того, чего не желаешь себе сам»? А если именно в этом, то совершенно не правы западники, критикующие нас за молчаливое принятие произвола власти. «Почему вы молчите? Боритесь, господа! Отстаивайте свои права!» Оскомину набили эти *их* призывы. А как же в таком случае реализовывать общепринятый афоризм? Ведь любой твой публичный протест по поводу разгула чиновничества направлен-то против кого-то конкретно. Как же тут «не делать другому того ...», иначе говоря, прими все как оно есть и не выступай. Поэтому лучше всего вообще ничего не делать и предаваться любимому занятию – молчаливо возмущаться. А если кто желает поспорить со мной и попытаться доказать, что я совершенно не прав, то я всегда согласен на такую дискуссию. Только вначале обозначьте мне новый закон бытия, пусть он найдет в моем разуме точку опоры, согласие! А пока я останусь со своими мыслями, идеалами вечной борьбы со злом, но лишь в голове Семена Химушкина. А на публике протестовать против самого себя – это все равно, что хлестать плетью по собственной физиономии! За что же такое наказание, господа!

Если когда-нибудь докажет мне, что жил я не по людским правилам, в ущерб себе и другим, что в результате моего образа жизни мир наполнился безграничным горем, несправедливостью и страданием, то я готов к покаянию. Нет! *Они* должны знать, что я не просто какой-то там выскочка, хвостун, живущий одним днем. Я, господа, русский человек! А это, прошу прощения, нечто совсем другое по сравнению с тем, что можно встретить на мостовых Парижа или аллеях Калифорнии! Без роковой ошибки я не человек, я не русский! Если

во мне нет злобы, если я не ощущаю муки в каждом дне, если не испытываю ночных страданий, дневных невзгод и страхов, то что за жизнь у меня? Что я, европеец? С его вечным материализмом и извращенным комфортом? Избави бог! Ой! Русским наслаждаться жизнью сам Господь запретил! Прямо такой указ издал! Наш удел – сохранять в себе духовную скандальность, возвышенный образ мыслей и драчливость в помыслах. В этом и состоит все величие жизни. А какой же смысл коротать время в пабе, сосисочной или бильярдной? За кружкой пива или с кием в руке? Тьфу! Я смеюсь от всего сердца над *ними*, проживают свою жизнь, словно лишь смерти дожидаются, считают, сколько еще на этом европейском свете им прозябать осталось. Поверили мифу, что за рождением начинается жизнь, а за ней без каких-то там зигзагов – смерть. Нет! Совсем не так-с! Ведь осознание собственной жизни кроется лишь в бунте ума, этим и отличается бытие человеческое от всего другого присутствия. А если мятеж закончился, то накладывай на себя руки – жизнь тоже подошла к финалу! А какое там воспарение сознания под Биг Беном? Или в Гайд-парке, или на каннских пляжах? Гармония противопоказана человечеству, как несносная жара, плавящая мозги наши. Кто же может раскидывать умом при сорока градусах по Цельсию? А если сорок пять, как прошлым летом, а то и все пятьдесят, как в ближайшем будущем? То, что человеческий род все еще существует и существует, сегодня уже не звучит так убедительно. И это обстоятельство меня чрезвычайно радует. А *эти* на Западе создают себе не обремененную проблемами жизнь и наивно радуются, что, дескать, у них все о, кей! Человек без притворства, без мнимой или реальной борьбы, без грандиозных скандалов в разуме полностью обреченное существо. Ему интеллектуальная буря необходима, иначе пропадет, вымрет, как предыдущие биологические виды. Поэтому безудержно стремящийся к гармонии, окружающий себя роскошью, накапливающий капиталы, он, сам того не понимая, приближает конец света. А европейцы, они все ближе к параличу высоких чувств, так что никакой дебош в их сознании невозможен. У нас судят за публичную критику власти, в тюрьмах изгоняют этот социальный недуг, а у них за скандал в собственном сознании ставят диагноз: «безумие»! В их языках даже слово «страсть» не существует в том значении, как у нас: «невероятно возвышенное возбуждение». При определении разных состояний души и разума, проявления всех случаев чувственности у них существует одно лишь и притом не очень уж выразительное слово: «*passion*». Они не пользуются у русских никакой особенной симпатией. Да, французы, да, англичане, ну что тут особенного? Не воспаляется от этих ничтожных понятий наш разум, душа не погружается ни в трепет, ни в восторг, когда слышит эти слова. Как-то совершенно равнодушен к ним наш русский слух! Вот взять, к примеру, немцев: с семнадцатого по девятнадцатый век их считали последними пропойцами Европы. Казалось бы, сколько негатива. Ах! Ох! *Они* пьют свекольный шнапс! *Они* гонят самогон из картофельных очисток! «*Comment peut – on cotoyer des gens, de si bas etage*» («**Как можно водиться с такой низкой публикой!**») – звучало на Елисейских полях. «*if I were German I should certainly hang myself*» («**Если бы я был немцем, то обязательно бы повесился!**») – звучало в лондонских гостиных. Странная логика: позорно было быть *немцем*. А именно в это время *они* создают величайшую музыку, философию, науку, литературу. А что сейчас? Перестали пить, разломали самогонные аппараты, допустили к себе парижских парикмахеров, стали щеголять на французский манер, по-английски капитализировали, усреднили оригинальную ментальность, широко ввели в лексикон слово «бизнес» – и что? Ничего нет! Все исчезло! Культура погибла: остатки *их* духа живут нынче лишь в шедеврах прошлого! В бесчинствах разума *их* теперь не заметишь. Они вместе с бывшими своими *критиками* вышли на подиум попкультуры поведения и творчества (если слово «творчество» вообще подходит к этому виду деятельности).

Если в прошлом европейцы были *убежденными* христианами, что позволяло им скрывать неспособность к бузе в сознании, то теперь они таят банальность своего разума за стилем поведения, брендами, гольфом, модой с пренебрежением упоминать Россию. Жаль! Не

ведая, *они* сами приближают конец света! И никакого по этому поводу беспокойства, дискуссии в обществе и в собственных головах. Нам никак нельзя допускать на наше поле обнищавших душой жителей Старого Света. Да, карман у них тугой, набитый, города блестят чистотой, уютны, одежда отутюжена, вырезвители нет, тюрьмы и дома для сумасшедших полупусты. Но что еще? Чем они по существу отличаются от нас в лучшую сторону? Кто возьмет на себя смелость утверждать, что их бабы дефилируют сексуальнее, чем наши? Где тот безумец, который заявит, что у плодов их земледелия есть хоть какой-то вкус? Что их времяпрепровождение более выразительно, что память заполнена неиссякаемыми сюжетами, а сознание подвержено нашествию скандальных тем?

Нет! Ничего подобного! Но что же в них такого, что толкает их к представлению, будто им живется лучше, чем нам, будто им весьма комфортно в европейских стенах, а у нас, значит, совсем дурно? Ведь главное для человека – разум. Размышляя над строением себя самого, я пришел к выводу, что состою из прочной триады: самости, скандала в себе, художества собственного разума. И никакие там чувственные химеры – нравиться публике, испытывать вкус лангустов, отмечать красоту прически, изящные линии женского тела, наслаждаться ароматом сигар, аплодисментами в мою честь – меня абсолютно не интересуют. Нужен ли нам такой рафинированный вкус, которым гордятся европейцы? Их изысканные манеры, возведенные в ранг интеллекта? Как держать вилку? Как открывать рот? Пить ли по глотку? Тьфу! Ой, не наше это дело, господа! Совсем не наше! Бурлящий самыми разными идеями, бунтующий разум – вот русская стихия обитания! Кто мы без него? Европейцы! А хотим ли мы этого? Нет, господа, ох как не желаем. Спросишь сейчас европейца о наливии у него желаний – он обязательно выскажется слоганом из теле-газетной рекламы. Нет-с, сознание у *них* давно потеряно! Поэтому *они* и лезут на всевозможные демонстрации, чтобы себя показать и на людей посмотреть. Погода ведь способствует, не то что у нас! А один господин как-то даже открыто высказался: «Протестные тусовки – лучшее место для знакомства! Женщин уйма! И не надо ломать голову, с чего начать кадриться». Ну вот скажите мне, господа российские, вы-то меня лучше поймете: может ли кто-нибудь из вас выйти на митинг или демо, если ваши мозги дымятся от проблем бытия, если сознание ведет интенсивную борьбу по какому-то музыкальному, философскому либо научному вопросу с правительством, солидным оппонентом или группой ученых? Ведь ни один разумный человек не позволит себе по одному и тому же вопросу участвовать в совершенно разных по накалу скандалах. Один раз в обстоятельной аналитической дискуссии внутри себя, а другой – в колоннах незнакомцев на площадях и улицах Москвы. Что же из такой очевидной глупости получится? Срам! Интеллектуальный срам, господа! Поэтому нет! Избавьте Семена Химушкина от европейской политической культуры. Я лучше продолжу бузить в собственном разуме! Ласкать себя страстными парадоксами российской версии человеческого предназначения. Больше пользы извлеку из такого чисто национального принципа. Ведь мы веками приучали себя, что необходимо желать себе всего наихудшего, наиглупейшего и мерзкого, потому что лишь такие сюжеты могут привести к скандалу с самим собой, а значит, они открывают прямой путь к бунту и к творчеству. Что же получится, если я начну желать себе огромного состояния, высокой должности и невероятной власти, тем самым постоянно тешить свое самолюбие уверенностью, что вот-вот получу все это, да еще в неограниченном количестве. Не запрю ли я в ожидании-то? Не оевропеюсь ли? Надо, конечно, признать, что среди нашего замшелого брата нет-нет, а встретишь такого, кто обо всем этом слезы льет и вымаливает у судьбы выгодный кусок, да пожирнее. И какая у него невероятная способность к таким пожеланиям, к фантастическим представлениям о возможной жизни в роскоши, ну, действительно, как будто в Европе на ноги встал. Другой раз даже подумаешь, а не французским ли молочком он выкормлен. Помнится, коммунисты на сотни миллионов долларов во Франции масло и молоко ежегодно покупали! Не следы ли это той самой внешнеэкономической

ческой экспансии? Французы – люди коварные, помнится, еще «чутьочку славянский» Бальзак (ведь связался же с полячкой) их все высмеивал, но так ничего и не добился. Поэтому обычный русский конец ожидал его: помер рано, разъеденный болезнями...

А может, все это и не так было, а я только себя утешить захотел, слезы выдавить у себя за тех, кому симпатизирую. Ведь частенько бывает, думаешь одно, а сам с собой говоришь совсем о другом. Видимо, такова особенность одиноких скандалистов. Но тут хочется добавить самое главное: мы, русские, изумительные люди, и прекрасно, что не ведаем, да и не хотим даже прогнозы строить, чем все закончится, что именно сулит нам фортуна. Настоящее для нас совсем не важный фактор, нам бы проявить презрение к окружающему миру, к его недостаткам, его испорченность понять до самых глубин. А что настоящее? Является ли оно предметом моих умственных странствий? Зачем его вообще знать? Я, да и мы все русские, живем лишь отдаленным будущим, даже не завтрашним и не послезавтрашним, а после-после-после-послезавтрашним днем! В какой-то магической, труднодоступной глубине будущего. Именно в нем все самое сокровенное только и возможно, оно всегда перед глазами, с замечательными сюжетами чего-то скандального, чрезвычайно привлекательного нашему живому выразительному представлению. Ведь в сиюминутном, кроме бытия, обремененного реальным укладом, ничего фантастического нет! Так что в состоянии перманентных скитаний в грядущем, терзающих мой рассудок, я и существую. В нем и есть наша абсолютная самость, желающая выйти за собственные границы. У меня в этой связи даже некий проект в сознании вызревает. Ведь если бесчинства мозга исчезнут, перестанут меня донимать, задохнутся вследствие обольщения европейской жизнью, куда деваться? Где и какую найти новую точку опоры? *Мораль*? Это самая непостоянная категория, некая вечная изменница, блудница, она примеряет маску лишь на потребу дня. Разве можно служить такому хамелеону? А стержень необходим, как же без него? Мы, русские, без стержня никак не можем. Поэтому в бесплодных мечтаниях, несомненно, лидируем. Но именно это состояние повышает наш интеллектуальный уровень над всеми другими. Буза в сознании для меня что для европейцев сексуальные капризы, продолжающиеся игры тотального вещизма, непреодолимое стремление к химерическому господству над миром.

Каким деформированным сознанием надо обладать, чтобы стремиться к власти, к покорению мира, к подчинению своего ближнего любым путем? Как же человек может властвовать, если сам является чрезвычайно зависимым существом? И главная, головокружительная зависимость – это, прежде всего, сама тайна смерти. Внезапной и непреодолимой. Победитель, властитель мира – Александр Македонский, в расцвете лет скончался от укуса какой-то там едва заметной пустынной мухи, а царица Египта, молодая красавица Клеопатра, погибла от яда змеи. Или французский король Франциск, который на рыцарском турнире был случайно смертельно ранен в... А сколько еще известных или совсем неизвестных персонажей в мировой истории оканчивали свою жизнь таким невероятным образом? Нет! Тот, кто лишен понимания, что командовать можно лишь самим собой, переселиться для бунта лишь в собственный разум, недостоин будущего. Но куда же деть тех, у которых почутя нема, не разумеют вони того (ох, господи, я всегда умиляюсь вкраплению в русскую речь украинских словечек), что вредно человеку жить, если его преследует мания властвовать, подчинять, отдавать команды, вершить судьбы, возвыситься смертному над смертными? Я *их* про себя научился прощать, ведь как можно злиться на животное, не понимающее язык разума, ищущее смысл жизни не в дебоше сознания, не в борьбе с самим собой, а в бегстве от всего этого к какой-то внешней гармонии. Да еще у многих (а их становится все больше) сознание совершенно непригодно к оценке собственного «я», а отсюда и к бузе, к катаклизмам в самом себе. А какое это любопытнейшее занятие – поскандалить внутри себя с полнейшим убеждением, что все, о чем ты ведешь спор, существует в действитель-

ности, что это правда, правда феномена собственного представления. А разве есть другая действительность?

Но тут на ум приходит другая мысль: разве можно сравнить желание скандалить внутри себя с потребностью *властвовать*? Нет! Вот посудите сами: почему такое беспрецедентное противостояние кандидатов на президентский портфель я наблюдал в Киеве? Первое: потому что я сам вовлечен в этот процесс, но заинтригован им помимо своей воли, при отсутствии какого-либо желания следить за этой кампанией. Вот это-то и является для меня предметом воспаления разума. Может, мне и интересно, чем все закончится, но лучше вообще не быть посвященным в такие никчемные дела, потому что я противник всякой власти. И все-таки что-то ведь тянет меня знать обо всем этом, и тут я начинаю скандалить с самим собой. Если мне наплевать, кто станет президентом, то почему я погружен в эти события, и не просто погружен, а страстно болею за одного из кандидатов, хотя до этих выборов ни об одном, ни о другом ничего не слышал и знать что-либо, честно говоря, не хотел.

Второе: я ловлю себя на мысли, что если тот кандидат, на которого я поставил, пройдет, у меня это вызовет желание, может, даже, на первый взгляд, унижительное и никчемное, начать расследование логической путаницы, которая вынудила меня страстно болеть за *того*, кто выиграл выборы. Так вот, господа, возможность устроить скандал в собственной голове меня весьма прельщает, без этого я вовсе не хочу существовать, потому что уверен, что в таком случае меня ждет не жизнь, а самое последнее прозябание, именно то самое состояние на европейский манер, которое я высмеиваю. Чекайте, я ище не закинул, вот другой пример из частной жизни одной из моих квартиранток. Он меня, конечно, по вашему мнению, никак не украсит, а мне, собственно, все равно. Я вспоминаю о нем исключительно для самого себя, чтобы сохранить последовательность мысли. Как я давеча признался, отец студентки доплачивает мне, чтобы я регулярно доносил ему обо всех похождениях дочери. События вокруг нее, свидетелем которых я становлюсь, не заслуживают того, чтобы их фиксировать и передавать дальше. Но если я начну воспринимать действительность такой, какая она есть на самом деле, без фантазий, а порой и осмысленных заблуждений, то необходимость моего наушничества через пару месяцев исчезнет. Однако при этом я лишаюсь неплохого гонорара. Нужно ли мне это? Нет! Поэтому я начинаю бузить в собственной голове, большей частью по поводу какого-нибудь вымышленного впечатления. Придумывая сюжет, я вовсе не забочусь, куда он сможет меня привести, но со временем снежок превращается в снежный ком и уже лавинообразно несется на мое сознание и в уши заказчика. Самое интересное в этой или подобных историях то, что я сам начинаю верить всему выдуманному. Оно становится частью моей жизни, более того, я уже без этих вымышленных сюжетов не могу существовать. Я так глубоко вхожу в роль *наблюдателя*, что начинаю жить этим скандальным вымыслом, становлюсь его обреченным летописцем, полностью посвящая себя распутыванию или запутыванию высосанного из пальца, но уже реально существующего в моем мозгу тарарама!

Нет, господа! Это чудо! Другого такого замечательного удовольствия испытать нельзя, ничто не способно так сильно воспалить твой разум, как эта удивительная трансакция. Когда фантазия становится реальностью, частью твоей жизни, когда воспаленный разум не дает тебе никакой возможности изменить сюжет, поменять слова, вырваться из намеченной колеи, ты начинаешь понимать, что ничего лучше жизни в самом себе нет и быть не может. Тут все чужое становится твоим, близкое – родным, родное – сакральным! Ничто превращается в предмет, с очертаниями и смыслом. В реальность!

Мне послышалось, что кто-то бросил слово – «Интернет». Нет! Остановитесь! Что может быть лучше собственного «я»? Оно твое! А Интернет – он чужой, он же смоделирован с мозгов человеческих, жалкая копия, он не в состоянии вознести тебя в мир высшего сознания. Общение со всемирной паутиной даст лишь заурядную возможность открывать чужие

книги и знакомиться с посторонними мыслями. Неужели это удел уникального разума? Нет-с, нет-с, не каждого, а лишь моего, мне подобных!

Не желаю, чтобы складывалось впечатление, будто мое скандальное сознание интересуется только темами бытового порядка. Нет! Хочу заметить, что это совершенно неверное предположение. На сей раз в моей голове созревает очередной дебош – касательно первоначального состояния той туманности, из которой развилась наша планетная система. Хочу предположить, что до образования планет вся материя была равномерно распределена в пространстве, простиравшемся за орбитой Нептуна. Допустим, что этот сфероид был сплюснут, даже чрезвычайно сплюснут. Легко таким образом вычислить, что его плотность была в десять миллионов раз меньше плотности водорода. При такой малой плотности туманность не могла долго сохранять высокую температуру. Она стала охлаждаться, и вызвала то уплотнение, которое в свою очередь явилось новым источником тепла. Спектральный анализ также подсказывает: вполне вероятно, что некоторые туманности, наблюдаемые в настоящее время, не обладают сверхвысокими температурами. Даже в ту эпоху, когда от Земли отделилась Луна, первая оставалась еще газообразной. Вычисления показывают, что средняя плотность Земли была тогда в пять раз меньше плотности водорода. Эти данные могут лечь в основу игр разума при попытках открыть закономерности первоначального расположения отдельных планет по отношению к Солнцу. Если взять теорию Тициуса – Боде, то прогрессия, представляющая расстояние планет от Солнца, будет выглядеть следующим образом: 3, 6, 12, 24 и так далее. Приписываешь к ее началу 0 и прибавляешь ко всем числам ряда по 4. Полученные данные соответствуют расстояниям от Солнца, если расстояние Земли от него принимается за 10. Но можно применить теорию Вурма, который принял расстояние земли за 1000. Итак, намечающийся скандал в сознании будет связан с подходом к решению главного вопроса: какую формулу в этих подсчетах применить. Первую $(10) \text{ или } 387+2^{n-1} \cdot 10$ или вторую $(1000) \text{ или } 387+2^{n-1} \cdot 1000$. Вполне возможно, что другие уже ломали над этим головы и знают правильное решение, но мне еще предстоит это свершить, и от предстоящей бузы в голове я испытываю необыкновенное удовольствие.

Скажите, господа, способен ли занять себя такими вечными, будоражащими темами тот, кто рвется к власти? Кто строит свою карьеру таким образом, чтобы управлять людьми? Не планетами, не цифрами, не исследованиями мироздания, а себе подобными существами!..

Или сейчас я вот занимаюсь другими вычислениями. Цунами в Юго-Восточной Азии оживили интерес к таянию ледников Антарктики. Мы замечаем, как меняется климат. Почти весь декабрь 06 и половина января 07 температура в Москве была плюсовая – это же событие из ряда вон выходящее. Пора каждому задуматься над этими аномальными явлениями. Так вот, дебош в моем сознании начался после публичного выступления нашего метеоролога Александра Беляева, заявившего, что в течение ближайших пятидесяти лет в результате таяния ледников воды Мирового океана могут подняться на высоту до ста метров. Поэтому, дескать, окажется под водой вся Италия, большая часть Франции, вся Голландия и так далее. Чем не повод поскандальить и раскинуть умом, что может противопоставить интеллект такой невероятной стихии? Допускаю, мои мысли покажутся вам не заслуживающими внимания или вы сами заняты этой проблематикой и ваш скандальный разум тоже ищет панацею от всемирного потопа, тогда расскажите о вашем научном поиске. Я с ним с удовольствием ознакомлюсь и наверняка раскритикую. Хочу, чтобы вы знали: ох, не простой я человек. Критиковать для меня сущее удовольствие. Так сказать, пучина моего человеческого. Разнообразными способами я подсчитал: чтобы поднять на сто метров территорию Европы, нам понадобится не один триллион кубов земли. Но если это предположение заслуживает внимания и наш разум хочет ответить на такой беспардонный вызов, то необходимо достичь другой отметки – сто пятьдесят метров. Чтобы континент не подмывало. И если сгладить

все неровности Европы – Карпаты, Татры, Альпы, Пиренеи, Апеннины, Балканы, Уральские и Кавказские горы и так далее, – объем высвободившего грунта будет равен многим тысячам триллионов кубов. Это позволит поднять всю территорию Европы, то есть десять миллионов квадратных километров, приблизительно на триста метров, а то и значительно выше. Но чтобы начисто проигнорировать всемирный потоп, человеку необходимо поднять Европу лишь на сто пятьдесят метров. Как перенести такой объем грунта и за такой короткий срок, какие использовать ресурсы, технические и демографические? В Европе – около семисот миллионов человек, в ней зарегистрировано примерно пять миллионов грузовых, десять миллионов полугрузовых и более ста миллионов легковых автомобилей, а так же более двухсот тысяч экскаваторов с грузоподъемностью ковша свыше пяти кубов и еще четыреста тысяч, ковш которых способен брать за раз менее пяти кубов. Итак, грузоподъемность среднего европейского ковша 3 куба, загрузка—разгрузка составит 5 минут. 24 часа делим на одну двенадцатую, получаем 288 ковшей, умножаем их на три куба. В итоге – 864 куба на один экскаватор. У нас шестьсот тысяч экскаваторов, в день получается 518 миллионов 400 тысяч кубов, это 190 миллиардов кубов в год. 100 миллионов самых разных автомобилей – средняя грузоподъемность два куба, три рейса в день, получается более двухсот миллионов кубов в день или около четырехсот миллиардов кубов в год. Этого явно недостаточно. Необходимо в сотни раз увеличить парк техники, чтобы за пятьдесят—семьдесят лет перелопатить такое огромное количество грунта. Помимо этого можно использовать ручной труд всего европейского демографического ресурса. Достаточно мощная машина. Так что задача – скрытые горы перевезти по всему европейскому континенту – вполне посильная! В этом вопросе, господа, я близок к правильным расчетам. Придется многим жертвовать. Вечный Везувий закроет замечательный Неаполь, грунт Монблана застелет романтическую Женеву, пиренейской породой завалят задиристый Сан-Себастьян и величественный Мадрид, базальтом Апеннин заложат Барселону с ее роскошной архитектурой Гауди и бульварами... Но по поводу Азии, где объем неровностей значительно выше, Северной и Южной Америки, самой богатой возвышенностями частью света, Африки и Австралии необходимо еще внутри себя поскандальить. Однако в любом варианте, чтобы заняться этими основательными расчетами, мне нужны данные статистики.

Но вот другой вопрос, умиляющий мое воображение: хватит ли человеческого сознания и мощи, чтобы захоронить собственную цивилизацию? Нет-с, господа, конечно, речь не только о материальных ценностях, хотя я сомневаюсь, чтобы европейцы равнозначно горевали и о духовном, и о материальном. Придерживаюсь того мнения, что материальное у них шагнуло значительно дальше, ой, аж разницы не видеть... Взглянуть бы на эту работу, на это время, на эту многосторонность изумительных и горчайших человеческих чувств. И, тем не менее, ведь совершенно не просто закапывать в могилу свою культуру, хотя куда обиднее – нажитое добро. Прошу прощения, дайте минутку прислушаться к совершенно неожиданной, бесподобной мысли... Вот, гарно! Вот, необычайно, дюже приемно! Здорово-то как! Тильки що в мою скандальную голову пришла необыкновенная идея: начать заблаговременно переносить на территории, которые не уйдут под воду, все шедевры европейского искусства. Самые выдающиеся памятники Флоренции могут переехать на Среднерусскую возвышенность, в Орел или Курск, дворцы и храмы Вечного Рима – на московские холмы. Кстати, наконец появится заслуживающий внимания повод убрать убогие образцы коммунистического строительства. Памятники Парижа могут переехать в Киев, Лондона – в Саратов, Амстердама – в Самару, Гамбурга – в Екатеринбург, Ниццы – в Чебоксары, Английская набережная Ниццы станет набережной Волги. Готику Геттингена перевести в Тернополь! Прекрасно! Браво! Лучшие строения Берлина смогут расположиться в Тамбове, Брюсселя – в Сызрани, Афин – в Волгограде... Вот где понадобится практический опыт проведения Ленинских субботников. Тут невольно вырвется: «Цивилизация пришла в Россию благодаря

всемирному потопу!» Но как изменится европеец в России? Этот вопрос интересует меня больше всего. Над этим главным делом нам надо ох как поработать. Чтобы ни в коем случае не мы изменились, *они* должны стать русскими, зажить в нищете, без протестного самовыражения, без желания выходить на демо, без потребности жить в роскоши, с капиталом, с философией глобализма, среди мировых брендов, евро, долларов. Да, тут у нас, у русских, новых забот станет по горло! Ведь надо поменять ментальность у семисот миллионов! Дух захватывает! Но мы уже по истории знаем, что у нас, чем круче задача, тем больше шансов ее выполнить. Если надо было бы изменить десять миллионов или даже двадцать, никто бы рукой не пошевелил, а тут вся Европа! Отечественная переделка европейца! Кардинальная и скоропалительная. Пятилетняя программа! Наша природная особенность *бистро* избавит пришельцев от прирожденного тщеславия. Все наше, по их мнению, «ложное», должно быть *ими* принято, как истинное, как самое сокровенное, как основное свойство человеческой природы. Но главное – *они* все, да и мы все, да и все-все должны задушить внутри себя это острое желание властвовать, это упорное отстаивание векового ложного тезиса: власти заслуживают великие! Кукиш всем этим великим! Дайте первому встречному премьеру возможность погулять под чужой личиной, наденьте на любого президента маску и попробуйте пообщаться с этими незнакомцами. Спросите у них мнение о самых обычных вещах: ну, допустим, сколько пьет средний украинец или голландец, или сколько мяса ест средний француз либо русский, или как снять телку, или как заработать на жизнь, или как проявить солидарность с нищими, или что такое испорченность человеческого рода, или кто это такой художник разума, или сколько стоит булка? Ответ их никогда вас не удовлетворит. Да! Без власти – это скучнейшие люди, господа! И грош им цена на бирже труда! Многие из них и на хлеб заработать не смогут, а к власти тянутся, ох как лезут, как карабкаются, проныривают и вворачиваются в кремлевскую элиту! А сами блефуют – меня народ избрал на пять, на семь, на десять лет, на всю жизнь! Особенно в этом преуспевают наши губернаторы. В губернии всего-то десять школ, а свой министр просвещения. В субъекте федерации один театр и тридцать развалившихся дворцов культуры, в которых артисты годами зарплату не получают, – а министр культуры ходит с высоко поднятой головой. В области ни одного завода, а в региональном правительстве – министр промышленности. Впрочем, мне это совершенно все равно, более того, мне такое наше безрассудство и шарлатанство даже по душе, ведь чем хуже, чем смешнее жизнь русского человека, тем большее любопытство к ней испытываешь. Поэтому мне абсолютно непонятно: как там европейцы живут? С какого такого пункта они удовольствие испытывают? У них так правильно жизнь организована, в такой бесцветной прозрачности и предсказуемости она протекает, не желая меняться, что никакого повода не найдешь вдоволь посмеяться, поплакать. С кем же поскандальить, чтобы в жилах кровь вскипела, с кого спросить, как возможно жить без скандала в сознании? И тут невольно подумаешь, что, видимо, это действительно мудрое наблюдение: то, что правильно по-ихнему, как раз, ха, ха, ха, неправильно по-нашему. И наоборот! Ведь неспроста закрепилась поговорка: «Что русскому в усладу, то немцу настоящая смерть». И если третья мировая война состоится, то это будет совсем новое противостояние: ломка ментальности, переделка приоритетов, изменение философии жизни, это будет трансформация всей Европы – или мы *их*, или *они* нас! Или мы польстимся на *их* стиль жизни, или *они* станут жить по-русски! В этом смысле я оставляю за собой право называться провидцем будущего, да, господа, я готов утверждать (над этим внутри себя скандалил много раз), что к 2025 году вся Европа сольется, втиснется в новый диапазон *artemano*. Или еще оставшийся на российских просторах мятежный дух будет изведен европейским параличом, или начнется формирование человека по моему образу и подобию, с русскими ценностями существования. И нагромождение непреодолимых трудностей в самом себе станет главным инструментом развития человека. Я очень надеюсь, что нездоровая европейская ментальность к тому

времени погибнет, никому не придется действовать ножом, спускать затвор Калашникова, выводить из ангаров гусеничную технику или распылять отравляющие газы: сам инстинкт жизни заставит *их* измениться. Да, они наша противоположность! Мы чудаки и мечтатели, скандалисты и любители выпить покрепче, разгильдяи, но гениальные изобретатели. Они – моралисты, считающие, что ложь может быть священна, потребители, готовые купить и продать любого, добродетельны, но в меру. Они считают, что у них нет права быть «вторыми», они всегда первые, самые лучшие, самые богатые, они все делают по строгому расписанию, по заведенному распорядку. Если угощают – то по гамбургскому счету, если любят – то по брачному контракту, если ненавидят, то дозированно, по определению суда; сановиты, но строго по ранжиру. Когда мы отстегиваем нищему, то убеждены, что даем милостыню самим себе, когда они жертвуют обездоленному, то тешат себя чувством собственного превосходства. Мы – паломники хаоса, вседозволенности и разгула, единственная наша цель – неограниченная власть империи духа. Они – опекуны порядка, отчимы почтительности, высокомерные прокуроры и безжалостные судьи нашего внутреннего мира. Мы относимся к ним уважительно, с респектом, они к нам – со снисхождением, как богатый дядька к осиротевшему, обездоленному родственнику. Делу и любви мы отдаем себя полностью, они долго размышляют о целесообразности поступка и почти всегда материально выигрывают в долгосрочном раунде. Так вот, между этими двумя традициями продолжается и набирает силу молчаливое соперничество. Если мы победим, то мало кто услышит музыку победы, если они одолеют нас, то звуки фанфар оглушат вселенную. Если мы про себя начнем бузить, они не замедлят нас публично презирать, глумиться над нашим состоянием. Ох, сколько пренебрежительности, сколько ненависти они исторгают по нашему адресу, а мы всегда и всем прощаем, нам не до их смешков, их проклятия нас разве что забавляют. Но будущее должно выглядеть совсем по-другому, по-химушкински. Ох, как страстно я о нем мечтаю. Интеллект надо-то спрятать, выделить... А пока еще один небольшой локальный дебош можно устроить в своей голове, и день, похоже, заканчивается.

Устал! Пора поспать, чтобы завтра поскандальить опять! Главное, что никто не мешает, никто не спросит, почему о них ты подумал так или иначе, чего вдруг они у тебя в черный цвет вымазаны. Когда ты сам по себе размышляешь, только память может служить против тебя свидетелем, но ведь собственная память никак против тебя свидетельствовать не станет. Итак, почему у нас, по разные стороны от Сбруча и Немана, совершенно разные «критерии чести»? Ведь природа человеческая одна, а нравственные законы совершенно разные. Ну, например, вообразите, что на тротуаре возле кучи мусора вы встретили на улице российского города развалившегося храпящего пьяницу. Что вы сделаете, что сделаю я сам, встретившись с таким житейским сюжетом? Я осмотрюсь, чтобы выбрать моему земляку местечко поудобней, подтащу его туда, положу под голову газетку ли, коробку или листья березы и, уверенный, что ему теперь еще *лучше* стало, пойду дальше своей дорогой. И так поступят большинство из наших граждан. Потому что каждый поймет – человек отдыхает, ему сейчас хорошо... Но представьте себе ту же картину на улице английского городка: что произойдет там? Одни пижоны, заткнув нос, пройдут мимо; другие перейдут на противоположную часть улицы, третьи – сплюнут, четвертые усмехнутся, про себя подумав: как прекрасно, что до этого они не дошли, пятые – вызовут полицейского, и так далее. Вот как велика разница. Может сложиться впечатление, что живут на земле два совершенно разных биологических вида.

Или как у нас описывается страховой случай и как у них. Тоже весьма примечательная, поучительная история. Если пассажир покупает билет, скажем, на вокзале Нижнего Новгорода или в любом другом месте нашей России, то ему обязательно все разъяснят и порекомендуют застраховать себя в поездке. Страховые случаи опишут таким образом: «Если вы упали со второй полки и разбили голову, получили сотрясение мозга, потеряли два стакана

крови – страховая премия будет состоять из двенадцати долларов; если ваша нога ненароком застрянет в унитазе и в результате усилий высвободить ее она у вас поломается в двух местах – премия пятнадцать долларов, три перелома – семнадцать долларов; если вы случайно выпадете из поезда, в результате чего лишитесь одной ноги, получите премию тридцать пять долларов, двух ног – шестьдесят долларов, двух ног и одной руки – восемьдесят два доллара, двух ног, одной руки и глаза – сто пять долларов». И так далее. Англичане совсем по-другому описывают страховые случаи на лондонском вокзале Виктории: «Если, открывая бутылку шампанского, вы испачкали платье, то предъявите чек на его покупку. Если оно стоило до двухсот фунтов стерлингов – вам выплатят сто процентов стоимости; если до трехсот фунтов – вы получите страховую премию восемьдесят пять процентов. Если цена платья была пятьсот фунтов – вам полагается семьдесят пять процентов от стоимости. Если до тысячи фунтов – вы получите семьдесят процентов, если свыше тысячи фунтов ...» и так далее. Или если птичка капнула на ваше пальто (шляпу), то чистку оплачивает страховое общество, если пятно не удаляется, то на премиальные вы покупаете новое изделие. Или поцелуй был таким крепким, что выпала коронка, или целовальщик проглотил пломбу. Страховое общество возмещает все расходы по таким фактам». Сразу бросается в глаза колоссальная разница между нами. Они из-за пятнышка от шампанского готовы новые наряды покупать, деньги расшвыривать, а мы ломаем головы, ноги, руки, глаза травмируем – и получаем всего лишь двадцать – пятьдесят долларов. Но в этом не наша, а *их* трагедия. Что тут необходимо признать истинно человеческим? С одной стороны, перед нами европейский стандарт: больше денег – комфортнее живется, то есть материальные ценности – это символ стабильного существования, сводящего воедино все привычки, стиль, манеры, запросы, одним словом, мощная оборона каждого «я». Но все эти инфраструктурные блага лишают человека основного – страдания. Поэтому у *них* возникает лишь кажущееся благополучие. Сердце бьется ровно, давление как у младенца, зрение не требует очков, почки в необходимом объеме выводят жидкость, может, даже разум не спит – человек смотрит ТВ, решает кроссворды, читает детектив. Одним словом, вполне здоровое существо, но ума в нем никак недостаточно. Сознание, интеллект, воля, чувства – все функционирует как с аппаратом искусственного дыхания. А у нас иначе: в России страсти разрывают душу, сила воли бьет из неисчерпаемого источника, назойливое заблуждение вызывает у публики восторг, стонущие от ошибок раны порождают у соотечественников умиление, темперамент способствует стенокардии, скандал в сознании пробуждает восхищение жизнью. Колька – а ему стукнуло сорок, Яшка – а ему едва пятьдесят, Петька – а у него седая голова, Славка – а он уже дедушка, Ленка – а он ветеран войны, Сережка – а ему уже за восемьдесят. Совсем разное отношение к жизни и к людям. У них необходимо быть хорошо одетым, иначе с вами не заговорят, душистым, а то не пригласят к столу, иметь солидный капитал, в противном случае не откроют двери. А мы не щадим себя, наша душа открыта любому, сердце приветствует первого встречного. За нашим скудным или богатым столом сидят званые и неприглашенные; мы скромны в средствах, но сыты по горло; мы с дырявым карманом, но упиваемся до чертиков, мы самые бедные в средствах, но самые богатые духом. Как это получается, господа европейцы? Вы уверены, что Цицерон – это фирма, продающая салфетки, Кант – это машина для стирки белья, Чайковский – это современный американский музыкант, живущий на Седьмой Авеню, а Пушкин – русский водочный король? Сознаю, что рискую оскорбить ту часть европейцев, которые близки нам своим образом мыслей и архитектурой жизни. Нет-с, господа! Я прекрасно представляю ваше невыносимое существование, нередко горюю вместе с вами. Ваша жизнь мне представляется изгнанием, ведь я сам никогда не согласился бы на эмиграцию. Совершенно невозможно проживать русскому в европейских кварталах. И тут нет никакой разницы – в английских или во французских. Все дело тут в моих национальных инстинктах, в страстях, выходящих далеко за пределы сознания. Поэтому ника-

кое даже самое комфортное европейское размягчение нашей жесткой одинокой натуры ни к чему не приведет. Ведь признаки человечности для *них*— рискованный анахронизм. Я представляю искаженную несчастьем физиономию орущего из-за потери денег европейца, и этой жуткой гримасы хватает мне на неделю чертовской неприязни. Ой, надо быстрее выпить водки, чтобы злобное наваждение прошло, чтобы дух стал русским, чистым, таким, который пьянит не меньше водки. И тогда забарахлят стрелки часов, время исчезнет, воцарится вечность непреходящего наслаждения. И в один миг моя комната с мебелью в стиле хрущевской оттепели превратится в райское жилище. Скандалить в собственном разуме, господа, — здесь требуется значительно больше сил, чем если заниматься этим замечательным делом наяву.

В этом упоении безумством национального превосходства, уже уставший беспрестанно мозговать, я заснул.

Глава 2

Я знал, что меня нетерпеливо ждут уже два часа. Они были далеко, в ресторане «Омиан» международного центра торговли. Но я не торопился ехать к ним, а самым язвительным образом продолжал представлять себе эту знакомую ненавистную публику. Подсматривая, наблюдая за ними в своем воображении, приглядываясь к их наигранным манерам, наблюдая за их фальшивыми ужимками, улавливая их скверную лексику и глупейшие разговоры, я презрительно усмехался. Да-с, от своего жестокосердного представления до тошноты знакомой действительности мне было хорошо! Да-с, моя душа радовалась! Я ожидал именно этого – их унижаешь, а они воркуют, над ними насмехаешься, втоптываешь в грязь, а они веселятся, не обращают на свое положение никакого внимания, наносишь им увечья, а они лишь угодливо стонут. Чувство смущения и неловкости им неизвестно. Оскорбление от значительного лица они воспринимают как поощрение, но те же бранные слова, высказанные в их адрес человеком, стоящим ниже по определенному им ранжиру, вызывают у них ярость. Да, современный русский человек именно таков! Ему совершенно наплевать, когда его оскорбляют, но если он сам поносит ближнего – его гордости нет предела! Впрочем, я и сам поражен этим недугом, а у меня эти странные потребности выражаются еще более болезненно и омерзительно. Может быть, именно поэтому в плохом расположении духа, отстраненно оглядывая самого себя, я все навязчивее думаю о том, что следует придушить этого типа. Впрочем, такое безумное наваждение быстро проходит. И я опять начинаю насмехаться над своим уродливым окружением. Ну и народ! Тьфу! Ну и человек! Тьфу, тьфу! Во мне как-то сразу укоренялась страсть с еще большей злобой потешиться над всеми *ними*, и это повышало мое чувство собственного достоинства. Если бы я сейчас говорил не про себя, а вслух, то голос мой дрожал бы от восторга перед собственной непохожестью ни на кого. Да, Иван Степанович Гусятников, то бишь я, чрезвычайно оригинальный русский человек. Если я маскирую самомнение, насмехаюсь, ощущаю благоденствие пороков, торжествую, возвышаюсь над людьми, то прежде всего я ублажаю самого себя, подчеркивая свое необыкновенное величие, многосторонний талант к самым низменным и возвышенным желаниям. Тут у меня поистине изумительные способности. Да-с, господа, я безумно влюблен в себя! Так могут восхищаться собой лишь отъявленные нарциссы. Не только денег и самых пышных комплиментов я не жалею для собственной персоны. Чтобы чувствовать себя свободно, считать себя хозяином мира и жизни, я прежде всего ни во что ставлю человека. Тьфу! Что он такое? Биологическая масса! Он интересует меня лишь в той степени, в какой можно использовать его для получения собственного удовольствия, чтобы тешить свое высокомерное сознание. Я еще ни разу не встречал человека, который смог бы стать рядом со мной, как равный и самодостаточный в своих безобразнейших фантазиях. Я – созидатель, но не тот, кто прокладывает дорогу в тайны науки, а совсем иной, редкий, даже редчайший. Таких, как я, ни в каком мире не отыщешь. И чем меньше оставалось у меня шансов встретить в жизни похожую на себя натуру, тем сиротливее, ехиднее и возмущеннее становился я сам, тем уродливее, желчнее выглядели мои поступки и устремления. В таком странном настроении ума мне захотелось повстречаться с теми, кто ожидал меня в Международном центре торговли. И тут же я вообразил более трехсот человек, скопившихся в фойе ресторана «Омиан» (они и в самом деле кучковались там в ожидании моего пришествия и предстоящего кутежа). Было душно и шумно. Мужское большинство что-то напряженно обсуждало. Обычные столичные сплетни: кого куда назначили, кто, сколько и на чем заработал или оставил кого-то с носом, кто кого соблазнил и насколько попал в расходы. У кого отняли бизнес, кто спрятан в Матросскую тишину, лишен административного ресурса, кого раздавила власть, кого и за сколько приглашают на ТВ и т. д. Женщины в блеске нарядов

и драгоценностей исподлобья бросали друг на друга пытливые взгляды. Одни столичные дамы, с голыми шеями, причудливыми прическами и бронзовыми от соляных ванн лицами, убеждались в собственном превосходстве. Другие – с крашеными волосами и розоватыми от макияжа физиономиями – тут же принимали решение прямо поутру проехать по элитным бутикам в поисках более шикарных нарядов. Что же в этом столичном вечере было примечательным и характерным для московской шикерии? Никто из гостей никоим образом не возмущался моим беспардонным опозданием на вечеринку, куда я всех пригласил. Как будто так и должно было быть и не было здесь неучтивости, унижения и конфуза. Как будто вся Россия и во все времена молчаливо принимала такого рода оскорбления, не видела в этом ничего дурного. Официанты приветливо подносили публике выпивку и канапе с икрой, оливками, осетром, но двери в зал ресторана были закрыты, никакой информации о времени моего появления не поступало, а гости продолжали галдеть, поедать закуски, пить водку и шампанское. Когда прошло уже более двух часов и страсть моя изгаляться над гостями возросла, я решил направиться к ним. И вот дверь ресторана была распахнута. И я, одетый во все черное – расстегнутая до груди сорочка с узким воротничком, льняной однобортный костюм, в верхнем карманчике которого сидел сложенный в гвоздичку бордовый шелковый платочек, английская обувь фирмы «Ллойд» – предстал перед ними. Прямо с подиума с микрофоном в руках я небрежно, откровенно насмехаясь, бросил: «Прошу прощения, господа! В моем опоздании прошу винить Кремль! – Тут я заулыбался, еще выше поднял подбородок, распахнув пиджак, продемонстрировал заметный пивной живот, почесал ухо и продолжил саркастическим тоном: – Все претензии к членам правительства. Особенно к Мрефу! Он преподносит удивительные уроки новейшего стиля жизни. Меньше чем на два часа никогда не опаздывает, игнорирует все виды связи для сообщения о точном времени своего появления. „Кому какое дело, когда я прибуду, вы обязаны меня ждать и никак иначе! Я должен быть выше ортодоксальных условностей!“ Этот современный стиль уже стал господствующим среди элиты российского бизнеса». Тут я замолчал и перешел на внутренний монолог: «Теперь опоздать не на какие-нибудь десять минут, а на несколько часов все равно что продемонстрировать собственное могущество, пофорсить респектабельностью, утонченностью вкусов, заявить московской публике, что тебе по фигу все традиции прошлого, что не замечать вокруг себя людей – примета времени. Да, такая мода, дорогой Иван Степанович! Ох, ох, действительно, как это замечательно – дать себе право с глубоким презрением чихать на окружающий мир. Бесподобное, возвышенное чувство! И не один Мреф тут законодатель мод, он лишь одна из фигур общенационального увлечения. Капитал! Деньги! Голубые фишки, другие высокодоходные акции. Мой дом, моя улица, мой квартал, мой округ, мой город, моя губерния, моя Россия, мой м и р! Как хочется владеть всем этим! И плевать, и плевать, и плевать на чувства гордости и достоинство всех прочих. Плевать не куда-то в сторону, а прямо в лица соотечественников, на текст конституции, на слова Библии, на статьи уголовного и гражданского кодексов. Ублажать свое сердце презрением к людям всех народов и рас! Что *они* мне? Да-с, господин Гусятников, вот так вот-с! Еще греки советовали: сплюнешь полным ртом – вырастет плодородное дерево и станешь получать регулярный доход. Эти эллины были мудрыми людьми». Тут я опять поднес к губам микрофон и обратился к публике с умыслом разжечь примитивные страстишки: «Рассаживайтесь, господа, занимайте места там, где нравится. Сегодня большой праздник, даже два! Мы собрались, чтобы отметить успешный конец балансового года. А тут еще одно радостное событие: сняли губернатора К – ской автономии. Богатейшие месторождения платины, золота, нефти, рыбы, крабов оказались без хозяина. Поток огромных денег можно повернуть в сторону наших карманов и банковских счетов. Объявляю конкурс на должность главы автономии! Кто желает получить по вкладу пятьсот, шестьсот процентов годовых? Официанты, несите скатерть: прекрасная русская примета – складываться в белоснежную ткань. Мой собствен-

ный взнос в К – ский пул – десять миллионов долларов. Наш кандидат – замечательный Леонид Трепов. Как говорится – ни пуль, ни денег тут жалеть нельзя. Ох, К – кия, далекое, но долларовое местечко! Да-с, сдавайте деньги, предприниматели! Приемщик вашей зеленой макулатуры сегодня я сам. Семьдесят миллионов долларов позволят усадить Трепова в кресло губернатора и прирастить личное состояние, в десятки раз превышающее наш вклад».

Публика загудела, заплодировала, сучилась, тесня друг друга. Оголтелым напором она начала пробираться в ресторанный зал, поддавшись чувству невероятного восторга. Счастливые лица в этой страстной толпе легко убеждали, что никто здесь не чувствовал себя ни обиженным, ни оскорбленным. Столичная элита стремилась к накрытым столам, заставленным самыми разными деликатесами. Свет хрустальных люстр был ярким, он заворожено освещал гастрономическое волшебство предстоящего пира. Гостей ожидала вся фауна Евразии и Мирового океана: на фарфоровом сервизе можно было встретить все биологическое многообразие трех сред обитания – земли, воды и воздуха. Да, застолье высшей столичной знати 2006 года своим богатством вызвало бы трепет у самого привередливого гурмана, унизило бы выдающихся поваров Парижа, Пекина и Нью-Йорка, возбудило бы зависть у завязых кутил любой страны света.

Я требовательным жестом подозвал метрдотеля, – ох, мне так нравилось унижать, оскорблять людей! Браво! Бис, ура Иван Степанович, как это у тебя превосходно получается! В усердной услужливости им даже невдомек, что я над ними потешаюсь. С современной русской фамильярностью, подтягивая его ухо к своим губам, я коротко шепнул: «Давай льняную скатерть!» – и тут же расхохотался, потом, словно осыпая дарами, – похлопал его по затылку, сунул ему в рот стодолларовую купюру, вытер руку о его смокинг и со словами «Пошел вон!» пнул ногой под зад. Стоящие рядом на подиуме две полуголые красотки из агентства «Лишенные сущности» одобрительно заулыбались, соблазнительно сверкнули глазками, призывно выставили попки, всем видом показывая, что стали свидетелями забавного сюжета и сами готовы принять любой мой пикантный пинок. Меня раздражали женские тела в стрингах. Они глубоко коробили внешние признаки свободы, заимствованные из рекомендаций глянцевого журналов. А к платным девкам я привык относиться с омерзением, впрочем, вовсе не гнушался пользоваться ими в своих утехах. Но при этом у меня нередко возникали внутренние споры: что есть телесное удовольствие? Выражение ненависти к окружающему миру или пролонгация обольщения самим собой? «А как может быть иначе, – размышлял я в *эти* минуты, – я презираю *этих* дам, но требую их любезной покорности. *Они* вызывают у меня ненависть, но я плачу за их распушенное присутствие, *они* мне отвратительны, а я настаиваю на их податливости, всем сознанием я ненавижу *их*, но мои страстные стенания заканчиваются криком восторга! Что за странность? Или как раз эта загадочная особенность раскрывает противоречивый мир моего сознания? Тут я подозвал своего помощника Аркадия Лапского, взял у него банковскую книжку, отделил платежное поручение, написав «Десять миллионов долларов», подписался и бросил бумажонку в сверток из скатерти. «Пусти его по столам, Аркаша, надеюсь собрать сто миллионов. Тогда усадим Трепова в кресло губернатора!» Тут я опять взял микрофон и бросил в зал: «Господа, мешок пошел по кругу, я уже чувствую нарастающий поток денежной массы из прибыльного края! Shi yuan – что в переводе с китайского означает: ваши дела должны соответствовать моему желанию, моему представлению о мире. Иначе не надо было сюда приходить!» После этого я соскочил с подиума и направился к центральному столу.

Необходимо отметить одну достаточно оригинальную мою особенность. Я одним из первых среди современных предпринимателей в нашем несчастном отечестве стал изучать китайский язык. И это решение ничем не было продиктовано: бизнес в Китае я не только не вел, но и не планировал вести. Никаких академических исследований Поднебесной я не

намечал. Чтобы установить, от каких таких импульсов исходит это своеобразное устремление не совсем обычного москвича, необходимо проникнуть в глубины моего сознания. Но, господа, начни лишь проникать в него, ворошить его завалы, каких только не встретишь *там* еще более экстравагантных помыслов и сумасбродных фантазий!

– Господа, – усаживаясь за стол, начал я, – если нас уже почти семь миллиардов, то что может быть дешевле в этом мире, чем сам человек? Вот у меня на руках предложение из одной бывшей союзной республики. Фирма с согласия родителей предлагает: девочек от двенадцати до пятнадцати лет – за 25 долларов, от пятнадцати до восемнадцати лет – за 40 долларов. Меньше доллара за килограмм живого веса. И еще торговаться можно. Прочентов десять-пятнадцать могут скинуть. Парни еще дешевле. Свинына и говядина на оптовом рынке на порядок дороже, а за одного кабана-производителя просят десять тысяч долларов – это все пятьдесят долларов за килограмм. Кто же станет спорить, что человек не самое дешевое существо? Другой пример: чтобы избавиться от крыс в доме, необходимо закупить три пачки «Ксиромы», выложив около ста долларов. Помимо этого потребуется заплатить еще пятьдесят баксов тому, кто возьмется за гнусную процедуру. Значит, за сто пятьдесят зеленых дом будет избавлен от грызунов. Но дай любому инспектору миграционной службы десять долларов, и назови дом, в котором живут украинцы, узбеки, армяне, молдаване – мужчины, женщины или дети оных, – их тут же под конвоем выгонят из Москвы, да что из столицы – из огромной России. Так что человек в нашей стране – самая дешевая материя, грошовый товар! Мусор! Тут необходимо помнить, что большое состояние лишь наводит на человека глянец, но никак не делает из него благородное, умное существо. А состояниями владеют единицы. Если и они лишь глянцевого, то на кого в таком случае рассчитывать? Где искать эксперта по переоценке людского материала, как повысить его стоимость? Да и нужно ли? Может, еще больше его обесценить? Совсем ни во что объявить: пыль, грязь, каков он и есть на самом деле. Ублюдок должен узнавать себя, не заглядывая в зеркало, а испытывая наше с вами к нему отношение. Человек всего-то копейку стоит, а для вас еще дешевле, еще мельче. Неужто откажетесь от такого замечательного соблазна? Душа трепещет от такой невероятной возможности. Ведь это же в вашей породе, в сути, в вашей человеческой программе – унижать ближнего, стоящего чуть ниже вашего места на социальной лесенке! Ведь тот, кто творит чудеса жестокости, сам не почувствует так остро надругательство над самим собой. Как, а?

Тут я с великим удовольствием придал себе такой требовательный вид, что все, кто сидел за столом, даже как-то вздрогнули, а один вроде бы подпрыгнул и запищал от восторга. Да и как тут не запищать, если почувствовал, что имеешь право втоптать глубоко в грязь тысячи своих соплеменников. Я оглядел публику. Она благоговейно внимала моим словам, при этом смачно поглощая заморские деликатесы. Из бутылок лилось вино, ножи и вилки скрежетали по фарфору. Один чудак пытался прожевать огромный кусок свинины, он работал не только челюстями, но и руками – вталкивая мясо в прожорливую пасть. «Ну и чудовище», – мелькнуло в голове, и я, указывая на него пальцем, открыто хихикнул. Другие тут же поддержали меня с еще большим энтузиазмом. «Если бы я не обратил на этого типа никакого внимания, никому из них не пришлось бы в голову с таким усердием и так яростно жаржать».

– Чтобы посмотреть на вас в деле, измерить ваше презрение к копеечному люду, степень вашей звериной жестокости – продолжал я, в душе насмехаясь, – чтобы выявить среди вас победителя, выдать немалую премию – семизначную зелененькими, предлагаю, господа, обзавестись копеечными душами и где-нибудь на Среднерусской возвышенности на манер восемнадцатого века обзавестись поместьем. Тысяча, а то и больше собственных крепостных, часть из них молоденькие дамы, недурные собой, как сегодня говорят – сексапильные, а у тебя над всеми право первой ночи, власть на все время суток. Один из крепостных

умен, у другого руки золотые, третий – поэт, архитектор, музыкант, кружевница, а ты всем – бесспорная голова. Они живут одной мыслью, одной страстью – ублажать тебя. Других помыслов быть не может! А тебе все их таланты нипочем. Их рукоделие, клавесин, строки сочинений тебе никак не нужны. Тыфу на все эти анахронизмы! Ты испытываешь необыкновенный кайф, блаженный восторг совсем другого порядка. Настоящего, человеческого! Чудовищная жестокость по отношению к плебсу доставляет вам неслыханное удовольствие. Помните, как у Гюго: неугодных сыновей опускали в глиняные кувшины, чтобы они становились горбатыми карликами. Или у Достоевского – турки подбрасывали новорожденных славян и накалывали их на кинжалы. Или как отставной генерал-помещик травил собаками семилетнего мальчишку на глазах обезумевшей матери? Или Салтычиха... Вот ты, Чертков? Или ты, Борис Борисович Пустынь? Дашь согласие взять в аренду двадцать тысяч гектаров плодородной земли, купить пять тысяч бывших соотечественников из южных или среднеазиатских республик и начать восстанавливать великие традиции российского имперского дворянства? Без земли, без крепостных, без жестокости, наливков и немецкого управляющего русский человек никак не состоится. Ведь именно в этом заключается наша национальная особенность. Что скажешь? Или тема К – кии тебя больше интересует?

– За наших русских в Липецкой, Курской, Пензенской областях можно значительно меньше заплатить. Зачем доллары изводить? Нынче на селе за мешок картошки любой в батраки пойдет. К чему живой вес неизвестно откуда возить, деньги на транспорт расходовать, – деловитым тоном, как бы даже размышляя, вставил господин Пустынь. Он был невысокого роста, полноват, с бриллиантовой булавкой в галстуке. – В проект К – кии я решил выделить три миллиона, но и тема крепостных меня заинтересовала. Тут на многом можно сэкономить: одни путаны около миллиона каждый год из меня выгребают. Не лучше ли молодых служанок за мешок картошки из наших деревень выкупить? И полная уверенность, что, кроме тебя, в их постель никто не залезет, – задумчиво продолжил он.

– Да-с, высокая грудь горничной, ее кроткий взгляд может вызвать самые невероятные фантазии, – усмехнувшись, заметил я. – И стесняться никак не придется: собственность! В любой момент она к твоим услугам! И экономия опять таки... Как же иначе капитал прирастает?

Борис Борисович побарабанил по столу короткими пухлыми пальчиками, отпил вина и мечтательно прикрыл глаза. На его щеках проступили красные пятна, губы словно что-то нашептывали, нос сопел, глаза сузились. Лицо выражало полнейшее удовольствие.

– Ну а ты, Чертков, что на уме держишь? – наседал я. – Вон Борис Борисович уже бредит женскими душами. Разворошил я его скромный ум великолепной идеей. Ты-то что скажешь? Впрочем, ой как любишь помалкивать, словно я не знаю *эти* твои наклонности. Прекрасно знаю-с! Да ты не скрываешь своих капризов! Я ведь не раз говорил, что это меня несколько не коробит. Почему я тебя рядом держу? Для того чтобы над тобой посмеиваться. Без всякого повода в любой момент подзатыльник дать. Для собственного благодушия оскорблять тебя самым невероятным образом. На что же еще такой дурак, как ты, нужен?

Лев Александрович не отвечал. С испуганным удивлением он остановил взгляд на моей руке, лежащей на его плече. Его загорелая шея была напряжена, над стягивающим ее воротничком вздулись вены. Потом он опустил глаза и на белоснежной салфетке написал: «Один миллион долларов в проект Трепова. Лев Чертков». После чего произнес: «Тема быстрых денег меня больше занимает, чем фольклорные фантазии. – Впрочем, ловлю себя на мысли, что ваши удивительные способности уговаривать людей на всякие авантюры, навязывать им свои идеи и волю опять сломят меня!» – Тут его тонкие брови нахмурились, он опустил глаза и в волнении еле слышно бросил: – Я совсем иного ищу, о другом мечтаю, но

почему-то почти всегда по-вашему наущению поступаю, участвуя во всех ваших бесконечных историях и играх. Как вырваться из-под гусятинского влияния?»

– А что, тебе действительно этого хочется – вырваться из под гусятинского влияния? – презрительно передразнил я. – Что ты без меня, Лева? Протухшая котлетка, муха на навозной куче. Кто дал тебе возможность заработать, кто слушает твоё нудное нытье, кто прощает тебе пристальные взгляды на раскосых мужчин? Кем ты вообще был до знакомства со мной? Уличный гей в лохмотьях, у которого единственной горячей пищей была сперма. Встань из-за стола и пошел вон! «Ищи иное, о другом мечтай ...» Поэт! – брезгливо закончил я.

На Черткова нашло глубокое уныние. Он медленно встал, надеясь, что кто-нибудь из сидящих за столом его остановит. Но все молчали, смотрели в тарелки или по сторонам, и он поплелся к выходу. «Далеко не уйдет, – мелькнуло в меня в голове, – потопчется в фойе, разляжется на диване, подумает, начнет поругивать себя и вернется. Ведь в его сознании все, кроме секса, – это оглядка на мои представления. Куда бежать от чужого мира, ставшего собственным? Через тридцать минут усядется на прежнее место. Опять, ха-ха, предоставит возможность позубоскалить. Без такой публики я бы помер со скуки или взорвал этот ненавистный мир! Поэтому мне почти всегда хочется загружать *их* сюжетами нескончаемых страданий, погружать *их* в липкий запах тления, заставлять *их* слышать скрежет прожорливых челюстей смерти, лязг ножей, затачиваемых для свежевания плоти. Тут мне в голову пришли строки Альфонса Алле из «Скучающего паши». Мне тоже захотелось стать свидетелем (нет-с, господи, пока еще не исполнителем) свежевания дьявольски сексуальной белокурой красотки. Encore! Encore! Encore! (франц. «Еще, еще, еще»). Продолжай, продолжай, Иван Степанович, – говорил я себе, – получай удовольствие от быстротекущей жизни. Новаторский пыл отрицания христианской нравственности поддерживай сюжетами, растлевающими новые поколения соблазном вседозволенности. Манифестом должен стать культ тотальной потехи над человеком, этим уязвленным существом. Я ощущаю не простое безразличие к его страданиям, не яростную жестокость по отношению к окружающему, – нет, тут саркастическое надругательство над всем чисто человеческим. Живи с одним желанием – получать удовольствие и *situo huozhuaì*, что означает «*настойчивотащи* за собой собственное представление о том, как нужно существовать». Прошлый романтизм жизни продолжай предавать анафеме, штурмуй все лирическое, все ортодоксально красивое, воспетое, гармоничное. Никакого гуманизма Толстого и Микеланджело, Томаса Манна и Шолохова, Бальзака и Шекспира. Ты избрал свой поведенческий лейтмотив, вот и оставайся с ним, будь предан ему до конца, служи ему, как некогда твои предки поклонялись идолам... А законное, христианское, традиционное, вековое, так сказать красивое – гони из себя всеми силами души и интеллекта! Блерио был прав, восклицая: «Прогрессу нужны трупы! Много трупов!» Повторять эту мысль следует всю жизнь, игнорируя оплеухи, окрики и тумачи «Человек – это тьфу! Он сам не знает, для чего существует. Спросите любого – для чего, почему именно он рожден и живет, и он разведет руками или того хуже – вякнет какую-нибудь глупость: „ради детей“, или „во имя торжества коммунизма“, или „чтобы заработать миллионы, перетрахать всех женщин, утонуть в опийном облаке, сыграть роль пройдохи, стать известным“ и так далее. А я, в ожидании всеобщего краха, не нахожу ничего интереснее, чем издеваться над ними. И тут меня совершенно не смущает гневное осуждение публики. В этом случае мне всякий раз хочется бросить: „Свист возмущения – это доказательство вашей никчемности! Ироды! Временщики! Ваше время заканчивается!“

Только такое отношение подтолкнет человека жить в самом себе, и лишь в этом случае он может стать центром собственного представления, а не его частичкой. Чтобы стать подобным мне, он прежде всего должен слушать и видеть самого себя, восхищаться собственным разумом и давать преференции личному удовольствию, а уж потом вспоминать про окружающий мир. Это динамичное балансирование между *самим собой и вне себя* должно приоб-

рести ритмы безумия и покоя, возбуждения и печали. Кто захочет осудить, оспорить – пожалуйста. Но я-то знаю, что прав! Тут я почувствовал, что мое красивое загорелое лицо сияет торжеством победы. «Они на меня смотрят с восхищением, – отметил я. И громко заключил: – Да-с, господа, я всегда прав! А это обстоятельство превосходно меня утешает меня!» – бросил я милостиво, еще ярче сверкая глазами.

А, тут еще Рубашкин за столом сидит, – опять глянул я на свое окружение. Пора его в оборот брать. Тоже превосходный типчик. Гурман, с великим аппетитом ест третью порцию печени. До этого опустошил по розетке черной и красной икры, заглотнул тушку малосольного лосося, нарезки осетра, ножки фазана, блюдце имбиря, тарелку овощей на гриле, королевских лангустов в чесночном соусе... (Да-с, я за всем всегда слежу. Тут не в расходах дело, для меня огромное удовольствие замечать слабости и пороки каждого. Ведь я так замечательно отличаюсь от этого люда! Ах! Ах! Дорогой ты мой я сам!)

– Алло, Буфет (кличка Сергея Сергеича Рубашкина), чем это мозги твои заняты?

– Ха-ха, роскошью и блеском зала. Великолепно! Царственно!

– Как же это получается, твой рот занят печенью, потому что мозги заняты блеском роскоши?

– Ох, не соображаю я, дорогой Иван Степанович. Все так удивительно сверкает. Волшебство! – еле ворочая языком и тяжело дыша, проговорил он.

«Яркий свет мешает этому типчику окунуться в поиски самого себя. Его бы в подвал, к крысам, к объедкам грызунов. Ох, ох, как необыкновенно думалось бы там о проблемах собственного я», – злорадно пришло мне на ум.

– Скажи, голубчик, – начал я свою атаку, – мне представляется, что на вечеринках, на которые ты бываешь приглашен, твой аппетит звереет и ты поедаетшь все, что видишь. А когда сам платишь за ужин, то тяга к деликатесам у тебя значительно скромнее или отсутствует вовсе. Чем можешь объяснить такую особенность?

– Значит, я прожорлив в гостях и ограничиваю себя в еде за собственным столом? Честно говоря, никогда не замечал, – Рубашкин с трудом проглотил кусок печени, его кадык опустился вниз под самую шею, застрял там, потом вернулся на прежнее место, и Сергей Сергеич, жадно вдохнув, продолжал. – В кругу пригласивших меня друзей я, действительно, излишествую, чтобы показать степень своего особого удовольствия быть рядом с ними. Ведь в России демонстрировать воздержание к яствам и напиткам – плохой тон. Да тут не только желудок можно вспомнить, а вообще подумать: к чему у нас воздержание поощряется? К насилию? Нет! К хамству? Нет! К лести? Нет! К богатству? Нет! К сексу? Нет! К расточительству? Нет! К криминалу? Тоже нет! Может, вы знаете, какое у нас, русских, воздержание поощряется? К чему? Мне лично в голову приходит лишь стабилизационный фонд. В нем уже более ста пятидесяти миллиардов долларов, а на затраты мучительное табу. Кремль у всех нищих воздержания требует. «Для чего вам деньги сегодня? Вы же привыкли нищенствовать! Ждите, мы знаем, когда время наступит. Тогда получите...» Но еще большего воздержания требуют у нас к политической власти! Тут тоже – не замахнишь и видов никаких не имей. Забудь, что можно быть избранным, и не мечтай въехать в Кремль! Но больше же ничего! Вот как! Других никаких феноменов нет. Все открыто для потребления! Поэтому народ наш – за безмерное владение. За безграничное пользование! За неумеренное поглощение! А я как все! Вон какой аппетит за вашими столами! Ножи и вилки гостей отстукивают непрекращающийся гастрономический парад победы! Так что если бы я сейчас здесь ни к чему не притронулся или взял лишь кусочек балычка либо хвостик стерляди, вы бы очень даже изумились: «Стол завален вкуснятиной, а вы взяли кусочек рыбки. Неуважение какое-то». Так, Иван Степанович? Вы же обязательно обиделись бы?

Я прослушал Рубашкина и понял, что атака на его сознание не получилась. Отбил, мерзавец! Виртуозно отвел мои претензии. Продемонстрировал недурной серый материал-с!

«Да, крепкий пень, – мелькнуло в голове. – Не ожидал! Надо к чему-нибудь другому придраться. По-солдатски, без фантазий наехать на пустячок. Чтобы истерику вызвать, вытребовать преклонение перед моей личностью. В этом же моя высшая цель. Ведь скучно с ними до смерти, неумоготу!»

В этот момент ко мне подбежал мой помощник Аркадий. «Иван Степанович, – шепнул он мне на ухо, – уже сорок миллионов собрали. Отяжелел пул».

– Продолжай, береги люд, выворачивай карманы, до ста надо натянуть. Ты меня понял? – бросил я. – Кто жаться станет, позови меня, я из него по-другому деньги вытрясу. Пошел!

– Эй, Буфет, – вернул я свое внимание к Рубашкину, но уже более жестко и развязно, – а я-то подозревал, будто ты страдаешь булимией, то бишь, обжорством. Да и кличка твоя к этой мысли меня подталкивала. Чревоугодие, хоть и страшный порок, у меня вызывает лишь желание посмеяться. Противно, но в меру! Гадко, но еще не так, чтобы пускать в дело кулаки. Чего я терпеть не могу, так это твой постоянный приход на мои вечеринки в костюмах фирмы «Винальди» Ты хоть знаешь, кто носит одежду этого бренда?

– Нет!

– Как это нет? – почти заорал я. – Ну да, есть люди, страдающие исключительным беспокойством из-за предполагаемых недостатков внешности или неприятных для окружающих особенностей. Ты что, маскируешься? У тебя тайны от приятелей? С нами проводишь время, время замечательное, яркое, полезное, а сам скрытничаешь, и не по-нашему, а по-иностранному, прячешься не куда-нибудь за угол или под кровать, что в русских традициях, а в платье! Боже мой – в одежду от «Винальди»! (Может, не очень убедительный оказался повод для наезда, но именно это пришло мне в голову, и я стал распалаться). Это ведь чисто французские трюки с переодеванием. Как можно постоянно, публично болтать о русском духе, характере и о преимуществах всего национального, но с помощью тряпок прятаться от соотечественников! Скрывать свои недостатки таким постыдным образом. Ты заслуживаешь пощечины, – тут, долго не раздумывая, я отвесил ему тяжелую оплеуху. Моя нерушимая склонность ни во что не ставить человека пришла тут к стати. Я вообще очень легко нарушал правила общения и без каких-либо переживаний и раздумий непринужденно переходил от чистоты к пошлости и наоборот.

– Признайся, Рубашкин, – продолжал я орать, – что скрывается у тебя за костюмом итальянцев! Почему ты запер себя в тесные формы «Винальди»? Не скрываешь ли ты ничтожный дух, греховный образ жизни, непреодолимую тягу к подлости? Пришла пора сказать об этом открыто. Наливай стакан водки и начинай исповедоваться. Да-с, именно так. Кто, господа, готов поддержать меня?

– Пусть рас-ко-лет-ся! Все это о – чень сквер-но. Вдруг это не – проста—я тайна, а умо—помрачи-тельная! – заикаясь, выговорил Дубасов, мордастый воротила рекламного бизнеса. Его глаза выпучились, брови приподнялись, образовывая на лбу шпалеры глубоких морщин.

– Пора, Сергей Сергеевич, язык развязывать. Может, у вас зараза под костюмом? Аномалия какая-то костная или насекомые? Я полностью согласен с господином Гусятниковым: обществу нужны подробности! – рассмеялся низенький господин Шин, оптовый торговец луком и чесноком.

– Не торопись, Буфет, дай водки хлебнуть, а потом можешь секретный клубок того... распутать, – ухмыльнулся Птырь, чиновник из городской мэрии. Многолетнее занятие казенным делом притупило у него чувство реальности и вызвало оскудение некогда небедного словарного запаса. – Может, и мне стыдно станет, что я того... недосмотрел что-то. А?

– Сейчас он начнет врать. Знаем мы этих господ Рубашкиных... Правду у них не выскоблишь! Кажется, все очевидно, а они отрещиваются! Отказываются! Врут! У меня

нет и капли уверенности, что он сознается! Что выставит напоказ свое уродство! – яростно воскликнул Пузанов. Слова он выговаривал резко, четко, тоном непререкаемого авторитета. Прокурор областного ведомства, Пузанов когда-то на юге работал вместе с действующим генеральным прокурором. Поэтому теперь он стал чрезвычайно важен и высокомерен. Говоря, он потирал руки с такой любовью, будто лаская бумажонку о своем назначении на заоблачную должность.

– Tuohuan, что в переводе с китайского переодевайся, – бросил я небрежно. – Сейчас же докажи публике, что ничего *такого* не скрываешь. А то позже нажгутся эти кутьи гоголевские и некому будет доказывать. Опять все забудется. Уж нет! Скидывай одежды!

Мне на самом деле стало интересно, дожму я его или нет.

– Как, за столом? Да, право, у меня ничего такого нет. Я даже не ведал, что «Винальди» носят люди, которые ...

– Брось болтать! Раздевайся! – заорал Пузанов. – Оправдываться будешь потом. Лицо прокурора налилось кровью то ли от избытка злобы, то ли от водки, которую он хлестал без остановки.

– Сергеич, тебе при—дет-ся оста-ть—ся в чем мать роди—ла! – с хихиканьем выговорил Дубасов, извлекая из ракушки устрицу.

– Торопись на второй этаж, Рубашкин. Бутики мужской одежды еще открыты! – бросил кореец Шин. После пары порций виски глаза его совсем сузились. «Как же он видит?» – удивлялся я.

– Ты что нашего дорогого Иван Степановича того... нервируешь? Сказали тебе – иди переодеваться. Так поторапливайся! Денег что ли дать на... как его, новый костюм? – захихикал Птырь. Мне даже показалось, что он полез в карман за бумажником.

Рубашкин встал и быстро вышел. Публика, сидящая за столом, засвистела ему вслед. Кто-то бросил: «Испугался, убежал! Так ему и надо!»

Тут я, конечно, возрадовался, что стол меня так замечательно поддержал. Будто все неожиданно обнаруженное мной было сущей правдой. Будто Сергей Сергеич в действительности что-то неприглядное скрывает или на самом деле тяжело страдает дисморфофобией. Но в этой *их* поддержке не было для меня ничего неожиданного. Я-то заранее предвидел, что *они* после моих колких упреков навалятся на Рубашкина самым бессовестным образом. Ведь наш человек иначе совершенно не может! Ему бы кого-то от всей души пнуть! И чем яростнее боль окажется, тем слаще удовольствие она вызовет. И знал я, конечно: никто не признается, что никогда и нигде не слыхивал, будто марка «Винальди» известна именно этой особенностью, что ее носят лишь те, кто тщательно скрывает свои неприятные для окружающих физические дефекты. Такую нелепость вякнуть, а *они* тут же со всей пылкостью души не только сделали вид, что поверили, но стали и его убеждать, что это им самим давно известно и их тоже мучает его странность, и они настоятельно требуют от него объяснений. Ну, разве не дерьмо этот наш человек! Тьфу! Еще раз: тьфу! Поэтому-то мне так по сердцу издевки над всем миром. А что-с еще остается делать? Я вот о чем по этому поводу думаю. Раньше, пусть даже какой-нибудь год назад, для самовыражения и обуздания желаний мне достаточно было отделаться плевром или крепким словом прямо в лицо любого, ну в самом крайнем случае – дать в морду или втоптать в грязь. Теперь же прошлогодние утехы меня не устраивают. Хочется большего, непомерно выросли потребности в унижении, оскорблении почти каждого представителя людской породы. Для развития сюжета мне, конечно, приходится общаться «на равных» с разными людьми. Но такое «равенство» лишь временно, совершенно неизвестно, порой даже мне самому, когда я начну издевательскую атаку на того, с кем давеча беседовал как с приятелем. Правда, тут без крупного разочарования не обошлось. Самый ошеломляющий урок я получил на раннем этапе своего необыкновенного увлечения. Вспоминая этот случай (а такое бывает довольно часто), я всякий раз

полностью отрешаюсь от всего остального, и уже ничего не существует для меня, кроме этого конфуза. Вот и сейчас я отрешился от застолья, и в памяти всплыл примечательный эпизод. Как-то подошла ко мне одна дама с просьбой, чтобы я, встречаясь с ее мужем, не обзывал его «полнейшей никчемностью» и «прогнившим дерьмом». У него якобы имеются какие-то виды на крупное кресло в правительстве. И она была даже недурна собой. Имела немало оснований, чтобы к ней относиться уважительно. И что вы думаете? Пошел я ей навстречу? Нет-с, господа, я сделал все совершенно иначе. Я снял (конечно, неофициально) дом секретных служб на Патриарших прудах, где они проводят свои тайные встречи, усадил ее за специальным стеклом-стенкой. Она могла легко слышать и наблюдать все происходящее в соседней комнате, но сама была невидима. Ей сказали, что выйти из смотровой комнаты без моего сигнала никак нельзя. В комнату напротив я пригласил ее мужа, некоего Андрея Николаева, рыжевато-го типчика с амбициями красавца и умника. Он даже мечтал о крупной политической карьере, и это я знал не только со слов его жены. Итак, была заявлена тема: Иван Степанович Гусятников, то бишь, я, желает инвестировать в перспективную фигуру, чтобы вывести ее на федеральный уровень, а то и вовсе посадить в Кремль. Ему бы не поверить – ведь мы были знакомы, и, кроме язвительных насмешек и оскорблений, он от меня никогда ничего не слышал. Как же после такого презрительного к нему отношения у меня бы возникла идея стать его политическим спонсором? Ну абсурд же, господа! Однако, человек поистине ведь полное дерьмо!

И вот в комнату вошел Николаев. Теперь я мог за обоими наблюдать. Она бросается к стеклянной стенке, начинает стучать и кричать: «Андрюша! Андрюша! Я здесь! Рядом! Да взгляни на меня, это же я». И тому подобное. Но он ничего не слышит. Так проходит несколько минут. Наконец она начинает понимать, что все попытки докричаться бесполезны, и, обессиленная, садится в кресло. Он у нее как на ладони. Одет нарядно. Белая рубашка, красный галстук, блестящие запонки, темно-синий костюм, новые туфли. Верит, сволочь, что к деньгам приближается, видимо, перед глазами, кроме кремлевских башен, ничего нет. Дурак! Походил по комнате, она пуста, потертый диван да венский стул, стал разглядывать туфли, потом вдруг решил протереть их салфеткой. Прошло десять, двадцать минут. Спросить некого. Дверь тоже заперта. Почему-то стал почесываться – то спину поскребет, то грудь, то ниже пояса руку опустит. Прошло тридцать минут. Он занервничал. Что ж, думаю, объект готов для сеанса изошренного издевательства. Пора входить.

– Привет будущему начальнику Кремля! – входя, сдержанно улыбнулся я.

– Добрый день. Я уж думал, что-то произошло. Время... – Он, верно, хотел сказать что-то касательно потраченного попусту часа, но сдержался. Жаловаться спонсору на него самого не очень умное занятие.

– В Москве всегда что-то происходит. Так вы, значит, хотите стать депутатом или на президентские выборы пойти? 2008 год не за горами. Что осталось? При соответствующем финансировании можно многое успеть. Или я не понял ваши намерения? Рассказывайте, Андрей Львович. Я весь внимание.

– Я могу быть с вами откровенным?

– Пожалуй, можете. – А сам я про себя подумал: «Какое удовольствие меня ожидает. Тут не торопиться надо, а смаковать каждую его глупость. Я его всякий раз поношу, а он об откровенности меня спрашивает».

– Да, у меня есть виды на Кремль. Причем самые дерзкие. Я смогу помочь России. Если вы поможете мне. Я человек команды...

– Вы хотите сказать, что обещаете мне что-то сделать? Но что? Это же главный вопрос! Я смогу собрать на ваши выборы миллиард долларов – вполне достаточно, чтобы победить. Но какие у меня гарантии? Вдруг вам вспомнятся мои шуточные высказывания, и вы вместо благодарности посадите меня в Матросскую тишину и отберете бизнес. Таких примеров

в России уже немало. Я действительно считаю вас талантливой личностью и достойным президентства, но мне нужны гарантии. Вы понимаете, что этот вопрос наиглавнейший.

– Я готов расписку дать ... Любые условия выполнить.

– Какая расписка, господин Николаев? – Я указал ему на диван, а сам сел на скрипучий стул. – Каким инструментом можно вынудить президента выполнить свои письменные обязательства? Не в США или в Германии, а в России? Ха-ха – ха! Подать в арбитражный суд Губину?? Нанять адвоката? Пригласить Резника отстаивать права Ивана Гусятникова в знаменитом Басманном суде? Надеюсь, вы сами понимаете всю абсурдность такого предложения. Нет-с, нужно что-то чрезвычайно убедительное, чтобы мир вздрогнул от ужаса. – Я никогда не готовил конкретный план развития интриги, а полагался на интуицию и импровизацию. Именно в этот момент у меня возникла одна замечательная идея, и я начал ликовать про себя: «А она на всю эту мерзость будет вынуждена смотреть? Наблюдать за низостью собственного мужа? И ей, гордячке, деться некуда. Ах-ах-ах! Удовольствие получу неимоверное!» Задумка стала восхищать меня своей неотразимостью. Впрочем, может, он еще не согласится? Не верю! Он же типичный русский человек.

– Вы, видимо, еще не готовы к серьезному разговору, – продолжил я. – Давайте встретимся через месяц-другой. Время, правда, не терпит. – Я пошел на такой трюк, чтобы вынудить его принимать быстрые решения. Перед ним замаячило кресло президента и миллиард долларов. Согласитесь, господа, невероятный соблазн. Поэтому я и сам заволновался.

– Нет-нет, мы сможем обсудить все сегодня. Вы правы, времени в обрез. До выборов рукой подать. Так, значит, вам нужны гарантии. А если обратиться к Патриарху? Я же православный!

– С какой целью? – выразил я изумление.

– Перед ним поклясться на Спасе, что гарантирую вам особые права в государстве. Что вы будете неподсудны, станете моим советником, получите генерала, высший орден, мигалку, правительственный номерной знак на автомобиль, что еще хотите?

– Это все копейки!

– О чем это вы?

– Сколько стоит свидетельство Патриарха? Вы что, забыли, что церковь за гонорар отпускает грехи? А клятва на Спасе – вещь не материальная, потому вообще стоимости не имеет. Должность советника президента? Во что ее оценить? Ну, десять, ну, двадцать миллионов долларов. Но никак не больше. Один московский банкир недавно получил звание генерала ФСБ. Говорят, за пирушки! Армейского генерала можно получить за сто тысяч долларов! Это что, деньги? Может ли иметь какое-то особое положение генерал? Или с вашим орденом: заметный пакостник-писака, с физиономией развратника-скотоложца, публикующий пасквили в одной из городских газет, недавно получил за свою «деятельность» орден «За заслуги перед Отечеством». Резонный вопрос: сколько может стоить такой орден и кого после этого пассажа он вообще заинтересует? Автомобильная мигалка? Ее стоимость со всеми разрешительными документами пятьдесят тысяч долларов! Правительственный номерной знак – тридцать тысяч! Вот и весь баланс! Я вам подношу трон президента, ядерный чемоданчик и трачу на это миллиард долларов. А вы мне сулите сияющие миражи и фантазии мелкого торговца с Дорогомиловского рынка. Нет-с, господин Николаев, так дело не пойдет! Нет! Этот миллиард я вытаскиваю не из своего кармана. Это будет пул моих единомышленников. У каждого из них свое представление о возможностях вашего использования. У каждого свои требования к президенту! Разойдемся. Разговор не получился! Вы не готовы занять должность хозяина Кремля, лидера нации. За вас такого никто доллара не даст! Прощайте! – Тут я демонстративно встал и быстрым шагом направился к выходу. Я был уверен, что он меня остановит и начнет принимать главные требования. Ах-ах-ах! Какие смачные они будут! Как я начну издеваться над ним! А она все услышит и увидит. Какой

кайф – быть свидетелем унижения человека! Не знаю, как вам, а мне, господа, это состояние нравится до умопомрачения. Мне было также страшно занимательно угадывать, о чем эта дама в смотровой комнате станет думать, наблюдая за падением мужа. Польются ли у нее слезы, начнутся ли страдальческие судороги, стелания по поводу испорченности своего избранника. Ведь любопытно же, любопытно, любопытно!

– Остановитесь, прошу вас! – как я и предполагал, он бросился за мной. – У меня нет опыта в таких деликатных делах. Я же не коммерсант. И цены на услуги такого порядка мне совершенно неизвестны. Предлагайте свои варианты. Высказывайте требования. Я все, все, все выполню, перевыполню. Ой, все так неожиданно и волнительно! Я же смогу спасти Россию! Столько бюрократов, повсеместные поборы, коррупция. Господин Гусятников, дайте мне шанс выполнить патриотический долг! Так мало осталось людей, думающих о стране! – Он стал нервно покусывать бледные губы. На висках выступили пульсирующие вены. Глаза заблестели, рыжеватые волосы слиплись на веснушчатом лбу. – Иван Степанович, помогите, прошу вас, помогите русскому народу! Им нужен Андрей Николаев! Им нужен новый президент! Как же они без меня! Скажите же, скажите же...

Ах, господа, услышать такое... И не с экрана, не по радио, а в натуре, перед собой! Ну, разве не удовольствие? Разве это не праздники сознания? Спасать Россию... Ах, как забавно! Сколько этих спасителей! Погубят, это уж точно. А впрочем, ну и что? Сознание мое, однако, воспалялось и все настойчивее требовало удовлетворить сокровенное желание – издеваться, издеваться и еще раз издеваться над всеми! Тем более внешние обстоятельства способствуют этому.

– Мне, Андрюша, ура-громкие слова не нужны, – начал я, небрежно переходя на «ты». – Ты, любезный, о гарантиях подумай. Что можешь такое предложить, чтобы и я, и мои друзья, которые деньги в тебя вкладывать станут, уверены были, что ты нас не кинешь, что мы за решетку не попадем... Что наши интересы защищать станешь. Ну, а мы, соответственно, твои! Так и проживем век вместе. Но чтоб ты знал наперед: у меня такая скверная натура, и ее изменить совершенно нельзя, что мне после твоего избрания нет-нет, а в кругу друзей захочется назвать тебя крепким словцом. Например: «Ну и дурень наш президент», или «балбес он поганый», или «жопошник он вертлявый». Тебе шпики наверняка донесут, так чтоб помнил особенности спонсора. Ведь я без злобы, а так, для куража...

Признаться, я специально вбросил слово «жопошник», чтобы на его реакцию посмотреть. Интересно было, зацепится он за это слово или пропустит мимо ушей? Подождал, подождал. А он молчит. «Пропустил, значит», – подумал я. Тут восторг закипел в моей душе: надо эту тему-то тогда и продолжить. Ха-ха-ха! Что-то подозрительно показалось мне, что он на слово это никак не отреагировал. А как же, господа? Ведь поймал, а теперь дожать надобно».

– Zhi wei – по китайски «служебное положение». Так вот, Андрюша, твое служебное положение главы государства обяжет тебя быть кристально чистым и непорочным. Согласен?

– Да! – его лоб морщился.

– Значит, появление в печати, в других СМИ и в публичных местах информации, подтверждающей, что у тебя есть пороки, тебе абсолютно нежелательно.

– Правильно, – его подбородок заострился.

– Выходит, что, владея таким информационным носителем в контролируемом тираже, мы могли бы быть уверены, что обладаем железными гарантиями твоей управляемости, лояльности и дружбы. Так-с?

– Ну да! – уныло пробурчал он.

– Вот ты сам ответил на вопрос о наших гарантиях. Итак, мне нужна запись на пленке – и твой голос, и изображение – чего-то такого низменного, омерзительного, что тебя может

тотально скомпрометировать в глазах всей российской общественности. Тогда, как говорится, мы будем держать тебя за яйца и сможем инвестировать в тебя капитал. Иначе ничего не получится. Никто рисковать не станет. Президент в России очень опасная должность для обычного гражданина. С этим мнением ты, надеюсь, согласен. Газеты пестрят наездами на предпринимателей разного калибра – от олигархов до середнячков.

Николаев не отвечал. Казалось, он лишился воли.

Я упрямо смотрел в его глаза. Они потеряли прежний блеск, затуманились; губы обвисли, подбородок опустился под узел галстука, капли влаги застряли на ресницах. По всему чувствовалось, кандидат на высший пост полностью потерял себя.

Я ждал этого и про себя хохотал над его растерянным видом. «И это беспомощное существо – венец природы? Кто эту чушь утверждает? Кто отстаивает этот постулат? Ха-ха-ха. Передо мной биологическая масса! Тьфу!» Я начал разжигать свое воображение. А оно уже рисовало картины самой низменной потехи.

– У вас есть что-то конкретное? – наконец выдавил он вполголоса, а затем откашлялся.

– Уже сказано, – ответил я, – перед камерой и микрофоном ты должен скомпрометировать себя самым постыдным образом. Сотвори что-то такое, от чего все россияне отшатнулись бы как от чумы. Как от холеры! Чтобы в случае обнародования этой пленки ты потерял бы и власть, и авторитет мгновенно. Чтобы у тебя не было никаких шансов на политическое будущее. Да! Но я ничего не требую. Это ты ставишь вопрос о спонсорстве своей избирательной кампании. Не забывай – половина страны мечтает о президентстве. Главное место в Кремле снится десяткам миллионов наших соотечественников. Но лишь единицы способны финансировать такую гигантскую избирательную кампанию. Оплачивать ее с уверенностью в успехе! Думай! Я хочу, чтобы ты сам предложил сюжеты, в момент уничтожающие твою личность, твой статус россиянина номер 1. Кстати, торопись. Я не могу долго ждать. Бизнес не терпит неопределенности.

– А можно этот вопрос решить как-нибудь иначе? – робко взмолился он.

– На голый крючок рыба не клюет, – заявил я без тени сомнения в голосе.

Тут у него стал такой жалкий, такой мизерный вид! Я еле сдерживал себя, чтобы не рассмеяться ему прямо в лицо. «Дай ему власть, как он преобразится, скольких людей погубит, оскорбит. Ну и сволочь же ты, Николаев. Чувствую, на все пойдешь ради власти и денег!»

– Говори! – потребовал я. Надежда услышать что-то самое невероятное не покидала меня. Я опять уставился на него. Чтобы еще больше его напрячь, взглянул на часы и показал ему три пальца.

– Уже три часа? – подавленным голосом спросил он, растаявший во времени и пространстве.

– Нет! У вас три минуты, Николаев! – язвительно бросил я.

– Помогите мне, Иван Степанович. В голову ничего *такого* не лезет.

– Кресло президента видишь?

– Да!

– Кремль перед глазами?

– Да!

– Россия соблазнительна?

– Да!

– Хочешь ею владеть?

– О да, хочу! – тут он застенчиво улыбнулся.

– Компрометируй себя всеми средствами, тогда получишь.

– Как? – вскрикнул он.

– Самым невероятным образом! А как же еще? Да! Но на самом деле в том, чем ты будешь заниматься перед камерой, нет ничего необыкновенного. Это с разной периодич-

ностью совершает десять-пятнадцать процентов россиян. Бургомистр Берлина этим делом занят, видимо, ежедневно и публично об этом рассуждает.

– Что, секс с женщиной? – как-то буднично спросил он. Таким тоном интересуются вполне обыденным мероприятием.

– Да! – сказал я, слегка опешив от его реакции.

– И это все?

Но тут я взял себя в руки и заявил:

– Нет! Это лишь начало. – И уже ломал голову, что бы еще такое жуткое придумать.

– Что еще? – В его голосе даже интерес появился.

– Я должен снять на видео, как ты берешь взятку за должность главы администрации Московской области.

– Так! – совсем было успокоившись, произнес он.

– Еще секс с несовершеннолетней.

– Понятно. Все? – Николаев встал, глаза его опять заблестели, похоже, он даже размечтался.

– Нет, не все. Необходимо извиниться перед грузинами за аннексию Абхазии и Южной Осетии.

– Позвольте лишь за Южную Осетию. Недавно приобрел полтора гектара под цитрусами в сухумском предместье. С абхазами ссориться не хочется. Может, еще что приобрести смогу, – деловито объяснил он.

– Нет! Не позволю! Отдай купленную землю грузинам и проси у них прощения.

– О, кей! – легко согласился он.

Честно сказать, я начал перебирать в памяти страшные людские пороки, чтобы нагрузить ими Николаева, все больше убеждаясь: этот тип на все будет согласен.

– Ты должен предоставить свою жену для секса всем спонсорам.

– Минутку! – он вытащил из кармана записную книжку, ручку и стал записывать. – Чтобы не забыть, – улыбаясь, пояснил он. – Но этого, видимо, достаточно?

– Нет. Это только начало, – я спешно сочинял другие устрашающие требования. – Тебе придется основательно попортить репутацию, но авансом. Любое непослушание – и будет запущена мощная машина мщения. Понятно? – для нагнетания жути я сделал паузу и продолжал тем же язвительным тоном:

– Надо закрыть церкви, распустить Синод, разжаловать всех генералов, открыть публичные дома в Кремле, в Думе, в Совете Федерации, амнистировать всех заключенных, заколотить навсегда тюрьмы, отменить уголовный кодекс, за убийство выдавать премии, за изнасилование – почетные грамоты. Специальным указом отменить все национальные праздники, ввести в России в качестве государственного языка английский, распустить армию, ликвидировать национальную денежную единицу, номинировать торговлю в долларах, отдать Курильские острова японцам, Калининградскую область – немцам, Выборг – финнам. Пустить на утиль атомный подводный флот, оставить Севастополь, подарить права на Крым туркам, лишить пенсионеров пенсий. Ввести налог на погребение, на свадьбы, на день рождения, поощрять, наконец, поедание трупов, убийства политических противников. Законодательно разрешить любое насилие над людьми другого вероисповедания, иной сексуальной ориентации, отличной расы, цвета кожи, над теми, кто предпочитает другие бренды одежды, марки автомобилей, ювелирные дома. Как в революцию, брат должен пойти на брата, раздоры должны укорениться в обществе. Первым указом необходимо приватизировать все субъекты экономики, все органы государственной власти, все военные объекты, все станки для печатанья денежных знаков...

Признаться, господа, тут я в буквальном смысле устал перечислять требования извращенного разума. А Николаев, слушая меня, воспарял, в его взгляде появилась мечтатель-

ность, губы покраснели, он стал потирать руки, облизываться, убирать со лба волосы, почесывать затылок, как-то даже радостно мурлыкать. «Что за черт, неужели я доставил ему такую необыкновенную радость перечнем всех грехов, которые ему предстоит свершить? – удивился я. – Он же теперь сам не свой, совершенно не похож на себя. Таким счастливым я его еще не видел. Он парит сейчас где-то далеко!» Это обстоятельство меня чрезвычайно озадачило: если свое существование он не считает порочным, то как эта скотина, именуемая человеком, низко опустилась в самом начале XXI века! А чуть позже, когда я просмотрел видеокассету с записью его супруги и наблюдал, как она носилась взад и вперед по смотровой комнате, неистово и беспрерывно выкрикивая: «Так ему Андрей... Замечательно, дорогой... Проучи эту сволочь... Так... Вот так... Еще!» – я был окончательно взбешен. Чтобы меня, самого последнего циника, так глубоко ранило их поведение, их нравственная позиция? Да! Бесспорно, тут должны были быть самые веские основания! Я был побежден своей «мягкостью» и «интеллигентностью». Тогда мне в голову пришла мысль, что они чего-то *такого* так и не дождались, а потому как-то по-своему очень обрадовались нахлынувшим на них достаточно «безобидным мелочам». Испуга так ведь и не было! Ни у одного, ни у другой! Безумного страха от них я так и не добился, а они-то ждали этого! В начале свидания всем своим видом они показывали, что боятся чего-то такого! Но не вышло вызвать у них ужас в сознании. Как раз наоборот! Я их порадовал! Осчастливил всей этой скверностью! Так и осталось для меня загадкой: чего же они столь мучительно опасались? Но что-то такое для него все же было, он ждал чего-то самого-самого горячего. Тогда-то я и подумал: издеваться над человеком надо совершенно не так-с. Нет-с, господа! Все это надо делать совсем по-другому, новейшие технологии использовать. В технике разбираться, познать психологию людей. Щедрость на зло необходимо не столько выдумывать, сколько воспитывать в себе. Впрочем, именно тогда я стал себя успокаивать тем, что времени для совершенствования в этом замечательном деле у меня предостаточно. Но еще долго не мог себе простить этот сюжет с дамой: тут я особенно опростоволосился. Ожидал записать крики ужаса, вопли, мольбу о пощаде, а вышло одно разочарование. Оказалось все банально и пресно! Слишком уязвила меня история эта, потому часто ее вспоминаю. Да, люди в России уже совсем другие! Но какое быстрое, невероятное, качественное изменение!

Глава 3

– Господин Гусятников, – вдруг услышал я голос своего помощника Лапского, – в кассу пула уже собрали семьдесят пять миллионов. Продолжать или хватит? Наш мешок почти полон, – он улыбнулся, да так самодовольно, что, показалось, ожидал похвалу. Дурень!

Я пришел в себя, нахмурился и злобно бросил: «Продолжай, продолжай, в сборе денег нельзя останавливаться. Что за проблема – новый мешок! Сдирай со стола любую скатерть, сними с себя рубаху, портки, наконец. Так-то! В приумножении капитала надо всегда набирать скорость. Армада конкурентов несется следом с огромной энергией. На привале она затопчет любого, а особенно таких простачков, как ты! Да! Поэтому только вперед! Ищи, добывай деньги! На что другое может быть способен современный молодой человек? Вы же себя лишь к этому делу готовите! Тешитесь мыслью, что оно избавит вас от нищеты! Ах какая вульгарная наивность! Нет! От нее спасает нечто совсем другое. Но пока вы доползете до понимания смысла существования, ваша жизнь окажется у финиша, настанет пора помирать. Ну, пшел! За тобой мое солидное имя, моя замечательная идея, за столами богатейшие люди Москвы, на карте – золотовалютный регион К – кия, так что без ста миллионов долларов не показывайся!» Этот щеголь Лапский стал уже раздражать меня лакейской угодливостью. Всякий раз при докладе возникало ощущение, что он протягивал свою ручонку, чтобы чаевые получить или словно выклянчивая доброе слово. Прибавить ему жалованье что ли и, наблюдая за радостью, поиздеваться по высшему разряду? Ведь иначе у меня никак нельзя! Я-то преотлично знаю, на кой черт живу! От чего балдею!

Тут ко мне подошел господин Кайраканов. Предприниматель средней руки. С капиталом не больше пятидесяти миллионов долларов. Полноват. Среднего роста. Большие навывате глаза. И удивительная манера: как бы нарочно застегивает пиджак не на те пуговицы. Один лацкан у него всегда выше другого, а полы расстраивают гармонию дорогих костюмов. Он был возбужден, поэтому не обратил внимания на мой задумчивый вид.

– Приветствую вас, дорогой Иван Степанович, в К – ский проект я отстегнул три миллиона долларов! – Глуховатый голос вызывал у меня ощущение, что нос его плотно заложен. – Чувствую приближение больших денег. Ведь как иначе: с вашим именем всегда связан высокорентабельный доход. Авторитету Гусятникова я всегда низко кланяюсь. Доверяю! И никому другому не окажу такой почести. Тут, уважаемый Иван Степанович, возымел я мысль: после получения первых дивидендов специальный фонд создать, секретный, так сказать. На благо России, если вы, конечно, одобрите мое начинание.

– Что за фонд, голубчик? – бросил я равнодушно. Никогда не испытывал интереса к мелким чужим проектам. Про себя же, впрочем, без удивления отметил, что никакого желания угадывать, о чем пойдет речь, у меня не возникло. Я даже не хотел предполагать, что он дальше скажет. Подумаешь, проект! Вся Россия о них нынче разбивает голову. Мертвые жилы. Тьфу!

– Чтобы искоренить местный язык... – на ухо бросил он мне.

– Не понял! – Я с любопытством оглядел этого странного предпринимателя. Мы были знакомы, но шапочно. Не испытывал чувства неловкости от моего явного замешательства, он уверенно продолжал. Мой разум словно проснулся, ожил – бесовский и мстительный. И в искреннем изумлении я стал слушать.

– Сторонник неделимой России должен поддержать этот проект. На нашем пространстве более сорока языков. Что это за страна? Разве с такой многоголосицей можно освободиться от сепаратизма, обрести стабильность? Возьмите Канаду: два языка – и государство на пороге развала. А Афганистан? Четыре языка – и непрекращающиеся войны. Вспомните воинственный курдский анклав в Турции, в Ираке, трехязычный Судан с перманентной

гражданской войной, агрессивные протесты басков в Испании. В Шри-Ланке сингалцы и тамилы воюют между собой целую вечность. Югославия развалилась. Основная причина? Разная культура, похожие, но самостоятельные языки, – македонский, боснийский, словенский, албанский в Косово. А наш Советский Союз? Его триумфальному развалу послужили прежде всего национальные языки и культура. Во всех стабильных странах единый язык. И он сложился не сам по себе и не в далеком прошлом, – Кайраканов говорил увлеченно, складывалось впечатление, что историческую материю он знал превосходно. – Всегда находились патриотические силы, которые проводили политику единого языка и пространства, – воодушевленно продолжал он. – Италия и Голландия заговорили на единственном языке каждая лишь пятьдесят лет назад, Финляндия – в тридцатые годы прошлого века, Германия – перед Первой мировой войной, Франция лишь во времена Третьей Республики, даже небольшая Литва ввела единый язык в советское время. Но до того говорила на дзукай, сувалском, земаичнай, аукштаичнай... А что у нас? Города-лилипуты – Кызыл, Майкоп, Черкесск, Биробиджан, Саранск, Чебоксары, Элиста и другие признаются столицами республик с атрибутами независимых государств. Это же наша беда! Местечковые суверенные амбиции могут развалить Россию. Вы понимаете меня, уважаемый Иван Степанович? – Тут он повысил голос. – Откуда взялись эти национальные меньшинства? Для примера возьмем степи между Доном и Волгой, Черным и Каспийским морями. На этом пространстве с У11 века до н. э. и по IУ век н. э. проживали скифы, синды, роксоланы, меоты, сарматы, генетты, барканцы, тапурийцы, фессалийцы, ахарняне, халдеи, гирканцы, дербеки и т. д. С IУ по У1 века здесь господствовали иронцы, гунны, с У1 по У11 века – булгары, авары, вплоть до X века – хазары, XI – XII века – половцы, XIII – XV века – мангыты и кунграты, монголы, XVI – XVII века ногайцы и т. д. Где же эти народы, кто вообще знает об их существовании на юго-востоке европейской части России? С их языком и культурой? – Я слушал с удивлением. Тема неожиданно увлекла меня. – Большевики в двадцатые годы, внедряя принцип «разделяй и властвуй», из маленьких этнических групп создали автономные республики, наделяя их правами государственного субъекта. Особенно вызываясь с точки зрения логики и историографии выглядит один из последних созданных ими субъектов: Еврейская автономная область на границе с Китаем. Что это за этническое образование? Дурь! Нам необходимо срочно провести реформу и убрать этнические названия из наших субъектов федерации. Мы должны стать единым народом – россиянами. Никому не дано вводить или поощрять двойные стандарты в таких тонких политических вопросах. Это неминуемо рано или поздно обернется конфликтом, раздором, станет основанием для завышенных, неоправданных национально-территориальных амбиций. Надо создать единый трудовой ресурс, способный свободно перемещаться по всей территории России, а значит – эффективно ассимилироваться с основным этносом. Идет глобализация, и у небольших народов нет шансов на суверенность. Вспомните время перед началом новой эры! Только за двести лет на территории между Каспием и Черным морем навсегда исчезли или поглотились другим этносом генетты, мидийцы, барканцы, тапурийцы, дербики, гирканцы, фессалийцы, инды, ахарняне, этолийцы, халдеи, фригийцы и многие другие. Кто об этом горюет?! Давайте начинать с К – кии. Из специального фонда будем приплачивать чиновникам, чтобы они насаждали русский язык. К противникам языковой реформы можно применять самые разнообразные методы. Выкупать молодых девиц, чтобы с приданым отдавать их замуж в чисто российские провинции, брать на себя расходы по обучению детей, школьников и студентов, на русском языке, переселять ортодоксальное местное население посемейно в каждый районный центр, в каждую деревню Центральной России. Чтобы стереть все нерусское. А после К – кии накопим опыт и возьмемся за другие «этнические образования». Цель – отстранить нож, направленный нам в спину. Думаю, – тут он перешел на шепот, еще больше приблизившись к моему уху, – можно подключить Академию наук. Надо выделить средства, чтобы они разработали

препарат, после приема которого сознание стало бы воспринимать лишь русский язык и русскую культуру. Я знаю, что это возможно. Читал в одном из академических журналов.

«Ах, вот на что ты замахнулся! Браво, умник, – оценил я. А сам подумал: – Прекрасная программа. Ведь это огромное поле для надругательства над человеком, для ломки его внутреннего мира. Как раз то, что я ищу! Можно отточить такие изощренные приемы, что собственная душа в экстазе вздрогнет, затрепещет. Придется в буквальном смысле перекраивать людей, не биологически их уничтожать, а менять их сердце, культуру, религию. Прививать чуждую ментальность. Тут потребуется особая ненависть ко всем нерусским из ареала бывшей империи, тут необходимо будет мобилизовать необыкновенную ненависть к человеку вообще». Я несколько не страшился своих мыслей. Восторг, восторг, заливал меня! Но это возможно лишь при сильном национальном самосознании или глубоком убеждении, что человек промежуточное существо и всякий эксперимент над ним, даже самый ужасный, вписывается в программу его эволюции, а потому чрезвычайно полезен. Да! Да! Иначе не может быть. Варварство и бесчеловечность – жуткие вещи, но они качественно изменяют мир. Почти забывая о торжественном вечере я погрузился в раздумья. «Если бы арабы почти полностью не истребили византийских христиан, – а их были миллионы, – не возникли бы такие государства как Сирия, Египет, Ливан, Тунис, Ливия, Алжир. Не уничтожив большую часть индейских племен, – здесь тоже семи-восьмизначные цифры, – наследники конкистадоров не смогли бы создать такие страны, как Мексика, Перу, Чили, Эквадор, Венесуэла. Не был бы убит Франц Иосиф – не началась бы Первая мировая война. Если бы пятьдесят миллионов людей не погибли во Второй мировой войне, то шестьдесят лет жизнь более полумиллиарда европейцев не смогла бы бурно развиваться. Ведь действительно 50–80 годы стали золотым временем всего двадцатого века! Какие замечательные открытия были сделаны в это время, какие великие имена засверкали в эти годы, как далеко продвинулась наука! Продолжительность жизни в тридцатых годах в среднем была пятьдесят лет, а в семидесятые годы уже семьдесят семь! Значит, без глумления над человечеством совершенно невозможно добиться интеллектуальной сверхцели – абсолютного бессмертия. Именно эта идея меня основательно занимает, над ней я поминутно ломаю себе голову, любуюсь ее перспективой. Лишь успокоив свой разум реальностью вечной жизни, не где-то *там*, а здесь, наяву, можно по-настоящему полюбить людей. Иначе ну никак не получается. Иногда даже наступает истерическая ненависть. Да! Как же полюбишь эту сволочь, которая глупее и порочнее тебя, а все больше портит наш замечательный мир своим безобразным присутствием? Ты будешь гнить на кладбище, а он – смеяться над твоей могилой. Ворошить ее со скуки! Нет уж! Эти гипотетические картины производят на меня ужасающее впечатление. Так не пойдет! Не допущу! Теперь хочу получить аванс мщения! Да! Я уже далеко продвинулся после инцидента с Николаевым. Мысли и желания издеваться над плебсом стали у меня куда более радикальными. Сегодня я уже мечтаю наблюдать за страдающим человечеством! С восторгом смотреть на людские муки. Знаю, что эти мои чувства одобряют немногие. А осудит их, конечно, большинство. Ну и что? Мне не нужны миллионы приверженцев. Я буду искренне рад тем немногим, кто ставит себя выше всех, кто понимает, что все представления разума – это деятельность природы и непосредственно человека они не касаются. То есть *он* сам по себе, а разум сам по себе. Именно так-с! Помните Гоголя? Ведь у него-то нос гулял сам по себе! А почему же разум такого права не имеет! Не заслужил что ли? Нет-с, не так! Вот когда вам встретится неразумный, то о чем надо прежде всего подумать? А? Что разум у него сбежал, и не обязательно в какой-нибудь там парк, на карусель или в пивнушку, а может быть, и в совокупный мозг Гинзбурга, Алферова, Капицы или Семеновой. Вы что, думаете, они только своими мозгами орудуют? Никак нет! Чтобы еще выше поднять потенцию своего достойного мозга, они очень даже любят перебежчиками пользоваться. Или представим, что кто-то умер. Мозг-то знает, что биологическая жизнь вот-

вот окончится. И в то самое время *х* он начинает перебегать... Хоть к сыну, реже – к жене, а иной – в сберкассах, чтобы деньги вовремя стащить. Как только это начинаешь осознавать до конца, становишься совершенно свободным существом, потому что все деяния твои являют законодательную основу самой природы и для поиска причинности или какой-либо там аналогии нет никакого основания. Если мозг явление глубоко стихийное, то есть природное, оформленное мутациями в программу, то как, скажите мне на милость, можно спорить с его проявлениями или осуждать его производное? Совершенно глупый вопрос часто возникает у некоторых, не понимающих сути жизни: «Для чего я есть?» Тьфу! Рассмеяться хочется! Поистине, беспредельные глупцы населяют мир. Да для того, чтобы совершенствовать само существо, ту *самую* программу, в которую поместили тебя помимо твоей воли. Понял? Или опять нет?

– Согласен, вполне патриотический проект, – деловым тоном заметил я, скрывая удовольствие. – А почему, собственно, ты выбрал одну К – кию? В ней не так уж выражены особенности местного этноса. Возьми А – зию и Б – рию. В этих республиках куда интереснее проводить такой эксперимент. – А сам подумал: ведь там колорита больше, а значит, ломка традиций и ментальности каждого отдельного представителя будет весьма яркой. Ты его ломаешь, клонируешь по своему образцу, и сам этот процесс воспаляет душу: я страстный выразитель собственной идеи.

– Как, а? – опять обратился я к нему. – Ведь ты говорил об интересах России. Не так ли?

– Если вы, Иван Степанович, поддерживаете, я готов начать этот проект где угодно.

– Тут, любезный, не столько деньги и патриотические чувства нужны, куда важнее в этом вопросе прочный потенциал ненависти к человеку. Как у тебя с *этим*?

– Ненависти?

– Именно ее! А как ты собираешься русифицировать ментальность и культуру провинциальных этносов? Без вероломства тут никак нельзя. Все государства прошли через этот адский круг. Только Россия застряла! Представь себе республики с множеством атрибутов самостоятельных государств, в которых численность населения около пятидесяти тысяч человек. Пусть даже сто, триста, семьсот тысяч. Миллион! Смехота. Как же создать рынок труда в закрытом этническом образовании? Как повысить доходы населения? Обустроиться? Помечтать? То-то! Невозможно! Да! Раньше я посмеивался над чиновниками, и не потому что осуждал их глупость, просто имело принципиальный смысл дожидаться логической развязки. Вот сейчас уже она на пороге. Поэтому возникает вопрос: как защитить страну от сепаратизма? Глобализация в современном мире пустила глубокие корни, а мы сохраняем политико-административные модели столетней давности, модели вредные и опасные для единого государства. Ты же хочешь, чтобы они исчезли, чтобы расцвела Россия? Вон Китай, миллиард шестьсот миллионов граждан, а двадцать две провинции и пять автономных районов. Индия – миллиард сто миллионов делится на двадцать один штат и девять союзных территорий, Бразилия, страна близкая к России по численности населения и объему производимого ВВП, разделена на двадцать два штата и четыре территории, США – триста миллионов, а пятьдесят два штата. А у нас сто сорок миллионов, но восемьдесят восемь субъектов федерации. Кому пришла в голову такая дурацкая мысль, достойная книги рекордов Гиннеса в разделе «глупость»? Как тут без радикальных шагов! Ты-то готов на это?

– Да. Но без ненависти и насилия.

– Демократ? Либерал? Христианин? Без радикальных преобразований у тебя ничего не получится. Учись на своих ошибках. Когда проект в К – кии провалится и ты поумнееешь, найди меня. Я готов оказаться рядом, чтобы начать с тобой все сначала.

Опять в голову полезли прежние наваждения. Изображая мир своих фантазий, я с удовольствием продолжал утешать себя мыслью, что только беспощадное насилие улучшает породу людей. И чем больше его сегодня, убеждал я себя, тем совершеннее будет выглядеть

человек завтра. Тут мне вспомнилось, что в последнее время меня все чаще тянет к разным формам принуждения практически всех окружающих и порой даже самого себя. Ведь совершенно не просто заставить себя визжать от радости, рисуя перед собой картину того, как ты моришь голодом и жаждой человека, чтобы вынудить его оклеветать собственного отца и подвести его под статью «умышленное убийство» неизвестного лица. Или сесть в первые ряды Театра на Таганке и заставить себя аплодировать и орать «Браво» бездарному режиссеру, то ли Сосунчикову, то ли Нелюбчикову. А обязать себя испытывать удовольствие от кремации усопших, и в момент возгорания печи – яростно аплодировать. Что такое человек? Еще ни один в этом не отважился признаться: это программа генов и кодов! Букет мутаций, находящихся в перманентном брожении, меняющийся по спирали развития. Да! Бояться! Очень хочется из себя мифические фигуры строить. Звания раздаривать. А невежество не позволяет понять главное: каждый из нас – всего лишь программа! Поэтому не поносите лгуна-политика. Не чертыхайтесь на всем доступную девку; не ругайте алкоголика, наркомана, глупца, неудачника, бандита, доносчика – это их программа. Ведь больше в человеке ничего нет! Разве можно от него требовать сверх того, что может дать его врожденный чип? Комбинация его нехитрой материи? Ведь если вас не устраивает программа вашего компьютера, вы начинаете поиск и покупаете другую. Не ключ ли это к пониманию проблем современности...

– Да-с, к сожалению, господин Кайраканов, в нем ничего нет... – вдруг вырвалось из меня. Он, конечно, ничего не понял – о чем это я. А я продолжал раздумывать дальше, впадая в умственную истерию: «Человеческие программы можно эффективно менять. Для этого дела человечество уже изобрело подходящий инструмент: коса смерти! Именно этим орудием можно достичь цели, если я хочу видеть положительные сдвиги в эволюции собственного вида. Поэтому совершенно глупо не принимать умом жестокость, лить слезы и стонать над насилием. Да! Именно так! Грубо? Жестоко? Да, да, да! Неужели намного лучше осуждать людское несовершенство и его мутационную программу? Такие насмешки слышатся со всех сторон. Не выгоднее ли вмешаться, чтобы изменить эту программу к лучшему? Что бы сделал первый инопланетянин, попавший на нашу землю? Он начал бы изменять род людской, потому что люди до безобразия не равны пришельцу по интеллекту. Наука постигается лишь сильным умом, а он чрезвычайно редок! Никак не больше десятой процента! Тьфу! Как ужасно мало! Мизер! Остальные же, чтобы компенсировать недостатки в айкью и генетике, тянутся за чинами, должностями, капиталами, восславляют пороки, празднуют, эксплуатируя их. Да я вот сам... Каким же тестом оценить самого себя? Неужели только силой ненависти? А может быть, в меня тоже вселился чужой ум, и не один, а сразу несколько? Ведь многое во мне похоже и на де Сада, который призывал человечество вернуться к инстинктам живой природы и к гедонизму, бесконечному наслаждению разнузданной плоти извращенного разума. И на Ницше – восторгавшегося селекцией внутри человеческих особей и восславившего сверхчеловека. И на Циолковского, ставившего атом мозга превыше всего и ратовавшего за уничтожение несовершенных видов природы. И на Сухово-Кобылина, мечтавшего о звездном будущем летающего человечества, прошедшего через жесточайший отбор и вытеснившего человека чувственного, рассудочного, примитивного. Или на самого Сталина, а то и на Гитлера. Нет! Лучше тогда уж на Сталина. Он ближе русскому духу. Да! Впрочем, я совершенно не против самых невероятных перемещений. Потому что протест в любой форме ничего не даст. Природа сделает все это помимо моей воли! Как смерть всегда настигает человека, очень настойчиво протягивая свою руку, так и природа вдруг заглянет в тебя из глубины веков. Сил-то совершенно нет противостоять такому явлению! Вот, например, сейчас, вошел в меня чей-то незнакомый разум и каждую минуту нашептывает: существует единственная гигиена для человечества – это массовое его уничтожение. Ну что тут поделаешь. Страшно? Ужасно? Да! А выбросить эту мысль из головы

– бесполезное занятие. Сил нет! Да! Нет! И она все чаще, настойчивее воспаляет мой рас-судок. Вы же, люди умные, должны меня понять. Вспомните, какая навязчивая идея обуре-вала в недалеком прошлом итальянцев – смертельная ненависть к австрийцам. А японцев? К китайцам. А греков? К туркам! А алжирцев? К французам! А армян? К туркам! А фран-цузов? К англичанам! А мексиканцев? К американцам! А камбоджийцев? К вьетнамцам! А пакистанцев? К индийцам! А поляков? К немцам! А румын? К венграм! А русских? К немцам! А немцев? К евреям! А персов? К иракцам! А красных? К белым! А демократов? К фашистам! А мусульман? К иудеям! А христиан? К сатанистам! А нищих? К богатым! А белых? К черным! А коммунистов? К капиталистам! И что? Мир перевернулся? Земля поменяла орбиту? Человечество оказалось в Красной книге? Стоит на грани вымирания? Нет, ничего такого не произошло. Да, пролили тысячи тонн слез. Да, прокричали в сотни тысяч децибелл горьких слов. Да, прочитали миллионы молитв, пропели миллионы страниц псалмов, простонали, помянули. Да, вырыли сотни миллионов могил. Но человечество за последнее столетие удвоилось! Обогастилось! Зарплаты выросли в сотни раз! Капитализа-ция мировых активов возросла на тысячу процентов! Поэтому все давно прощены, поняты, забыты. То же самое будет со мной! Сегодня многие могут меня ненавидеть, а завтра начнут прислушиваться, сегодня гневно меня осудят, а завтра станут моими соратниками. Сегодня проклянут, а в ближайшее время поднимут на пьедестал. Да! Такими сотворила нас природа, то есть стихия мутаций, программа, выработанная тысячелетней историей возникновения человека. И не ищите в нас ничего другого. Его *там* нет!

Тут я неожиданно пришел в себя и бросил скороговоркой Кайраканову: «У меня много гостей, любезный, я должен уделять внимание каждому. Прощай!»

Зал гудел, веселье все больше переходило в распутство. Картина вызвала у меня непри-язнь. И тип в генеральских погонах, пьющий водку из женского сапожка. И другой, с выта-ращенными на деликатесы глазами, жующий за две щеки. И дамочка в морщинах, но в деви-чьих локонах, записывающая в блокнот сексуальные рекомендации писателя Черткова. И полуголая девица, вульгарно жестикулирующая при разговоре по мобильнику. И двое поли-тиков с лоснящимися физиономиями, шепчущиеся у бутылки «Вдовы Клико». И круг юных охотниц за богатыми кавалерами, разглядывающих свои жертвы. И поп в рясе, заинтересо-ванно зыркающий на дамские ювелирные украшения. И все, все, все другие. Тут каждый владел приличным капиталом и сотнями килограммов драгоценностей, но ни у кого не была и грамма полноценного серого вещества, что, бесспорно, объясняло прелюдию обществен-ной агонии. «С каким превеликим удовольствием я бы всех их уничтожил, даже не пересчи-тывая, не спрашивая имени, не задавая вопросов, без пробы на качество», – решительно и радостно мелькнуло у меня в голове. Через мясорубку превратил бы в фарш! В непонятное месиво! А их глубочайшие корни сжег бы дотла! А из этого стручка в комическом смокинге, с жидкой, как у Мрефа, бородкой, который тщетно норовит залезть под юбку своей стра-шилке – даме с подтянутым подбородком, наполненными гелием губами и выщипанными в тонкий шнурок бровями, – сделал бы отбивную для голодных шакалов. Чтобы остервенелые звериные челюсти рвали его на куски. Ах, как замечательно все это представлять! Ах, как прекрасно разглядывать эти варварские утехы в деталях! С расточительным вниманием! С благоразумными советами от себя самого! Да! Чрезвычайно занимательно провел я время в щекочущих сознание размышлениях. А насладившись, неожиданно задал себе несколько не странный вопрос: неужели в *этом* и состоит сила моего разума – чтобы издеваться над чело-веком? Ах, ах, страшно-то как! Ах, дорогой Иван Степанович, куда же приведет тебя этот странный поиск? Не спишишь ли ты? Не опасаясь ли оказаться нелюдем? Ярчайшим чело-веконенавистником? Нисколько не робею, насмотревшись на эту публику, на жуткий мир вокруг себя, очень хочу, мечтаю даже, стать самым извращенным индивидуумом. Мизан-тропом высшей гильдии! Чтобы не только с восторженным чувством глумиться над людьми,

но ненавидеть и презирать в самом себе все Адамово. Способен ли я на такое? Ведь силу для этого дела надо иметь неимоверную. И здесь можно задать самому себе очень коварный вопрос: получится ли у меня выпрыгнуть из своего, человеческого? Не так-то это просто. Или я уже изначально запрограммирован как существо, для *этого* дела готовое?

– Есть сто миллионов! – вдруг услышал я над самым ухом. – Что теперь делать? – довольная физиономия Лапского возникла перед глазами.

– Сколько из них нала?

– Пять миллионов триста тысяч долларов, два миллиона евро и двести тысяч фунтов стерлингов наличными, все остальное – письменные обязательства.

– Кто дал больше всех?

– Крапивин. Написал расписку на девять миллионов долларов.

– Кто пожадничал?

– Владимир Павлович. Он с трудом вытащил тысячу долларов.

– Одну тысячу?

– Да! Рублями, правда, и то по своему курсу: один к двадцати семи. Такого курса давно нет. Нынешняя цена доллара – двадцать семь восемьдесят.

– А ну-ка выложи мне его худую подачку. Передай этому типу, чтобы шел в кабинет метрдотеля ресторана. У меня к нему дело есть. По дороге шепни ребятам Капусты, чтобы подтянулись к этому месту. Приглашай Владимира Павловича с приветливой рожей. Он с кем за столом?

– Со своей дамочкой, харьковчанкой из Франции.

– Она одна с ним?

– Нет, с ним вместе их шестеро. Какие-то его друзья из Зеленограда.

– Они что-нибудь внесли в кассу проекта К – кия?

– Нет!

– Так-с! Собранные деньги оставь Стеканову, а расписки передай в офис. Пшел! Да, стой, пусть к моему столу подойдет Перегудов.

«Интересно, как я сейчас поведу себя с этим Владимиром Павловичем, – мелькнуло у меня в голове. Ведь мой мозг, надо понимать, являет собой многообразный мир, исполненный тайн. Чем глубже я буду вести поиск нетривиальных извращений, тем поразительней окажутся пожелания разума. Неподвластный физиологический процесс может выкинуть что угодно. И с кого тут спрашивать? Как и кому давать объяснения, какие аргументы выдвигать в оправдание? Существует ли инстанция, которой можно предъявить претензии? Впрочем... Скорее всего, для полного понимания всех таинств собственного разума придется расширить рамки личной свободы, и тогда, не ограничивая себя ни в чем, удастся по-настоящему систематизировать его проявления. Да! Начать надо с понимания того, что для тебя не существуют ни конституция, ни законы, ни обязательства, ни совесть. Освободить сознание от всех социальных, религиозных, нравственных категорий. На что способен я, Иван Гусятников, человек или схожее с ним существо? Будут ли представления моего извращенного разума надуманными, искусственными, выморочными, или окажутся логичным проявлением моей природы? Необходимо вникнуть в неизведанное, существующее по ту сторону нашего сознания, в каждой клетке мозга, стиснутого декорациями жизни. Сама наша *программа*, видимо, не способна различать добро и зло, эти представления привнесены в нее извне. Именно это обстоятельство мне необходимо доказать, а для этого я должен совершенно освободить себя от ограничений в страстях, в желаниях и помыслах, пусть даже самых низменных и жутких. Приходится объявить войну так называемой традиционной «человечности». Отныне мой манифест – «Свобода не обремененного законами разума».

Эта вот история с Новым Орлеаном? В чем она прежде всего меня убедила? Что она весьма ярко высветила? Чем изумила меня, почему толкнула к действию? Очень тонкий слой человечности в человеке. Да! Всего несколько часов отделяло горожан от до и после Катрины, но как изменилось их сознание? Словно ветры и волны Атлантики сорвали маску цивилизации с их физиономий, потребовав немедленного проявления животного. Всего самого разнузданного! Насиловать, отнимать, не признавать достоинства другого, жрать, пить, гадить, красть – инстинкты эти проснулись в момент с невиданной силой. Но почему так резко? И не где-нибудь, а в богатейшей стране мира? Да потому, господа, что эти пороки целую вечность привлекают людей. Такова *их* программа. Это только кажется, что приступ свирепости в *их* разуме произошел в результате удара стихии. Нет! Сама природа человека такова. И совершенно нет необходимости ее идеализировать, как это делают политики и гуманисты. Тьфу! Ведь эти варварские страсти не утихают, они беззастенчиво продолжают бросать вызов современному миру. Ах, как это здорово – пинать людскую гордость! Распугивать стереотипы самоуважения! Издеваться над личностью! Да! Милейшее занятие! Поэтому и мне медлить с *этим* никак нельзя. Тут я даже вспыхнул: «Надо торопиться с вмешательством в унылый муравейник жизни, чтобы большинство двуногих ахнуло от нового взрыва жестокости, а меньшинство пришло в восторг! Без насилия гармония не наступит. Вот тут-то я и нужен. В современных условиях это наиважнейшая задача. Как хочется увидеть миг человеческого совершенства! Засвидетельствовать в анналах истории трансформацию собственного разума. И тогда Тверская, смоченная дождем, или Москва-река при свете неоновых ламп разверзнется до самого центра земли, а в душе каждого из нас поселится солнце, казалось, отдаленное на миллиарды километров. Именно в это замечательное время по настоящему влюбится сердце ...»

– А, Перегудов? – я увидел знакомое лицо. – Подойди поближе, хочу шепнуть тебе пару слов. – Дай десять тысяч зеленых шеф-повару, скажи, что через полчаса он получит специальный заказ на шесть блюд. Я сам распишу меню. Чтобы никаких вопросов не задавал. Доставь в кабинет метрдотеля электрический столовый нож, капли в нос, десяток полотенец, лейкопластырь, скотч, десять тысяч долларов, а у двери усади врача скорой помощи со служебным чемоданом.

– Капли в нос? – исподлобья посмотрел на меня Перегудов.

– У моего собеседника постоянный насморк.

– Понял, – тушуясь, кивнул он.

– Твоя лаконичность производит приятное впечатление. Собираюсь премировать тебя, – и не когда-нибудь, а сегодня же вечером. Вся команда получит премии. Ступай! – А сам бросил: – А, и ты тут, курочка?

Ко мне подошла светская дама, – участница всех столичных тусовок, жена вечного, крупного чиновника. Имени ее я, конечно, не помнил, впрочем, всегда называл ее самым банальным образом: «курочка». Ей было около семидесяти. Пестрый шелковый платок повязанный на цыганский манер, покрывал ее головку. Она так часто подтягивала у хирургов кожу, что ее мало кто узнавал. Сегодня на ней был экстравагантный наряд: из глубокого декольте грудь буквально вываливалась, и у хорошо воспитанных мужчин могло возникнуть желание подставить руки, чтобы она не выпала вовсе на паркет; короткая юбка, серебряный ремень с сапфирами, высокие сапожки. Пальцы унизаны бриллиантовыми кольцами.

– Дружок, – обратилась она ко мне, – скажи моему мужу, что многие спрашивают меня, не являюсь ли я его младшей дочерью. Представляешь? Почему-то все боятся ему об этом сказать. Пусть знает, что говорят о его жене. Тоже мне еще. Без меня он ноль! Я только из Ниццы, – сообщила она томно. – Замучили кавалеры. Этот вице-губернатор... Как же его? Такой целовальщик! То ручку возьмет, то плечо своими усами защекочет. Или этот, ну депутат, – всю Москву обклеил плакатами, что влюбился в актрису. А на плакате такой поэти-

ческий слоган придумал. Просто душещипательный. Вроде: «Хочу любить тебя 24 часа!» или «Мечтаю целовать тебя всю ночь!» Или даже: «Никак не могу, любимая, пройти мимо твоей двери». Изумительные слова. Изысканное признание. Вы-то сами не помните? Вся Москва умилилась. Как же ее зовут, ну та, что в последнем фильме этого, как его... известного режиссера, на букву Г, или Д, нет, пожалуй на Ж, ну помните? Он еще лысоват? И фильм был известный... Так тот депутат сморкался в мои трусики, да с такой радостью и чувством, что всем было понятно: отдых на Лазурном берегу у него удался. Все бегут на футбол с нашими армейцами против, как их там, англичан, что ли, а он мое белье стирает. Сам вывешивает на балкончике. Умница. Как его та артистка не полюбила? Дура! Ой, мой муж идет. Так давай скажи... меня все спрашивают, не дочка ли я ему. Ведь ничего не стоит сказать эту простенькую фразочку. Ну, Иван Степаныч, умоляю!

Ее супруг – невысокий, с брюшком, на вид моложе своей половины лет на десять. Я не раз видел его, но не помню имени. Он занимал видный пост в земельном ведомстве. Я его услуги оценивал не дороже пятидесяти тысяч долларов, поэтому он меня совершенно не интересовал. С ним контактировали мои юристы.

– Как чувствуешь себя, душечка? – обратился он к жене, слегка поклонившись при этом в мою сторону.

«Ах, вот как? Со мной кивком здороваешься, драный чинуша. Я тебе сейчас устрою», – мелькнуло в голове. А вслух я произнес:

– Ты что это, любезный, с малолетками на тусовки ходишь? Вот и сейчас привел совсем юную. Тебе не совестно? В следующий раз от меня никогда приглашение не получишь. Ты, любезный, такие выкрутасы себе не позволяй. А то я тебя тут же выставлю. Самому за шестьдесят, а девицу на званый ужин пригласил двадцатилетнюю. На своих торжественных вечеринках я такого видеть не желаю! – Я едва сдерживал смех. – Что теперь с тобой делать? Я жену твою хотел видеть, обласкать ее, а ты со студенткой приперся. Да! Наши чиновники народ развратный. Кто со мной станет спорить, господа?

– Так это ведь моя жена, Иван Степанович, – жалобно простонал он.

– Как, опять новая? Еще раз женился. А мою приятельницу бросил?

– Так это же она самая, Софа Алексеевна, – удивленно развел руки чинуша.

– Как так? Что за колдовство? Ты меня не дури, я еще в добром здравии.

– Ха-ха-ха! – рассмеялась Софа Алексеевна. И обратилась к мужу: – Я же говорила тебе, что блестяще выгляжу. Меня никто не узнает, а все дамы завидуют. А ты меня недостойн. Животик не можешь убрать. Лопух! Вот выйду замуж за молодого...

Чтобы не слушать этот бред, я встал и пошел на встречу с Владимиром Павловичем. Оставаться с этой публикой дальше было невыносимо. «И эти типы считают, – думал я, – что я одной с ними породы. Какое фарисейское заблуждение. Их надо уничтожать. Ведь совершенно невозможно жить с *ними* в одном мире. На всех этапах эволюции индивидуальные умозаключения совершенствовали мир интеллекта. Так же поток творческого обновления должен улучшить человеческое сознание. Сейчас меня ждет еще один из этой никчемной породы. Надо, наконец, решиться. И готово все... Конечно, работа не из приятных, но другой дороги нет. Этот *первый* эпизод может оказаться существенным для утверждения моего преимущественного права всегда поступать именно так, по зову внутреннего голоса, по интуиции, чтобы прежде всего доказывать себе: я другой, мне все позволительно, и мириться с произволом недоразвитых особей больше никак нельзя. Ну зачем рядом со мной такая пошлячка, как эта Софа Алексеевна? Для чего она миру земному и космическому? Ведь она нарушает гармонию Вселенной! Поэтому пора начать процесс гармонизации. И я беру на себя смелость сделать первый шаг! Кто-то из наших, господа, ведь должен принять вызов! Стартовать, наконец! Жертва должна преодолеть себя, чтобы обернуться палачом! Лично у меня уже нет никаких сомнений. Поэтому мой шаг ровный, уверенный, я отчетливо вижу

цель, остаюсь последовательным и верным своим убеждениям. Фатальной ошибки не может быть! Почему человек смертен? Почему он никак не может вырваться из своего семидесятипятилетнего круга жизни? Да потому, что он безраздельно глуп! А редкие умники, которые все же встречаются, становятся заложниками времени, в котором ненароком оказались. Жертвенные посланцы из будущего. Да-с, господа! Природа сама избавляется от балбесов, едва заметно, ну совсем чуть-чуть, увеличивая их биологическую активность. Лишь с помощью мутаций она может обогатить наш разум и даже довести его до совершенства. Но на это уйдут тысячелетия. Поэтому я хочу сократить время эволюции. Надо, чтобы право на жизнь получили лишь умнейшие. А для этого необходимо уе-li! Что в переводе с китайского означает «переступить все границы». Лишь в этом случае человеческий разум получит полное господство над пространством, временем, движением и плотью. Другими словами, господа, обретет бессмертие. Да!

Ах, Владимир Павлович, спохватился я. Идя ему навстречу, вспомнил эпизоды нашего общения. Как-то встретились мы в ресторане «Шинок». Сдвинули столы. Он был с молодой женщиной: помню ее большие голубые глаза, непривычного цвета волосы – синева с проседью. В.П. входил в круг состоятельных людей столицы, мог позволить себе многое. Рядом с ним сидела еще одна пара ничем не приметного вида. Со мной был крупный федеральный чиновник строительного департамента, болтун, порядком подвыпивший. Я уже собрался уходить, когда подошел приятель, с которым пришлось спуститься к выходу. Я отсутствовал не более пятнадцати минут, вернулся же, чтобы попрощаться и забрать своего гостя. И тут застал невероятную картину: лицо красотки В.П. было окровавлено, слезы смешанные с кровью, скатывались на кремовую кружевную блузку, голые колени. В.П. молча, безмятежно жует свою отбивную, неприметная парочка рядом обнимается, а мой чиновник, облокотившись на стол, посапывает. Вроде все путем, и ничего особенного за столом не произошло и не происходит. «Что случилось?» – удивился я. Взяв со стола льняную салфетку, подошел к женщине, чтобы протереть ей лицо и промыть водкой раны. «Вызвать скорую?» – спросил я. Никто не ответил. Вначале подумалось, что это сам В.П. звякнул любовницу. Но ко мне подошла дама от соседнего стола: «Ей голову надо промыть водой. Помогите отвести ее в туалетную комнату». – Пожалуйста, – я помог встать пострадавшей. – А что, собственно, стряслось?» – «Как только вы отошли, к столу подошел какой-то кавказец, по-моему армянин, и без слов начал избивать эту особу. Бил ее руками и ногами. Бедняжка...» – «Никто не заступился?» – удивился я. – «Нет, никто!» – «Володя, – обратился я к В.П. – как ты позволил? Если сам побоялся, мог вызвать меня. И твои охранники стоят у входа». – «Это ее проблемы, – бесстрастным тоном ответил он. – За траханье я ей плачу. Почему я должен ее еще защищать? Может, он бил ее по делу?» Я тогда буквально оцепенел от его бессердечности. Ах, как мне хотелось избить этого довольного собой позорного труса! Впрочем, не совсем ясно – труса ли? Скорее всего, да, но гораздо больше он расчетливый негодяй! Его потребительская ментальность потрясла меня. Этот омерзительный случай нередко всплывает в моем сознании. Тьфу! До того был другой эпизод. Как-то на этажах мэрии мы случайно встретились. «Иван, – обратился он ко мне после приветствия, – для нового помощника мне нужен автомобиль. У тебя нет свободного? Потом разберемся». Я удивился, что такой состоятельный тип обращается ко мне с ничтожной просьбой. Решил, что, видимо, приперло мужика, стоит дать ему машину. Отправил ему из своей конюшни трехлетнюю «Ауди». Прошел год, два. Я подумал тогда: богатый человек, будет ли он вспоминать железку в двадцать пять тысяч долларов? Впрочем, я и сам забыл. Но, как теперь оказывается, не навсегда. В промежутке между автомобилем и «Шинком» был еще случай. Мы встретились в каннском аэропорту. Их было четверо. «Степаныч, старина, – любезным тоном бросил он, – моих летчиков не выпускают из гостиницы. Надо оплатить их недельный счет. Я не владею французским, поэтому не могу договориться с рецепцией. Помогите!» – «Что за переговоры с гости-

ницей? Надо послать им деньги или по телефону продиктовать номер кредитной карты, – пронеслось тогда в моей голове. – Может, случайно истратился и на мели? Но чтобы человек с таким огромным капиталом был не в состоянии оплатить гостиничный счет? Где его помощники, секретари, офицеры банка? Близкие друзья?» Когда я рассчитывался с гостиницей, оказалось, что английские пилоты «Челенджера» (частный семиместный джет) тоже не получили по счету. Пришлось и им выдать надлежащую сумму. Даже приличные чаевые за неудобства. Чтобы они говорили о русских с насмешками? Нет! Никогда не позволю! Моя щедрость в столицах мира известна. Эта история обошлась мне в пятьдесят семь тысяч евро. Недели через три он застал меня телефонным звонком в Лондоне. Опять жалобно просил помочь, якобы сам находился в Москве и ничего сделать не мог, а, кроме меня, из знакомых в Лондоне, мол, никого. Я тогда почувствовал, что его истории похожи друг на друга, но почему-то промолчал и уладил инцидент. В тот раз его охранников задержали в гостинице «Бристоль». Они нанесли гостинице ущерб на семьдесят тысяч фунтов стерлингов. Эти молодцы открывали пивные бутылки не ключом, а о выступы дорогой мебели, вытирали руки, измазанные жиром воблы, о шелковые портьеры и итальянскую обивку на диване и креслах. Позорили русских! Отребье! Хотя, впрочем, каков хозяин. Потом я еще задумался: «Почему этот В.П. в Москве, а его сателлиты в Лондоне? Кого же они оберегают в гостинице? Прошло два года, и эта сволочь В.П. не только не рассчитался, но даже не поблагодарил за мое великодушие. Низкий, скверный тип! Я тогда рвал и метал, что меня как простачка дуранули! А сегодня он бросил в фонд проекта К – кия какую-то издевательскую сумму.

В кабинет метрдотеля вошли еще трое моих охранников. В.П. сидел в кресле и болтал по телефону.

– Запереть двери! – бросил я.

– Привет, дружище! – начал В.П. – Замечательно выглядишь.

– Вяжите его по ногам и рукам, заткните рот кляпом и заклейте скотчем, – решительно заявил я. Он не успел вякнуть, как ударом в голову был нокаутирован. Его связали и по команде положили передо мной на стол. – Облейте водой, хочу, чтобы он пришел в чувство. Пусть видит, как его начнут распиливать на части.

В.П. окатили ведром воды, а шарики льда засунули под рубаху. Постепенно глаза стали оживать, тело в судорогах задвигалось. «Приподнимите голову и закапайте санорин, – командовал я. – У него часто заложен нос, не хочу, чтобы задохнулся. Пусть смотрит собственной смерти в глаза». – В.П. попытался что-то сказать. – «Где электрический нож?» – спросил я. Перегудов передал мне инструмент и тут же включил его. «Минутку», – бросил кто-то за спиной. Я обернулся. – «Разрешите надеть на вас халат, – сказал охранник, – испачкаетесь!» – «Да наплевать!» – хотел было отказаться я, но все же поддался и разрешил надеть на себя поварскую одежду. Прошла минута, а казалось, целая вечность. Я приблизился к В.П.

«С чего начать распиловку?» Тут, надо сказать, руки у меня повлажнели, пульс усилился, рот запекся от редкого дыхания. «Начну с ног, – вначале решил я, – даже оригинально, чтобы он сперва без ног остался, а потом руки можно освободить от веревок и каждую медленно обрезать». Я почувствовал его тяжелое сопение, увидел капли пота на лбу, встретился с его испуганным взглядом. Я отвел глаза первым – и тут заметил на нем новенькие туфли той же модели фирмы «Петриччи», что были на мне. «Мы даже в одинаковой обуви, – про себя рассмеялся я. – Похоже, он надел их сегодня в первый раз. Купил, наверное, тоже, как и я, вчера, по рекомендации Тимура Баткина, нашего общего приятеля, известного в столице доброхота. А почему каблук у него толще? Набойку подбил, что ли? Интересно, о какой скидке договорился Баткин для него? – почему-то пришло в голову. Обычно меня такие вопросы мало интересуют. – Ну при чем тут скидка? – минуту спустя я уже ругал себя последними словами. Да, из своего человеческого трудновато выпрыгивать. Но тут опять понеслось: мой внутренний голос хоть и не дрожал, но был каким-то слабеньким. И говорил

он самые простые вещи, которые и давеча приходили мне на ум. „Если ты такой особенный, начинай распиловку ненавистного существа, врага человека разумного, а не болтай сам с собой. Докажи самому себе, что ты действительно другой. Непохожий!“

Я почувствовал, что звук работающего ножа начинает меня раздражать: чтобы совсем не потерять рассудок, вытянул руки и шагнул еще ближе. Тут неизвестно почему мои глаза закрылись, и я услышал, как тоненько завизжал электрический нож. «Видимо кость отпиливаю! Значит, удастся! – с радостью пронеслось у меня в голове. – „Браво, Иван Степанович!“ – по-моему, я даже вслух это прокричал. Или мне так подумалось. Когда открыл глаза, никакой крови ни на ноже, ни на теле или столе не было. В.П. лишь корчился, а сознания не потерял. – „Что это было?“ – глухим, растерянным голосом спросил я. – „Вы отрезали часть его каблука“, – прошептал Перегудов. Вначале подумалось: этот В.П. может посчитать, что я смеюсь над ним. Обрезать каблук? А? Действительно смешно! Я помолчал и как бы даже забылся. Но вдруг понял, что теперь собрать мысли невозможно. Захотелось спросить себя, а не болел ли я в последние дни? Молчание затягивалось. Со стола сползали капли тающего на груди В.П. льда. „Может, лечь вместо него, – вдруг мелькнула дикая мысль, – чтобы меня располосовали на пирожки? Ведь я сам нелюдь, господи! Что может заслуживать такой типчик, как я!“ Прошла минута, другая. Тишину никто не нарушал. Мой воспаленный разум начал остывать. Я украдкой взглянул на связанного В.П., и чувство омерзения опять охватило меня. Без лишних душевных мучений я лихо заорал: „Перегудов, продолжайте начатое дело! Да! Все вместе, господи! Продолжайте, продолжайте, продолжайте! Останки заложите в мясорубку на котлеты его друзьям“.

Я вышел совершенно разбитый. «Почему я так и не смог высказать свое главное пожелание? – то и дело мелькало в моей голове. – Сказать-то нужно было только одно слово – *распилить!* А я не смог решиться. Тьфу! Если что-нибудь подобное произойдет со мной в будущем, я просто вынужден буду казнить самого себя. Ведь с хилой волей я ничего *такого особенного* добиться никогда не смогу. А зачем тогда жить? Когда команду давал, я же чувствовал, что это слово из меня не лезет, понуждал себя, силы немалые прикладывал, а не получилось. Может, потому, что, желая его убить, сам еще не был до конца готов к исполнению своих намерений. Да! Другого объяснения нет! Горько самому стало. Надолго ли поселилось во мне так неожиданно явившееся чувство неудовлетворенности содеянным? Будет ли оно меня преследовать и каждый раз так беспредельно терзать? «Хватит, хватит, хватит, – кричал я на себя. – Все мои поступки отныне будут совершаться ради будущего человечества. Хватит, хватит, Гусятников! Помолчи!»

Глава 4

Семен Семенович медленно просыпался. Сознание, впрочем, тут же начало шаловливо заигрывать с ним. То ему казалось, что он хочет открыть глаза и быстро встать, чтобы попить кофейку и присмотреть за своими барышнями. Одновременно требовалось продолжить сон и досмотреть нечто особенное, а что именно, он сам запамятовал, но чувствовал: это было очень интересно и, если он опять уйдет в сновидения, – все всплывет само собой и он легко провалится в сладкие грезы. Тут же мелькала мысль, а не поваляться ли в постели просто так и не представить ли себя в каком-нибудь, ну самом необычном, облиции? Эта внутренняя катавасия продолжалась недолго. Химушкин покрутился на кровати, принимая разные позы в надежде найти себя. То лежал на спине, то переворачивался на живот, то устраивался бочком, но найти себя прежним никак не получалось. Оставалось кряхтеть и мучиться, а от горькой мысли о своей беспомощности захотелось даже всплакнуть. Дрожа от бессильной злости, он все же открыл глаза, без особого интереса осмотрел комнату и остановил взгляд на окончательно потерявших былую форму ботинках. «Обувь совсем развалилась», – отметил он. Но никакого огорчения не почувствовал. Потом перевел взгляд на пиджак, висевший на стуле. Карманы были оттянуты, хотя пусты, снизу свисали обветшалые нитки, а складки на рукавах походили на старческие морщины. Локти не раз подвергались неумной штопке, ее темные пятна уродливо топорщились. Пиджак совсем обтрепался и выгорел. А когда-то был изысканного цвета. Табачного? – перебрал он в памяти. – Нет, хаки. Да нет же, вишневого. Когда я его покупал? В восемьдесят третьем? Или в восемьдесят первом? А, вспомнил, купил я его по случаю получения университетского диплома. Это был семьдесят девятый год. Так что ношу уже двадцать семь лет. Пардон, разве, за это время я себе ни одного костюма не покупал? Нет же... На свадьбу я пошел в черном. Так я его в девяностом в ломбард сдал, но так и не выкупил. Тяжелое время было. Как после войны». Он скосил глаза на постель и обнаружил, что белье стало серым. «Когда я его стирал? А, не помню. Целая вечность прошла. Да, собственно, какая разница...» Улыбка сошла с его лица так же неожиданно, как и появилась, скулы выступили, веки чуть прикрылись, лоб наморщился.

За окном лил дождь. Вставать не хотелось. Под одеялом было тепло и уютно. У мысли подобные идеи в последнее время возникали у него все чаще представить себя в каком-нибудь невероятном облиции выросли ноги, и она пошла бродить и скандалить в голове Семена Семеновича самым странным образом. Хорошо увидеть бы себя стулом, на котором висит пиджак. Ну, вот еще что... Подумалось, представить себя какой-нибудь невысокой башней (Семен Семенович боялся высоты), чтобы созерцать жизнь любимого города из конца в конец. Эта фантазия показалась интересной выглядела более интересной, но Химушкин решил попридержать ее и продолжал поиск чего-то совершенно особенного. Он попеременно представлял себя грачом, телекамерой, женским халатом, подслушивающим устройством, письмом президенту, начальником тюрьмы... А в момент отчаяния оттого что никак не мог остановиться на чем-то даже на миг вообразил себя бюстгальтером (у него была некоторая слабость к женской груди). Ему нравился третий размер, и он готов был уже увлечься этой идеей и погрузиться в поток изумительных ощущений, как возник соблазн превратиться в пшеничное зернышко. И не просто стать злаковым семечком золотистого цвета, а пройти весь долгий путь этой замечательной крохотульки. Проследить ее метаморфозы не извне, не взглядом наблюдателя – агронома или колхозного бригадира, а изнутри. Стать семенем, но со своей душой, сердцем и разумом! Не с какими-то абстрактными чувствами и мыслями, а собственными, выстраданными, химушкинскими! Да, у этого московского чудака была

необычайная способность к самым противоречивым ощущениям. В его забитую виртуальными фантазиями голову могло прийти все что угодно.

И вот он уже ощутил себя лежащим в амбаре незнакомого земледельца. И представил себя не обычным мужчиной шестидесяти лет, с бородавками на лысой голове и ростом 180 см, а пшеничным зернышком, покоящимся в куче семян на земляном полу прямо перед мышеловкой. Правда, и не совсем обычным семенем, а скорее человечком, помещенным в оболочку зерна. Впрочем, никаких неудобств эта странная метаморфоза ему не причиняла. Химушкин чувствовал себя как бы на нелегальном положении. Он слышал и видел все, а сам был совершенно незаметным и неузнаваемым. Кому бы пришла такая смелая мысль, что едва заметным желтым пятнышком был он сам? Как раз в этом и состояла его нынешняя главная идея – быть совершенно незаметным. Никто не смог бы признать в нем не только столичного жителя Семена Семеновича, но даже человечка вообще. В этом состоянии он мог сколько угодно предаваться фантазиям. Что, собственно, и являлось высшей целью его скромной по средствам жизни и удовлетворяло навязчивое желание куда-нибудь переместить собственный разум... Может ли что либо другое позволить себе москвич, живущий на жалкую пенсию и пару сотен долларов от аренды небольших коммунальных комнат? Давеча господин Химушкин слышал, что хозяина амбара звали Тарасом Ярославовичем Сандаловым. В начале сентября скрипучая дверь в амбар вдруг отворилась, и на пороге появился сам хозяин. Коренастый, плотный мужичок. Бледно-зеленые глазки выдавали в нем рассудительную личность, а толстенький живот – страстного любителя калорийно поесть и изрядно выпить. Ведь ничем другим на селе себя не порадуешь. Химушкину нравились визиты агрария. Он с удовольствием наблюдал, как Тарас Ярославович, потирая руки, с горящим радостным взглядом, вынимал из мышеловки трофеи и складывал грызунов в плетеную торбочку. Потом наживлял мышеловку новой приманкой – чаще это было сальцо, а иногда даже кусочки карпа, – почему-то поплевывал на них и, долго не отрывая взгляда, пятился к выходу. «Любит мужичок мышей ловить, ох как любит. Да и жизнь у него красивая, свободная, – размышлял столичный житель, – не то что у меня, но и вообще в нашем городе. В нем часто сам оказываешься приманкой. Так и ждешь, что тебя кто-то съест, и не то что прожует, полакомится, а потом зубы палочкой прочистит и повторно твои шматочки просмакует. А просто без особого интереса глотнет – и нет тебя. И был таков, даже могилки на кладбище не сыщешь». Тут Семен Семенович дружелюбно бросил: «Привет, старина, я уже давно не сплю. Интересно у вас. Прощаться совсем не хочется. С чем пожаловал?» Сандалов протер рукавом глаза и, не обращая никакого внимания на приветствие Химушкина, подошел к незнакомому столичному жителю агрегату, выглядевшему поржавевшим и дряхлым, лениво скинул на землю обветшалый хомут, свисавший с ручки агрегата, крутанул его несколько раз, как бы прислушиваясь к звукам. «Вот так уже лучше, так... Крутись, крутись, иначе твой хозяин денег не заработает», – проговорил он. Старое железо заскрежетало, подалось, лопасти вентилятора заскрипели и стали медленно вращаться. «Что это он собирается делать?» – насторожился Семен Семенович. В утренней сельской тишине скрежет металла особенно бил по ушам, вызывая неприятные предчувствия.

В куче пшеничных зерен, где расположился Семен Семенович, находилось еще около пятнадцати тысяч семян. Но все попытки отыскать в ней собеседника наглухо проваливались. Никто не давал о себе знать. Как будто все куда-то спрятались или заложили уши. Тут, впрочем, Химушкин подумал, что столь страшные звуки ранним утром могут растормошить души соседей, и, вполне возможно, кто-нибудь выдаст себя протестным заявлением. Но опять никто не проявился, так что оставалось лишь скандалить в собственном разуме. «Счастливыцы, – подумал он, – ничего *их* не беспокоит. Если бы я сам лежал в этой куче посадочного материала, то лишился бы возможности на всхожесть. А как же без нее? Нет! Такая жизнь мне вовсе не нужна. Ведь всхожесть, несмотря на некоторую буржуазность и

эволюционную пошлость, открывает много забавного. Но что собирается с нами делать этот фермер? Вид у него решительный. Говорят, пшеничное зерно варят для свиней. Смешивают с картофелем, свеклой и разносят по корытцам, чтобы свиньи прибавляли в весе. Росли в цене! Неужели надо готовить себя к тому, что съедят? Интересно! Немыслящему существу естественно и спокойно отправиться в котел для варки пищи, а мыслящему? Какой силой духа надо обладать, чтобы не потерять рассудок от такой переделки? Да! Трудновато! Во что же я превращусь в кишечнике кабанчика? Выживу ли под ударами клыков, под воздействием желудочного сока, уплотнения кишечника? Протащить свое сознание через свинячье внутренности! Ох, не каждый позволит себе такое путешествие. Но почему человек легко обольщается внешним миром, однако страшно боится заглянуть в само чрево природы? Совершенно не испытывает ностальгию по собственной колыбели? Чтобы не испугаться самого себя? Субстанции, из которой он возник? Не потому ли, что был помещен в утробу случайно? Помимо собственной воли? Тут можно предположить, что разум, мечущийся в антитезах – между пространством, временем, движением и телом, – вывел из маршрута сознания потребность в экскурсии по лабиринтам материнской плоти. Нельзя увлечься тайнами собственного рождения, если за тобой неотступно охотится смерть, а ум, ставший вместилищем страха перед неминуемой кончиной, обязательно наполнит каждую клетку тела желанием прожить свой срок в нескончаемых удовольствиях. У кого вызовет радость перспективы побывать в утробе какой-либо женской особи? Очень немногие способны испытать потребность к такому вояжу». Семен Семенович поймал себя на мысли, что если бы он обладал неким капиталом, скажем, около миллиона долларов, то обязательно выстроил бы в Москве монумент высотой в десять метров, изображающий женское тело изнутри. Чтобы каждый желающий смог заново прочувствовать или «вспомнить» все ощущения, которые возникают у новорожденного вплоть до появления на свет. Или испытать переживания (боль либо сладострастие) тех, кого проглатывает крокодил или прожевывает иной хищник. Вот это настоящий экстрим! Можно и прибыльный бизнес создать. «Нет, что-то другое мой аграрий затевает, – господин Химушкин даже взбодрился. – Почему-то сетку на окнах укрепляет. Я так понимаю, что эта сетка прежде всего от птиц ограждает, чтобы нас не выклевывали. Хозяин не столько о нас заботился, сколько о себе. Мы же его собственность. А теперь? Чего он опасается? Может, крупных ястребов или сов? Их в округе много. Что им наша мелкая сетка? Одним ударом клюва они ее в клочья изорвут. Но что может привлечь крупных хищников в нашем амбаре? А может быть, его пугает безграничное пространство, открывающееся за этим оконцем? Человеческая программа составлена таким образом, что пространство побуждает размышлять о жизни. Но размышляя о ней, невозможно не думать о мертвых. Их-то в миллионы раз больше. А не заботясь о мертвых, разве можно найти успокоение разума? Размышлять и вспоминать о *них* не так, как нынче, по чисто традиционному представлению, а иначе? Не ставить в церкви свечи, а на могилах цветы, красными яйцами на пасху не обкладывать усыпальницы. Это же абсолютно примитивное выражение «заботы» и «дум» об ушедших. Эти ли излишества *им* нужны? Только ли на *это* способен наш разум? Самое невероятное заключается в том, что до сих пор большинство боится признаться: после смерти ничего нет. Да! Ничего! Даже тьмы нет! Даже никакой пустоты *там* нет! Не будь я убежден в этом, мне пришлось бы всю жизнь еще больше насмехаться над собой. Буквально глумиться над собственным разумом. Поэтому приходится смотреть на себя с глубоким презрением. А как жить в мире, который ненавидишь? Стыдиться, что оказался в нем. Прячешься от всех, перевоплощаешься, рвешься вон из Химушкина в разные стороны. И в упоении прошлого поиска частенько основательно забываешь самого себя. Даже прилагаешь силы, чтоб очнуться, но долгое время никак не удается вспомнить: кто таков, в какое время живешь и в чем, собственно, нуждаешься. И теперь нашел себя в любопытном занятии и изумляюсь своей настойчивости. Да! Горькое признание. Человек устроен очень уж парадоксально,

если не сказать неудачно. Какая колоссальная разница в пределах этого довольно кислого вида! А я сам? Ужас! Ужас! Бр-бр-бр. Тьфу! Хочется без конца плевать, вернее отплевываться, от таких запленивших мир шмыгающих мизерных фигурок! И прежде всего – от самого себя! Да! От самого себя! Тьфу! Надо признаться, я такого вовсе не ожидал! Предполагал одно, романтика сводила с ума, мечтал пополнить род людской великолепным содержанием, навязчиво лезли в душу желания освободиться от идеологии, вырваться из кабалы труда, стряхнуть с себя гнет нищеты, сбросить оковы религии, а что вышло? Я оказался совершенно не тем материалом! Польстился на стыдливые уловки прятаться в других видах. Вот мой фермер мешки с каким-то мелким помолом приготовил. Или это порошок. Красный! Запах странный. Теперь вот он лопату достал, переставил мышеловки, совок в руки взял. Что же будет? Интересно-то как! Какого сюрприза судьбы ожидать, Семен Семенович?»

Господин Сандалов, орудуя совком, наполнил пшеницей старую машинку. Когда Химушкин вместе с другими пшеничными зернами скатился из совка в бункерок агрегата, дух радостно перехватило. Все предыдущие размышления забылись, душа замерла от приятных ощущений. Вспомнилось, как в далеком детстве он на санках с Воробьевых гор вихрем мчался к Москве-реке. Ух! Из потока прежних соблазнов и увлечений в памяти чудакватого москвича вдруг вспыхнула картина из прошлого: он оказался в сугробе с краснощекой подружкой из детского дома, то ли Валей, то ли Варей. Они тогда еще не целовались, а так, любили вместе покувыркаться. Инстинкты «защиты жизни» еще не проснулись, а программа секса лишь оживала.

Семен Семенович увидел, что Сандалов опять начал крутить ручкой. Машинка загромычала. Соседи запрыгали, заерзали, стали скатываться на разные решетки. В первую попадали битые ломаные зерна, шелуха и полова, на нижнюю решетку сползала полнотелая пшеница. «Отходы пойдут в пищу свиньям, – подумалось Химушкину, – а что с нами будет?» Семен Семенович был столичный житель, поэтому сельское хозяйство знал очень слабо. Этим можно объяснить постоянные вопросы, то и дело вползающие в его чудакватую голову. «С чего начать? – вдруг услышал Семен Семенович голос агрария. – Свиньи уже покормлены. Начну-ка я с обработки семян ядохимикатами. Пора в поле выходить!»

– Хоть объясни, чего мне ждаться? – бросил Химушкин. Однако он не был услышан, и фермер начал наполнять почерневшую старую ванну пшеничным зерном. Другой бы тут струсил, но Семен Семенович лишь заинтересовался.

– Что ты так часто шумишь? – вдруг разоичил он женский голос.

– А кто вы? Мы знакомы? – растерялся москвич.

– Я-то тебя давно знаю. Ты же Семен Химушкин из Центрального округа?

– Да! А вы кто? – бросил он как бы между прочим, а сам в душе очень возрадовался, что его узнали. Он всегда ждал случая, чтобы его кто-нибудь да признал. Чтобы заговорил с ним, несмотря на его скромный гражданский и финансовый статус. Такие случаи общения с незнакомцами, знающими его, были действительно редким событием, поэтому чрезвычайно положительно влияли на душевное состояние Семен Семеновича.

– Наталья Несыкайло из санитарно-гигиенической инспекции.

– А я тут при чем? Почему вы рядом оказались? – заинтересованно спросил он.

– Уполномочена самим Онищенко. Проверить, как частный предприниматель Тарас Сандалов выполняет лицензионные договоренности. Вот он собирается протравить химией посадочный материал. А каково качество его химии? Какую норму закладывает? Не обманывает ли себя и окружающих? Добротный ли продукт использует? Это я не только о семенах. Да ты и сам стал предметом нашего исследования. Странные, даже опасные мысли у тебя в голове бродят! Надо изучить все, чтобы подготовить дело по отзыву лицензии.

– На что лицензия? – искренне удивился господин Химушкин. Он даже хихикнул от неожиданности. «Скажет тоже! – мелькнуло в голове, – а впрочем...»

– Как на что? На право проживания.

– Это, прошу прощения, где?

– В границах России. В куче пшеницы, даже на свалке мусора.

– А где мне жить, русскому-то? Я же в политику не вмешиваюсь, а скандалю лишь в собственном сознании. Кого это сугубо личное обстоятельство может беспокоить? Никогда не думал, что в новой России могут быть такие ограничения. Я научился скандалить в самом себе еще при коммунистах. Да-с, я именно так выворачивался, потому что другого способа тогда не было. Воспаленный разум рвался наружу, но с большим трудом удавалось прятать его в черепной коробке. Они-то разрешали. Или, лучше сказать, не запрещали. А что, теперь уже нельзя? Станный какой-то, пожалуй... – Он на минутку задумался и уже радостным тоном добавил, – даже чудесный закончик. Да! В нем истинная гражданская добродетель видна. В самой патетической форме! Великолепная энергетика чувствуется. Я над проектом размышляю, как обособить разум... Но это не сейчас. Вещь серьезная, отдельного разговора требует. А если вернуться к прежнему, то нечто похожее по существу можно встретить в Ветхом Завете. Правда, на другой манер. И даже как бы не об этом. В этих историях изображены причудливые картины подавления сознания. Выстроена неправдоподобная для современности программа сознания. Сарра позвала в постель к мужу Аврааму Агарь, родившую ему Измаила. Рахиль, законная супруга Иакова, уложила на собственное ложе прелестницу Валлу, родившую Иакову двух сыновей, Лия уговорила Зенфу подарить эротическое наслаждение своему суженому. Многие известные дамы той давней эпохи – Иудифь, Эсфирь, Далила, Суламита, Мариамь, Ребекка и другие приводили к своим мужьям самых обаятельных женщин, всячески способствуя чувственному обогащению супругов. Они не только заботливо клали в постель к своим благоверным юных красоток, но с гордостью воспитывали их детей, поддерживали обольстительность этих женщин, одаривали их кремами и благовониями, вносили в их быт шик и роскошь. Такие поступки считались высшим проявлением супружеской любви. Апофеозом преданности! В вашем новом законе проглядывает что-то подобное. Надо так горячо любить власть, чтобы приносить ей себя полностью. Без малейшего остатка для инакомыслия. Мне безумно нравятся исторические «заказы», кардинально меняющие сознание, перестраивающие всю человеческую программу. Возьмите большевиков: каким замечательным талантом надо было обладать, чтобы за ничтожный срок внедрить в массы убеждение: убить отца, мать, брата во имя торжества политических целей – высочайшее людское предназначение! Да! На разум можно влиять самым замечательным образом. Или вспомните кровавые походы крестоносцев, костры инквизиции, печи концлагерей, разгул терроризма в современном мире. Чем примитивнее сознание, чем ниже интеллект, тем больше проповедует он банальности; чем громче звучит требование неукоснительного подчинения массового сознания, тем с большей готовностью принимаются обществом подобные перемены. Люди с такой прытью предаются наслаждениям, будто стоят на пороге кремации. С таким остервенением обогащаются, словно им дарована вечная жизнь. С такой скоростью глупеют, будто чей-то магический голос нашептывает: «Счета в банке неудержимо растут лишь у олухов!» Это что, не звенья одной цепи? Это ли не вмешательство в *нашу программу* самым замечательным образом? А почему я должен быть в стороне? Вы говорите, закон? Хочу его изучить, чтобы пользоваться им по-своему. Когда же вышел этот волнительный указ? Или вы действуете без циркуляров? По наитию?

– Уже года два, как он был опубликован в «Российской газете». Ты болтун, господин Химушкин, и эта черта выдает в тебе одиночку, – раздражено бросила инспектор Несыкайло. А *они* сегодня совершенно не в моде. У каждого из нас есть выбор: ты вправе поступать по своему усмотрению, ополчиться на себя или на весь мир, а я не должна вникать в суть твоего скандального сознания. Мои поступки будут вызваны путаницей, неясностями твоего ума.

Придется, ссылаясь на букву закона, использовать его против тебя, но на благо тебя самого. Нынче знания дорого обходятся, Семен Семеныч, а людям не хватает на самое главное.

– Но что все же главное для человека?

– Я не справочная служба. Наймите знающих людей, и многое станет ясно.

– Значит, мой ум не способен понять главного? Может быть! Я постоянно упрекаю себя в этой слабости. Действительно, никак не могу понять, почему римляне бесплатно кормили стаи гусей в благодарность за то, что те спасли Капитолий. И свою благотворительность оставили на скрижалях истории, как образец высокой культуры. А на своих пиршествах с удовольствием ели гусей из предместья Рима. Или греки в знак благодарности за воздвижение храма Гекатомпедона выпускали из загона ослов, которые помогли им в строительстве, на вольные пастбища. Страшно гордились этим и слагали предания о своем благородстве. Хотя в других провинциях, держали ослов на замке и нещадно эксплуатировали. Или египтяне, которые хоронили волков и кошек в священных местах, бальзамировали их тела, соблюдали траур и возносили свои высокие поступки в молитвах. А погибших в битвах воинов оставляли в поле на съедение хищникам. Полководец Кимон устраивал пышное погребение лошадям, завоевавшим победу в беге колесниц на Олимпийских играх, но перебил не одну тысячи коней персидских всадников и сотни тысяч воинов. А мы, русские, построили мавзолей душегубу Ленину и свято храним его мощи, а сами клянем национальное прошлое. Да! Многое мне совершенно непонятно. Вы правы! Правы! Я готов смириться, отказаться от привилегии скандалить в собственной голове, подкопить денег, что бы создавать свою лабораторию...

– Я ни на чем не настаиваю, – равнодушно бросила инспектор.

В этот момент Тарас Ярославович накрыл господина Химушкина плотным слоем вито-вакса. Розовый фунгицид слабо пах ванилином. Семену Семеновичу показалось, что он попал в кондитерский цех, в мир чудесных запахов, аппетитных изделий и изумительных форм. Захотелось сладкого: бисквита, шу, эклера, нуги, марципана, крема. Неожиданные наваждения на какое-то время отвлекли его от беседы с госпожой Несыкайло и погрузили в новые фантазии. «Пока все идет совсем неплохо, – пронеслось в голове. – Новые ощущения пьянят, побуждают еще глубже окунуться в неизвестный пласт жизни, вдохновляют. А все прежнее, столичное, заплесневелое, червивое, вызывает возрастающее отвращение. У меня приличное образование, поэтому позволяю себе самые смелые сентенции. Разумеется, недостатки той жизни, в которых я сейчас себе так искренне признаюсь, могут быть и достоинствами. Все зависит от программы разума, от представлений о мире, в который хочется или не хочется нырнуть. Теперь я стал приверженцем идеи внутренней бесконечности, поиска жизни не вне, а в самом себе. Посредством углубления в мир собственных представлений я с превеликим удовольствием начну связывать несвязываемое и пересекать непересекаемое. Мои первые опыты обновления бытия новыми формами могут стать соблазнительным примером. Нет и не может быть ничего более восхитительного, чем умиротворение собственного сознания. Сейчас во мне нет ничего, кроме восторга перед предстоящим путешествием в неведомое. Как это здорово – заглянуть в самые отдаленные уголки сознания, отрешиться от мира, проползти по изнанке жизни, застрять в печени, скатиться из ануса в клозет, переселиться в червя, в акулу! Спрятаться в жемчуг, чтобы постоянно касаться женской груди, стать вшой, прижавшейся к губам вагины, пчелой, собирающей нектар на альпийских лугах. Проникнуть в пояс шахида, от взрыва которого льются реки слез, проснуться пшеничным зерном. И так жить, наслаждаться, скандалить в собственной голове, а считать себя обычненьким человечком, которому в реальной жизни постоянно приходится ограничивать себя в выборе желаний!» Он остановил поток нескончаемых мыслей, казалось, обдумывая признания, потом вдруг вспыхнул и вслух удивился: «Традиционное существование агонизирует под игом вещизма, глобального нашествия попсы и секса. Не хочу возвращаться в Москву,

в прогнивший мир воинствующей слабости духа и незыблемости капитала. Не хочу возвращаться в Химушкина! Нет, нет, нет, я не Семен Семенович! – вдруг прокричал он. – Я что-то совсем другое! Сейчас пшеничное зерно, и очень недурно себя чувствую, затем вешалка в женском гардеробе, теснящаяся между нарядами. А может быть, еще и лампочка, освещающая собственное безумие?» Этот вопрос так и остался невыясненным, потому что господин Химушкин почувствовал на себе, как аграрий деревянной лопатой начал довольно энергично перемешивать семена с ядохимикатами. Оболочка Семена Семеновича покраснела, желтый цвет пшеницы стал алым, на какое-то время ему даже показалось, что он вовсе потерял себя. Потом вдруг подумал, что никак не может являться субъектом, достойным пристального наблюдения соседних пшеничных зерен. «Кто такой человек? Кто такой Химушкин? Тьфу! Тьфу! Передо мной совсем другой мир! И Семен Семенович меня совсем не интересует! Как он вообще может увлечь разум? Тьфу! Нет, моим мозгам нужно что-то совсем другое. Почему я так заволновался? – тут же мелькнуло у него. – Неужели я сам себя так страшно напугал? Ведь я уже не столичный житель! А может быть, я предчувствую, что начнется что-то необыкновенное и неожиданное? Видимо, сейчас Сандалов протравливает нас химией. Но по логике после этого он начнет сеять, и я впервые окажусь в сырой земле. Это что, настораживает меня или увлекает? А если я не взойду? Если доза химии окажется выше нормы и отравит меня до смерти? Какой новой субстанцией я окажусь? Рыхлой землей для посева? Глиной для кирпича или керамики? Песком для стекла или пляжа? Где эта дама Несыкайло? У нее бы спросить, как там с нормой протравки? Я вот смотрю на моих соседей. Одни ну совсем красные, другие вроде розовые, а те, которых едва коснулся фунгицид, выглядят бледно-желтыми. Может, обтереться о нижние зерна, чтобы сбросить с себя толстый слой химии?» – «Эй, Наталья, где вы? Посоветуйте, как поступить, каким лучше выглядеть? Красным, розовым или бордовым? Кто подскажет?» – прокричал Семен Семенович. Не дождавшись ответа, он пролез почти к дну ванны и стал старательно обтираться о своих бледненьких соседей. Именно тут его подхватил черпак фермера и, словно с американских горок, бросил с ветерком в небольшой мешок. Семен Семенович вскрикнул от боли: колени покрылись ссадинами, в поясице заломило, рот заполнился пшеницей. Пакостное ощущение взбудоражило донельзя. Он сплюнул, отдышался, простонал, а странные видения продолжали посещать его. На первый взгляд, они были ребяческие, и тем не менее в них можно было бы обнаружить вещи самого удивительного свойства. Ведь Семена Семеновича никто, собственно, не знал, ни одна душа не заглядывала в сокровенные тайники его разума, а, значит, заподозрить можно было практически все. Особенно учитывая богатое воображение нашего русского народа, гораздого на дерзкие выдумки и падкого на все невероятное. Действительно, куда податься: в незначительные чиновники, в разночинные капиталисты, в нищие, разбросанные по всей России, или в смутьяны? Для многих эти вопросы наитруднейшие, всю жизнь тычутся человеки по сторонам без заметного успеха в обретении собственной столбовой дороги. Смешно и любопытно, но чудаковатый столичный житель давно определился в избранном пути, шаг за шагом проникал в его тайны, не чувствуя себя потерянным, более того, даже утверждался в своем отчаянном выборе. Ругань и критику себе вслед никогда не слыхивал. А тут с незнакомой дамой такие чудеса: «Отберем лицензию на проживание». Как это понять? Впрочем, тут он замешкался, опять простонал и застрял. С трудом, через плотную мешковину, Семен Семенович стал напряженно наблюдать за работой коренастого агрария без опасения быть обнаруженным. Того сильно занимала протравка семян. В какой-то момент фермер даже бросил лопатку и стал смешивать пшеницу с химикатами руками. Несколько раз он тяжело заехал Химушкину то по уху, то по ушибленной поясице. От сильной боли Семен Семенович аж ахнул. Он поймал себя на том, что хочется дать пинка или даже в глаз этому Сандалову. «Москаль поганый, спілкується

зі мною, як ніби я стара підбора. В другий раз обернусь в місцеву суддю, щоб дати цьому фермеру один місяць арешта в підвалі з пацюками».

Аграрий наполнил мешок, надел лямки на плечо, плотно прижав ношу к бедру, ремень пристегнул на поясе и вышел из амбара. Сентябрьский низкий туман молочным ковром закрывал землю. Стояла полнейшая тишина. Лишь под ногами лопались капли росы. Солнечный диск алым шаром отрывался от горизонта. Под праздник Воздвижения Креста Господня Сандалов решил засеять полгектара собственной земли. Он подошел к самому краю своего надела, с минуту постоял, подумал, что с посевом в этот год не опоздал, до Покрова еще больше двух недель, и, с решительным видом взял в кулак пшеницу, сплюнул на нее и бросил от себя слева направо. После первого взмаха он сделал четверть шага и опять разбросал семена. Так мелкими шажками, осторожно, чтобы не сбиться и не упасть, Сандалов сеял озимые. Сеялку, за прокат которой надо было отдать в день пятьсот рублей, фермер не мог себе позволить. На вспашку брал старенькую корову, лошади не было, а плугом управлял сам. Денег едва хватало на нищенскую жизнь, а кормиться приходилось с земли. Что она родит, то и съест семья. А рожала она в последние годы все меньше. Как будто обозлена была. Всеми силами старалась черной работой крестьян замучить. Навоза нет, животноводство в полном упадке, аммиачной селитры почти нет, азот, фосфор, калий – за все надо платить, а деньги никак не заводились. Он их так редко вообще видел, что когда они появлялись, то разглядывал купюры с большим вниманием, словно открытки. Сосед Тараса Ярославовича по кличке Качан будучи в должности кладовщика федерального предприятия подворовывал на фирме удобрения и химию. Он уже несколько лет спал с дочерью Сандалова и потому иногда подбрасывал фермеру агрономические гостинцы. Без них аграрий вообще разорился бы. Поскольку в селе да и в округе никакой другой работы найти было невозможно – ни плотником, ни кровельщиком, ни каменщиком, ни водителем, ни бухгалтером. Почти коллапс царил в здешних местах, как, впрочем, и по всей сельской России. «Откуда об этом Сандалове такие подробности мне известны? – удивился Семен Семенович. – Ведь прежде никогда с ним не встречался. Да и сельское хозяйство от меня так далеко, что никогда в голову не пришло бы о нем размышлять. А был ли я вообще в деревне, спросил бы кто. Нет! Никогда не бывал в ней. И наваждения из далекого прошлого не может быть, тогда их быт был более благополучным. Это что-то другое. Интуиция... – Он почувствовал себя зажатым в кулаке агрария, – между фалангами большого и среднего пальцев. На коже, отметил Семен Семенович, – миллиарные узелки белого цвета с воронкообразным вдавлением в центре. В середине заполнены чернотой. Вокруг гнойных высыпаний резко выражен внутриклеточный оттек. Это же фолликулярный псориаз. Или даже каплевидный? Соседствующие бляшки создают фигурные очаги. Все розовое! Да! Псориаз! Он любит поселяться на сгибающихся поверхностях. Злая штука. Противно-то как! Но здесь очень влажно. Как в тропиках в сезон дождей. Это от болячек или от потливости агрария? А заразен ли чертов псориаз?» В этот момент, ускоряя поток фантазий, господин Химушкин почувствовал, что его швырнули с другими семенами куда-то по воздуху. Описав дугу, он шлепнулся на вспаханное поле. С восторгом почувствовав землю. Она была мягкая и холодная. «Бр-бр-бр!» – вырвалось у столичного жителя. Сверху нависал молочный туман, но под собой Химушкин мог разглядеть много нового и любопытного. Увидел, например, множество причудливых аммонитов из триасовых отложений. «Такие типы принадлежат к числу редчайших окаменелостей. Природа как бы старается создать подобные замечательные, но неправильные формы, однако попытки оказываются неудачными и новообразования погибают, исчезая в истории. Так превратились в ничто красивейшие головоногие белемнитиды, самые восхитительные животные во всем мезозойском периоде, особенно в юрском и триасовом. Они улетучились, как исчезли миллионы других видов, некогда населявших нашу планету. Может быть, та же участь ожидает меня. Природа грубо ошиблась, создав Химушкина из биологической

массы, я просуществовал бы куда больше, если бы был сотворен из губчатого известняка. Тогда можно было бы рассчитывать как минимум на пару тысяч лет безмятежной жизни, не то что сейчас. Всего восемьдесят лет, и то сам не свой, а все время ищешь для себя новое платье. Угол или раковину! Но у меня все впереди, я-то знаю, что хочу сотворить. А пока спрашиваю себе: что это на меня нашло? Какие еще аммониты или белемнитиды? Что за чудовищные наваждения? Здесь ничего такого нет! Бессовестно оскорблять самого себя какими-то болезненными фантазиями. Надо срочно прийти в себя. Ты же совсем в другой эпохе, Химушкин!» Страшным усилием он овладел собой полностью и осмотрелся. «Да, вот передо мной дождевой червь. Цвета разбавленного водой вина. А тут фрагменты перепаханной сорной травы – лебеды, донника, а еще, видимо, с неба, кусок птичьего помета, похож на огрызок школьного мела. Пернатых вокруг много. А этот червь обладает богатым аминокислотным составом. Если проголодаюсь, обязательно испробую. В нем есть все необходимое для утробы: аспарагин, пролин, метионин, лейцин, триптофант. Так что с голода не помру. Да и сам механический состав почвы, соотношение глинистых и песчаных частиц, предполагает, что и воды здесь достаточно. Жажда никак не замучает. Кстати, и утренний туман подтверждает это предположение. А кто это рядом со мной? Видно, общество немалое. И все молчат. У них что, запрет на общение?

– Где вы, Несыкайло? Наталья? Инспектор! Посланец Онищенко! – закричал Семен Семенович.

– Да тут я. Если ты не перестанешь кричать, окучу тебя гербицидами – и каюк Химушкину. Избавлюсь от надоедливой соседки. Рядом с нами уважаемые люди находятся. Они потребуют вмешательства моего шефа в твой вопрос. Ты вот от плохой жизни спрятался, а они от замечательной, роскошной, в тишине мечтают побыть. Так что заплатят на радость оперативникам, и от тебя одна моча останется. Молчи! Или говори, но шепотом ...

– Да что за «уважаемые»? Генералы или другие крупные чиновники? Я-то министров лишь по ТВ видел. Если хотите, чтобы я молчал, а у вас, наверное, задание такое имеется, то рассказывайте. Одному страшновато, – понизив голос, признался Семен Семенович.

– Ты почему спрятался? Чтобы поболтать или уединиться?

– Тяжело жить, вот и спрятался.

– А я тут в командировке. О своем задании уже рассказывала.

– Так кто же рядом с нами?

– А зачем тебе?

– Поразмышлять, представить невозможную картину, как я общаюсь со значительными лицами. Я-то сам могу кого угодно вообразить, вступить в беседу с ним, но конкретное имя, конкретная фигура привносит особый интерес, цимес, так сказать. Так кто же вот этот, самый ближайший?

– Борис Гайдуров, а рядом с ним – Егор Красноухов, около меня Геннадий Яблонский, еще вижу Алика Хичкова... Хватит? Только на меня не ссылайся, еще пожалуются Онищенко. От него пощады не жди, а мне долгосрочное рабочее место необходимо.

– Да! Примечательные россияне. Так я начну?

– Ты меня не спрашивай. У меня тут чисто производственный проект. Как типичный русский человек я сама по себе.

– Пока, Наталья Несыкайло! Спасибо, что открыли глаза на соседей. – Тут Химушкин с затаенным восторгом обернулся к господину Гайдурову: – Ваше превосходительство, я все хотел спросить: на интернетовских сайтах вас представляют гениальным экономистом. Это делается с вашего согласия, по вашему заказу? Вы с таким определением согласны?

– А что такое? Хотите оспорить мой статус?

– Ах, вы даже настаиваете на этом определении?

– Все же очевидно! Я осуществил переход России к рынку, ввел свободные цены – основу рыночных отношений. Они стимулировали рост производства, перелив капиталов, обеспечили сбалансированность между спросом на товары и их предложением.

– Да! Но свободные цены были введены в государственной экономике. Не абсурд ли это? Вам бы знать, коллега, что товарная масса и доля услуг незначительного числа кооперативов и акционерных обществ тогда не превышали на рынке одного процента. А свободные цены могут стимулировать лишь субъектов рыночного хозяйства, но не государственный сектор. Вот так вот-с! Поэтому они привели к полной дезорганизации экономики и к неуправляемой инфляции. Только за 1992 год цены выросли в 25 раз, а за весь период реформ – в десятки тысяч. Что же тут замечательного и умного? Это дурость! Дурость, дурость! – рассмеялся Химушкин. Он заглянул в лунку, где отдыхал Гайдуров, и, продолжая смеяться, подумал: «И здесь он прекрасно устроился, удобрениями себя вдоволь потчует. Гранулированным нитромофосом обложился. Всхожесть ожидает европейскую. Рекордную. Да! Знает его превосходительство как собственные дивиденды наращивать! Здесь русские чиновники, и отставные и действующие, настоящие чемпионы мира!»

– Брось их, Семен! – еле слышно шепнула Несыкайло.

– Откуда возник этот тип? – озлобленно бросил умашенный ароматными кремами господин Красноухов. Его вздернутый нос обострился, а черные глаза от возмущения широко раскрылись. Даже уши заострились. На крупной груди крепились различные ордена, дорогие знаки и медали. Россия всегда была расточительна на награды. – Что за наказание нам Онищенко подготовил? Эй ты, умник в наряде бомжа, здесь элитная зона отчуждения, посторонним вход заказан. Представил ли он охране сертификат соответствия? Или документ о происхождении? Может, он иностранец? Акцент у него странный – украинец или молдаванин? Где Онищенко? – обратился к публике Красноухов.

– Немец он, глава грузинской мафии, приживальщик на маршальских погонах русской истории! Я сделаю запрос в Генеральную прокуратуру, каким это образом он оказался рядом с нами, – вставил отъевшийся господин Хичков, ткнув в Семена Семеновича пухленьким пальчиком. Его плюгавая рожа расплылась в лстивой улыбке, обращенной к Гайдурову и Красноухову.

Реплика и вид Хичкова вызвали у Химушкина приступ смеха. «Радість яка – серед цих поганих людей хвилинку – другу побути. – пронеслось в его голове. – Не так просто таких уродів в житті зустрити. Вони дійсно можуть знаходитися тилько у видчуженій зоні».

– Что ответите ваше превосходительство, на сказанное мной? – обратился Семен Семенович к Гайдурову.

– Для борьбы с инфляцией я разработал комплекс мер по ограничению денежной массы. Это должно было предотвратить переполнение каналов обращения избыточными, обесцененными деньгами. – Известный экономист раскашлялся и замахал руками, словно помогая себе справиться с приступом.

– Мне так страшно, что лучше я уйду, – шепнула на ухо Семен Семеновичу Наталья. Особая чиновничья томность разлилась по ее меланхолическому лицу, и она тут же ретировалась.

– Ограничение денежной массы привело к повсеместному бартеру, гигантским неплатежам. Задержки с выплатой зарплаты и пенсий стали нормой. Инфляция галопировала. Сбережения у людей обесценились в тысячу раз, – лихо парировал Химушкин. – Его захлестывало желание обличать собеседника и дальше.

– Это было одной из главных задач реформаторства. Дорогу рыночным отношениям я проложил, ликвидировав избыточную денежную массу – сбережения населения, не имеющие товарного покрытия, – привстал Гайдуров. Семен Семеновичу даже показалось, что этот толстенький человечек напряг кулачки.

«Что, драться, надумал? – мелькнуло у Химушкина в голове. – Даже интересно – от такой знаменитости в морду получить. Пусть даст в глаз или выбьет зубы. У меня их все равно мало осталось ...»

– Во всех рыночных странах сбережения населения служат главным источником кредитования экономики. В России ликвидация сбережений привела к не преодоленному по сей день инвестиционному голоду, к ослаблению банковской системы, – подбросил Семен Семенович.

– Я сделал страну открытой для иностранного капитала. А это развитие экономики, внедрение новых технологий, создание рыночной инфраструктуры! – Титулованный реформатор вплотную приблизился к Химушкину. Тот даже почувствовал его тяжелое дыхание.

– Почему ты этому типу все поясняешь? Он должен вначале образование получить. Ознакомиться с твоими книжками, Борис Борисович! Твой вклад в развитие независимой России безмерен! И нет никакой необходимости этот факт доказывать, тем более такому замухрышке, – холодно вставил Красноухов. Публика обернулась к нему, словно ожидая каких-то откровений. Все любопытствующие очень походили друг на друга. Полные, самодовольные, загорелые лица, галстуки мировых брендов, на руках часы с тюрбуеном, свисающие под самое запястье, чтобы золото не скрывалось под рукавами, а блестело на виду. – Лучше потанцуем, господа. Девочек-то целая куча, как на черноморском пляже. И у всех глаза сверкают, потехи требуют!

– Ваше чиновничье время закончилось в 1992 году. А сколько-нибудь значимые инвестиции пришли в страну спустя пять лет – и то лишь как вложения в государственные ценные бумаги. За этим инвестиционным «бумом» последовали дефолт и тяжелейший экономический кризис. Крупных же вложений в реальный сектор мы ждем и по сей день. А на дворе уже 2007 год ... – вырвалось в нетерпении у Химушкина. – Я не о ваших знаниях хочу сказать, они-то совсем ничтожны, я думаю о мнении, которое сложилось вокруг вас: будто вы какой-то замечательный ученый, а ведь на самом деле – пустышка. Да! Школьник в коротких штанишках. Вам бы что-нибудь стоящее прочесть, сколько замечательных книг на полках пылится. Но наш народ любит легенды, вот они и рождаются, мифы. В этом мне видится несправедливость невероятная. Порой даже плакать хочется, не из жалости к самому себе, а из-за боли за всю нацию. Россия – это цельный, самобытный, богатейший мир. Как же такая ничтожная фигура, как вы, могла занять в нем значительное место, пусть на короткое время? Даже на год! – Хватит! Пора остановиться» – приказал себе Химушкин и умолк.

– Тобой займутся следственные органы, это я тебе обещаю. Сам военные заводы скупает, а на национальные авторитеты замахивается! – побагровел Хичков. – Под суд Химушкина! На эшафот наглеца, критикующего столбовые личности России! Следующий раз возьму разрешение в прокуратуре облить тебя дерьмом. Публично, под хохот лучших представителей силовых структур.

«О ком это он? Какие заводы? Придурок какой-то! До него никак нельзя дотрагиваться. Это ядовитое существо, разносчик заразы», – решил Химушкин.

– Согласен, что я комар, вша, муравей, низкое существо. Я вовсе не собираюсь приукрашивать свое место в жизни, – обратился он к Хичкову. – У вас полное право меня прихлопнуть. Трах! Трах! Трах! Да! И мне крышка. Но я ничуть не огорчусь этим обстоятельством. Более того, меня влечет именно к такой развязке. Небесные силы могут зачесть ее большим плюсом в каком-нибудь *другом*, высоком, этаже мира.

Вдруг сдерживаемая страсть вырвалась наружу, и он стал, словно в исступлении громко повторять: «Бейте! Бейте меня! Самым постыдным образом продолжайте унижать меня! Чего же вы ждете, ведь ваши руки напряглись, у вас закушена губа, глаза сверкают ненавистью. Ну же! Давайте! Начинайте, начинайте! Бейте кулаками! Палками! Вашей чугунной головой!» «А может быть, – подумалось ему, – как раз в результате *этого* насилия

я стану очередным материалом для строительства нового универсума? Из моих атомов и клеток начнется созидание благоухающего царства тотального разума. Ведь гармония может наступить лишь тогда, когда все живое обретет одноуровневое сознание. Bravo! Привлекательно! Забавно! Чарующее предположение! Чего же он ждет, этот господин Хичков? Он же создан для оскорбления униженных властью, но обладающих разумом и способностью к творчеству!» Он представил свое озлобленное лицо, родинки на макушке его вздыбились, поджилки задрожали, но не от страха, а от напряжения, и стыдливое чувство так усугубилось, так глубоко вошло в сознание, что Семен Семенович неожиданно для самого себя даже покраснел. В этих обстоятельствах господину Химушкину захотелось отдохнуть от самого себя, вернуться в прежнего Семена Семеновича, в столичную жизнь, в трехкомнатную квартиру, но необходимой настойчивости для этого не оказалось, и он продолжил тщательно вплетаться в новый сюжет. Странно, что не только он сам, но все вокруг начали расходиться в разные стороны. И не то что расходиться, в буквальном смысле какой-то, может быть, даже там походкой, а как бы расползаться, однако не как пресмыкающиеся, а самым невероятным образом проваливаясь в рыхлую землю. И С.С. задыхаясь от соблазнительного волнения, опять почувствовал себя пшеничным зернышком. Возвратился Семен Семенович в него с каким-то особым воодушевлением, восходя в размышлениях к колыбели разума! «От семени до хлеба еще далеко. Дорога длинна, да-с, но будет ли она вызывать у меня восхищение? Не придется ли сойти с нее и опять оказаться в реальности? Нет! Необходимо терпеливо пройти весь намеченный путь. У меня уже давно не вызывает никакого восторга то обстоятельство, что я являюсь обладателем зрения, слуха, обоняния, осязания, аппетита, сексуальных чувств, способности передвигаться и уходить в себя. Ничем не радует меня ощущение, что нахожусь я в обычном человеческом мире. Мне-то нужно значительно больше, я жду просто невероятного – экспансии разума. Если жизнь – это растущее сознание, то хочу, мечтаю, требую расти в разуме. Расти! Да! Потому что истоки невероятной жизни могут возникнуть лишь в постоянных метаморфозах игры воображения, в бездне сознания. Необходимо разобрать себя на части, на фрагменты, на молекулы, на атомы, чтобы потом заново собрать себя, в другой материи, в другом времени, в другой композиции, с обогащенным разумом. Разнузданный скандал в самом себе, война с собственным интеллектом – не являются ли они главным стимулом к развитию серого вещества? Изменение правил игры с природой: мужчина без секса, женщина без деторождения, человек – без потребительских инстинктов, но все с обостренным желанием познать мир. Народы без национальных чувств, без гражданского статуса, но со страстным порывом объединить все людские таланты. Церкви, мечети, синагоги – без паствы, но глубоко верующие в собственное будущее. Сам-то я очень близок к этому состоянию. Я уже начал игру с природой, в моем первородном иле вот-вот да появятся – спонтанно, вдали от публичных площадей, – первые мутации совершенно другого Химушкина. Да! Я в этом убежден. Вот и сейчас чувствую, что меня наполняет энергия. Энергия жизни вынуждает меня трещать, словно пупок роженицы, меня уже распирает, как перекаченные мускулы, отягощенные пудовыми гирями. Меня поливает дождь, меня обогащают удобрениями, и из Семена Семеновича начинает выползать росток. Медленно, но напористо. Однако почему-то он появляется не из головы или из пятки, а из копчика. Такой упрямый, с удивительной способностью пробивать слой земли. Мне он нравится. Bravo! Bravo! Во что же я вырасту? В кого же я превращусь, уважаемый С.С.? В дичок с полезными свойствами или в извращенный человеком генетически измененный продукт? И почему меня постоянно тянет обременять природу своими конфузными выдумками? Красота меня не прельщает, богатство не по душе, секс пугает близостью к животным инстинктам. Мне почти всегда кажется, будто природа что-то не так смастерила, не так сотворила, в одном вопросе недоглядела, в другом – перестаралась, поэтому безумные мысли улучшить ее создания не оставляют меня в покое. Вот и сейчас почему-то мне хочется стать пшеничным колосом, переместить свое

сознание именно в него. Казалось бы, ну зачем? Не лучше ли окружить себя человеческим миром? Миром, в котором прекрасно существуют миллионы соотечественников, да и миллиарды граждан других стран! Выпить стакан вина, заказать девку по телефону на целый день или с гордым взглядом в одежде от элитных кутюрье церемонно шагать по Тверскому бульвару, убажывая самолюбие сознанием своей значимости. Или в экстазе пошлости свистеть на стадионе вслед забитому в ворота ЦСКА футбольному мячу? Стать в шеренги каких-либо партийцев и беспорядочно требовать от Кремля невыполнимого? Напиться на юбилей ненавистного федерального министра, опорожняя в его честь ведро водки? Онанировать на образ одной из звезд шоу-бизнеса? Писать доносы о нелегальных доходах ближайшего соседа? Именно так существует традиционный человек. И он счастлив! Сравнивая себя с Богом, он доволен. Сравнивая себя с ближайшим окружением, он завистлив. Нет! Такому не бывать! Я мечтаю по-своему! У меня нынче, впрочем, как всегда, совсем иное на уме. Вот, навязчивое желание есть – переместиться сейчас из зерна в росток, затем в побег, чтобы стать, наконец, налитым пшеничным колосом. Золотистой, богатой на всхожесть, стойкой к непогоде, независимой, вечной пшеницей. Не стесненной досадным статусом жертвы комбайнера, а в имманентном полете царственного воображения. Да! Да! Именно так! Я стал зернышком! Я стал пшеничным зернышком! Наслаждаюсь этим состоянием! И ничего не желаю другого, лучшего. Разве такие навязчивые мысли не выдают во мне извращенца? Это ли не хроническая болезнь сознания? Это ли не ухищрение разума, направленное на то, чтобы увести меня как можно дальше от стоящих дыбом накрахмаленных салфеток столичных ресторанов? От повального стремления к бизнесу, разутюженному, в жестком административном чехле? От полупрозрачных и доступных юбок русских красоток? От ярких бантиков мира потребления? При всей своей робости и сдержанности я ведь всегда настаивал, что скандал в собственной головешке имеет у меня преимущественное право перед всеми другими помыслами. Не от этого ли навязчивое желание перемещаться в другой биологический, или даже органический материал? Не от этого ли интригующая своим постоянством *эта самая* навязчивость? Ведь уверен же я, уверен, уверен, в необходимости выскочить из биологии, иначе связь с животным миром будет преследовать вечно. Я каждый раз сам себя еще больше убеждаю, в чем давно уже убежден. Странно! Не болезнь ли это? Брр, как холодно стало. Ужас! Я даже затрясся. Мой росток завалило снегом. Землю сковывает мороз. Во что укутаться? Чем тут согреться? Черви уползли поглубже, всяческая мошкара надолго заснула, никакого тепла от нее нет, и мне даже в голову не приходит одолжить немного энергии у своих значительных соседей. Они там в мехах! Барствуют! Кутят! Может, и мне заснуть, как всему невидимому миру? Из Семена Семеновича превратиться в безымянную точку гео-сферы, а весной очнуться, встрепенуться, забурлить, закипеть и влить новую силу в рост колоса? Ведь в российской земле русскому должно хорошо спаться. Без романтических грез западников, без сказочных иллюзий Востока. Сны должны быть изящными, полновесными, цветными, с деликатными превращениями, с противоречивыми ощущениями, состоять из картин привычной жизни – вымышленной или существующей, – в которой, я так прекрасно себя чувствую. Единственная задача – не проснуться раньше времени! Очнуться лишь в конце марта. Под музыку капли, под щекочущее журчание ручья, под громкую зевоту обитателей подземелья. Да! Именно так необходимо поступить».

Господин С.С. свернулся калачиком, испытал удовольствие, что так комфортно устроился, но почему-то тут же отнесся к своему телу как к чему-то постороннему, словно уже успел с ним попрощаться. В его сознании мелькнул образ чугунной печурки, от которой исходил жар, она была рядом, и он стал наслаждаться ее будоражащей энергией. Впрочем, замечательное состояние продолжалось тоже недолго, и, спрятав руки под коленки, втянув голову в плечи, сжав губы, он с легким храпом уснул.

Глава 5

К Насте Чудецкой подсел молодой человек. Он готовился сказать ей что-то особенное, деликатное, а не просто прилипнуть к незнакомой барышне. Парень взъерошил густые волосы, тщательно оглянулся, убеждая себя, что ничто не мешает началу знакомства, положил перед собой на стол книгу Орсона Пратта и для важности стал крутить в руках гелиевую ручку фирмы «Мон-Блан». Представляться изделиями известных марок было в Москве модной привычкой. Впрочем, он был пятым за три часа, которые она посвящала чтению. Чудецкая готовилась к защите дипломной работы на истфаке МГУ. Тема звучала достаточно интригующе: «Парадокс человека в разрезе палеоантропологии». Виктор Петрович Дыгало, так звали молодого человека, еще раз окинул барышню взглядом, глубоко растрогался изумительными чертами ее лица, и опять стал ломать голову, силясь найти ключевое слово для знакомства. Но, кроме растерянности, ничего в себе не находил. Чтобы понять мучительные переживания Виктора Петровича, необходимо взглянуть на госпожу Чудецкую. Около двадцати трех лет, смуглая южанка, безупречный овал лица, большие глаза, обрамленные прекрасными дугами бровей, черные волосы стянуты на затылке в пучок, носик точеный, скулы узкие, губы чувственные, даже страстные. Рот приоткрыт, зубы сверкают жемчугом, на лице ни родинки, ни пятнышка, лишь верхние части щек покрыты тончайшим, едва заметным бронзовым пушком. Шея высокая, посадка головы грациозная. Весь облик не характерен для телевизионных тусовочных красавиц Москвы, а отличается естественным достоинством, столь редким в современном столичном мире. От нее исходит какое-то сияние, излучение такой силы, что, кажется, ни один мужчина не сможет пройти мимо. Глаза опущены, она вся погружена в чтение, даже неловко отрывать от него. Виктор Петрович ждет, мужается и, наконец, неизвестно почему вдруг начинает, но в испуге, как-то вяло и неожиданно:

– Умереть страшно?

Чудецкая или не слышит, или не понимает, что вопрос задан ей. Поэтому не реагирует. А действительно, может, он спрашивал самого себя? Совсем не редкость человек, беседующий сам с собой.

Дыгало откашлялся и чуть громче, смотря на нее в упор, повторил:

– Умереть-то страшно?

– Вы мне? – она подняла на него свои темно-синие глаза.

Он совсем растерялся: на него смотрел прекрасный, совсем незнакомый мир. «Разве может быть такое? Невероятно!» Лицо Дыгало исказила жалкая гримаса.

– Почему вы задумались о смерти? – откликнулась вдруг Настя. – В нашем возрасте думать о ней несколько рановато. Ведь смерть – это итог! Завершение! А мы только начинаем

...

– Я хотел спросить прежде всего себя, как можно умереть такой красивой, как вы? Спросить абстрактно, гипотетически, – с трудом выговорил он. – Кому же должна достаться эта прелесть? Природа, все человечество должны рыдать, потеряв такое замечательное создание. Дождь – это ведь совокупные мужские слезы, льющиеся из-за безвременной потери красивейших женщин в истории человечества. Лаодики – жены Митридата I У, Арсинои – дочери Птолемея, Клеопатры, Елены Глинской – матери Ивана Грозного, Анны Болейн – жены Генриха VIII, Марии Антуанетты – жены Людовика XVI, Прасковьи Жемчуговой – жены графа Шереметева, Варвары Асенковой – пассии императора Николая Первого, Комиссаржевской, Веры Холодной, Изольды Извицкой, Мэрилин Монро... Увидев вас, я вдруг вспомнил все эти замечательные имена и забеспокоился. Испугался! Струсил как ребенок, теряющий любимую игрушку. И задавал этот вопрос я не столько вам, но больше самому себе. Моя прямота, дерзость, а может быть, и наивность – от глубокого впечатления. Ведь

размышления вслух, – характерная черта очарованного человека. Предмет обожания превращается в недоступную реальность, до него не дотягиваешься, его не мыслишь коснуться, реальность превращается в проникновенную иллюзию, начинаешь его обожествлять, наделять необыкновенными свойствами, и вот погружаешься в грезы наяву! Выражаешь вслух все, чем обеспокоены ум и сердце. Вот, например, давеча, до встречи с вами, читал Пратта о многоженстве Иисуса Христа. Встревожился, увидев вас, неизвестно почему, видимо, какая-то потусторонняя силища вынудила меня сесть рядом и буквально остолбенеть. Я размечтался, и испуг невероятный испуг сковал меня полностью. А потом этот дурацкий вопрос вырвался. Я о таком прежде даже не помышлял. Надо сказать, это вообще не в моих правилах – мешать читающему человеку. И все-таки разрешите представиться – Виктор Петрович Дыгало, аспирант архитектурного института. Часто бываю в библиотеке, правда, в основном, в первой половине дня. Но с вами никогда ранее не встречался. С кем имею честь?

– Настя. Настя Чудецкая. У вас необычная манера говорить. Такое ощущение, что вы намеренно вводите в речь интонации девятнадцатого века. Насколько это сегодня уместно? «С кем имею честь?» – может ли эта фраза не вызвать иронии? Впрочем, меня она не раздражает. Но мне совершенно не нравится открытая лесть. Тем более пошное, заискивание. Ваши сравнения с историческими дамами... Действительно, эти прекрасные женщины достойны самых замечательных эпитетов. Но зачем вы вплели меня в этот список? Вызвать бурное чувство благодарности? Вот, дескать, какой тонкий ценитель Виктор Петрович, отметил мой необыкновенный облик. Вознес меня до небес! Поставил рядом с лучшими представительницами рода человеческого. А это, господин Дыгало, банально! Я по вашему лицу вижу – вы со мной согласны. Понимаете, что дали маху, и желаете просить прощения? – Она встала, набросила на плечи свитер, взяла сумочку. – Пойду в буфет, кофе хочется. Начиталась, немного отойду. И вы меня отвлекли ...

Последние слова она произнесла как-то безадресно. Так говорят, когда смотрят не в глаза, а куда-то в сторону, не хотят обидеть находящегося рядом.

– А можно мне с вами? – вскочил Виктор Петрович.

– Со мной – нет, но я не имею права возражать, если вы пойдете сами по себе, – улыбнулась Чудецкая. Опустив взгляд, она устремила к выходу из зала.

– Я тоже с удовольствием выпью кофе! – громко заявил аспирант и, взволнованный, бросился за ней следом. «Какая изумительная девушка, господи! Святая. А глаза, огромный мир, вселенная. Ее достаточно лишь во сне видеть. И все! И все! Претендовать на что-то другое просто преступно. Я готов даже не прикасаться к ней, а лишь в грезах с ней встречаться, беседовать, беседовать. Ах, какой чудный день, какая волнующая встреча! Надо насмотреться на нее, чтобы запомнить как следует ее черты, уловить манеру общения, тонкости речи, меняющееся выражение синих глаз, запечатлеть внутри себя ее образ. А то каждый день буду видеть в снах другую и злиться, и бушевать. Рвать от досады наволочки! Господи, такое со мной впервые. И все так неожиданно! Неужели влюбился? Сильные чувства! Не опасно ли это?»

В библиотечном буфете выстроилась небольшая очередь. Виктор Петрович стал за Чудецкой. «Я за вами!» – еле слышно сказал он. Она ничего не ответила. Наступила пауза. «Какой-то удивительный свежий запах исходит от нее. Это не парфюмерия, не душистое мыло, это аромат ее тела. Прелесть! Необходимо сохранить его в памяти, чтобы он снился каждый раз. Надо запоминать всё. Если распустить пучок ее черных волос, интересно, как будет выглядеть ее лицо? Не таким серьезным, строгим, а более простодушным? А если завить волосы? Или сделать прическу „Ракез“, „Ростомана“? Или заплести африканские косички? А платье, платье! Ей бы пошел кремовый, либо бежевый цвет. На узкой талии яркоморковный пояс, в африканских косичках веточка *rosa canina*, а на подоле юбки гроздь черной смородины! С такими изумительно длинными ножками ей совсем не нужен высокий

каблук, лодочки табачного цвета выгодно подчеркнут икры. А на запястье тонкий шелковый платочек, тоже морковного цвета. Фантастический образ. Я начну ее сегодня же писать. Маслом? Или акварелью? Нет, все же маслом, на большом полотне! Всем сердцем. Боже, что это со мной? Кружится голова, ноги стали ватными, перед глазами туман. Качнуло! Не упаду ли?»

– Что вам? Молодой человек, что вы хотите? – переспросила буфетчица. Стоящий зади парень ткнул его в плечо: «Не задерживай очередь! Тебя же спрашивают!»

Только тут Дыгало пришел в себя.

– Кофе! Один... Еще конфету, вон ту, «Красную шапочку». Даже три. «Не откажется же она от конфет! – подумалось ему. – Нет, пусть лучше откажется, пусть даже бросит их мне в лицо в раздражении, запустит в форточку. Растопчет! Чтобы вызвать у нее протест, необходимо протянуть „Красную шапочку“ и сказать: „Это я вам купил. Вы, как видно, любите сладкое“. А потом любоваться ее в легком гневе, в недовольном замешательстве, смотреть, как во взгляде вспыхнет досада. Какими движениями она станет выражать свое неудовольствие? Зпомнить их, чтобы потом они снились, долго и часто! Использовать эти детали в работе над портретом. А портрет начать только после того, как на нее насмотрюсь, когда ее образ заполнит все воображение.

Умилившись такой перспективой, он застенчиво пристроился к ее столику. Настя задумчиво пила кофе, уставившись в одну точку. Виктор Петрович вначале опасался приступить к второму раунду общения. Хотелось только любоваться утонченными чертами. Потом он решился и бросил наспех заготовленное: «Мне показалось, вы любите сладости». Она взглянула на него мельком, как оглядывают что-то глубоко чужое.

– Что?

– Можете попробовать «Красную шапочку». Говорят, женский пол эти конфеты любит. Впрочем, я вам их купил, чтобы...

– Очень трогательно. Спасибо! – избегая на него смотреть, девушка взяла конфету.

«Что же еще сказать? – в отчаянии перебирал фразы Дыгало. – „Приятного аппетита?“ – никак не подходит. „Хотите еще одну?“ – просто глупо, они лежат перед ней. Спросить, как они ей на вкус? Тоже глупо и как-то неуклюже. Нужно такое сказать, чтобы беседа завязалась. Чтобы она как человек открылась. Может, попробовать опять о многоженстве Христа? В первый раз эта тема ее не заинтересовала, почему же сейчас вызовет любопытство? Лучше вспомнить что-нибудь из истории, но так, чтобы с архитектурой было связано».

– В прошлом году я писал диплом на тему «История московских улиц», – осторожно начал молодой человек. – И был глубоко поражен одним престранным обстоятельством. Хоть трубят повсеместно, что Россия мировая держава, что мультикультурные тенденции и веяния уже давно нас захлестывают, налицо поразительный факт: в городе нет ни одной улицы, площади с именем самых выдающихся людей современной цивилизации. Улицы Эйнштейна – нет, Моцарта – нет, Бетховена, Шекспира, Вивальди, Леонардо да Винчи, Ньютона, Канта, Микеланджело, Шопена, Гюго, Дали нет, как и других замечательных имен. Но столица засорена неизвестными, мимолетными с точки зрения их значимости фамилиями. Улица Шумкина... Не прочтешь энциклопедию сороковых годов – никогда не узнаешь, кем был этот Шумкин, а если прочтешь, то задумаешься: почему вдруг он? Ведь таких, как он, миллионы! Или улицы Василия Петушкова, Наташи Кочуевской, Анатолия Живого, Анны Северьяновой, Гвоздева и тому подобное. Что это за люди? Кто их может знать? Спрашиваешь у прохожего: «Скажите, вы здешний?» – «Да, тутошний!» – «А где здесь улица Владимира Загорского?» – «Впервой слышу». А сам-то на этой улице стоит и со мной беседует. Может быть, пьет на ней пиво, хрустит сухариками, поругивает собственную жизнь, но никакого внимания не обращает на ничего не значащее название этой улицы. Кто-то может возразить: дескать, великие люди, как Виктор Гюго, Томас Манн, Шопен и т. д., никогда

не жили в Москве. Тогда почему в столице есть улицы Гашека и Саломеи Нерис, Саляма Адила и Олеко Дундича, Амилкара Кабрала и Августа Бебеля, Георгиу-Дежа и Клементы Готвальда, Хулиана Гримау и Зденка Неедлы? Кто они вообще такие? Вы когда-нибудь слышали эти имена? Или вот еще есть улица Юлиуса Квесиса. Это кто? Легендарный патриций или сенатор Рима? Боевой друг Спартака, заклятый враг Юлия Цезаря или античный историк? Может, вам эти имена известны?

– Согласна с вами, что это смешно и горько. Ну да, есть неплохой писатель Гашек. Но тогда почему в названиях наших улиц не встретишь таких известных имен, как Гессе, Флобер, Бальзак, Шиллер? А другие имена, которые вы назвали, мне ничего не говорят. Скорее всего, это бывшие лидеры коммунистических партий и разных освободительных движений. Следы прежнего режима. Их встречаешь еще довольно часто. Политическая память – тормоз на пути развития разума.

– А вы знаете Гашека? Как он? – быстро спросил Виктор Петрович. Он мечтал продолжить беседу, потому торопился. Нашупывал темы, которые бы понравились барышне.

– Я много читала о европейской и мировой культуре двадцатого века. Его имя, действительно, встречается не так уж часто. А улица находится рядом с Тишинским рынком. На одном из домов я не так давно увидела мемориальную доску, на которой коротко изложена его биография. В России даже более крупных «середнячков» было достаточно много. Только в прошлом веке – Федин, Новиков-Прибой, Катаев, Паустовский, Нагибин. Еще пара имен. Есть ли смысл читать середнячков, если на выдающиеся произведения мировой литературы времени никак не хватает? Поэтому Гашек остался вне моего внимания.

– Скажу вам честно, я вообще никогда о нем не слышал. Вначале я подумал, что речь о хоккеисте сборной Чехии. Теперь вот знаю. Спасибо. А кто же, по вашему мнению, входит в список великих писателей?

– Российских? Двадцатого века?

– Да!

– Не так уж много. Я не литературовед, но моя тройка выглядела бы так: Шолохов, Булгаков, Пастернак – наконец, она посмотрела на Дыгало прямым, продолжительным взглядом.

– А Солженицын?

– Замечательный хроникер, способный публицист, дотошный историограф, но совершенно не примечательный автор художественной прозы. Скучноват! Банальное проявление типично человеческого возвел в ранг извращения. – Ее глаза окатили молодого человека синим светом. Сияние было настолько сильным, что Дыгало почувствовал жар. Казалось, барышня ждала спора. Но Виктор Петрович растерялся и поспешно произнес не то, о чем мгновение назад размышлял:

– А мировая литературная тройка, пятерка? Из кого они состоят?

– На первое место всегда ставлю Достоевского, ему нет равных. Потом Шекспира, Сервантеса, Гете, Гомера. Впрочем, у каждого своя высшая пятерка. У вас, наверное, тоже свои имена. Но Достоевский и Шекспир у меня непоколебимо на первых местах. Эти великие личности вне дискуссий. Но теперь признайтесь, почему вы не заступились за своего Солженицына? Побоялись со мной поспорить? Думаете, если разговор пройдет гладко, получите больше шансов на продолжение нашего знакомства? Как раз наоборот! Гладкие, глянцевого люди меня не интересуют. Разум нам дан, чтобы совершенствовать себя. А без споров это невозможно.

«Эта красотка не подозревает, с кем общается. Ну ничего, ты меня еще узнаешь!» – подумал Дыгало. Но сказал совсем другое: «Настя, поверьте мне, Солженицын совсем не мой кумир, я его даже не читал. Более того, он мне совершенно неинтересен, а его концепция развития российских регионов и всей страны, с которой я знаком из печати, убеждает

меня в том, что он неопытный прожектор. Говоря вашими словами, он „среднячок“ в вопросах обустройства мира. Я глобалист, у меня совсем другие авторитеты. Я вообще впервые вспомнил о нем в разговоре с вами, и то по случаю, сказать более – по недоразумению. Пройдет одно-другое поколение, помнящее его звездный час – Нобелевскую премию, – и он растает в памяти людской, как весенний снег, растворится, как в желудке горькая, вынужденная похлебка, без следа, с одним балансовым остатком – органическим удобрением.

– Вы радикал, Виктор Петрович, – усмехнулась Настя.

– Особую неприязнь вызывают у меня люди, незаслуженно отмеченные общественными почестями, те, кто постоянно являются членами различных «элитных тусовок», формирующих так называемые публичные точки зрения, – оживился молодой человек. Он торопился показать себя. – Те, кто пыжаты и словесными трюками пытаются доказать, будто у них есть царь в голове, а на самом деле его там нет, никогда не было и не будет. В нынешней Москве таких сколько угодно. Особенно они окучивают телевидение. Там есть такой начальник Аристов, здоровый малый, пару книжек уже, наверное, успел прочесть. Говорят, у него даже строжайший список имеется, кого можно приглашать на эфир, а кого нельзя; о каких темах позволительно публично размышлять, а на что категорическое табу. И эта трибуна называется общественным российским телевидением? Позор! Или предприимчивый чиновник от культуры господин Губодуров. С его ментальностью, одеждой и манерами типичного буржуа только о культуре и нравственности вещать! Ему бы на аукционах торговать аксессуарами прошлого, получать прибыль, а не маячить на глазах. Национальный срам, что *такая* публика прибрала в свои руки эфир. Стыд делает меня мнительным и агрессивным. Смотреть в глаза обычным, как я сам, людям становится неприлично. Всякий раз отводишь взгляд, словно в чем-то виновен. Да и виновен! А как же? Виновен! Такое ощущение, что они от тебя чего-то ждут, на что ты решиться никак не можешь, а на самом деле я бы на многое, на самое невероятное, согласился бы, чтобы помешать этому процессу. Даже на самое ужасное, шокирующее. – Глаза Виктора Петровича болезненно блестели, лицо побледнело, взгляд забегал, словно искал по сторонам что-то очень важное. Даже пена появилась на уголках губ, но он ее сразу же стер платком. И продолжил резко: – Я вообще не очень охотно представляю себе людей не похожих на меня. Нет, не внешностью, а содержанием. Впрочем, непохожая внешность тоже раздражает. Порой такое раздражение даже превалирует. Особенно когда довольная, сытая, счастливая физиономия норовит выказать свое превосходство. Она якобы все о тебе знает и в своем преимуществе над тобой очень уверенно, даже с высокомерным надрывом, бравировует возможностью красиво пожить, все желаемое получать в несметном количестве, во всем демонстрирует свою какую-то неземную суть. – Он осекся, как-то криво улыбнулся и замолчал. «От сильнейшего впечатления, которое произвела на меня эта барышня, ум мутится. Полностью теряешь самообладание! Так раньше времени можно себя выдать! Уплывет-то объект на сторону!» – испуганно подумал он.

Слова Дыгало, его необычное состояние насторожили Настю. – Я ужаснулась вашему пассажиру. Вы не простой, а агрессивный радикал. И в вашем радикализме очень много социального, – бросила молодому человеку Чудецкая. – Несмотря на то что политика меня совершенно не интересует, на ее фоне происходят события, которые чрезвычайно занимают мое воображение. А генетически измененные продукты, к которым относится прежде всего сам человек, – предмет моих исследований, моя научная тема – но не как биолога или генетика, а как историка, археолога. А по поводу вашей ярости по отношению к городским чиновникам.... – Я бы и себе посоветовала подняться над суетой жизни, успокоиться, понять, что человек еще остается самой большой тайной природы. И начать или продолжить проникать в его тайны, чтобы прежде всего понять самого себя, разложить себя по полочкам эволюции. Перед тем как источать гнев на своего оппонента, определите его в характерную ячейку. Этот человек имеет программу 1137 (тут же описание этой программы и ключ к ее пони-

манию или без ключа, то есть пониманию не поддается), а у этого лицо имеет программу 3341 (соответственное описание), а ячейка этого – под номером 3256, и тому подобное. Это, может быть, будущее, но уверяю вас, совсем не далекое. Что все это даст? Огромную экономию средств и продление жизни. Это ли не важнейший аспект развития цивилизации? Ведь сама по себе природа – агрессивнейшая среда. Жизнь пробивается там, где ее совершенно не ждешь, не предполагаешь. А коль скоро она возникла, ее не истребишь, во всяком случае, обычными усилиями. Тут потребуются сверхчеловеческие старания. Но того, чего можно добиться с помощью разума, никогда не добиться, употребляя силу, пусть даже дьявольскую силу! Необходимо избегать применения этого опасного инструмента. Им можно достичь лишь сиюминутного результата, то есть всегда ложного, болезненного. Он выдает пространственную ограниченность вашей цели. Но разум тоже может быть ненадежным, он способен ничтожное превращать в значительное, ошибочное – в правильное, преступное – в справедливое. В истории таких примеров уйма. Каждое столетие отмечено вынужденными ошибками, преднамеренными заблуждениями, утопическими фантазиями страстного ума, как коллективного, так и индивидуального. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Пока, прошу прощения, не совсем! Такое ощущение, что на тебя надвигается какая-то мощная интрига, но пока она еще скрыта, как бы таится за углом. – Новый срез знаний взволновал Дыгало. Однако, он больше был занят другим. Устроившись поудобнее, так чтобы Настя видела его левый профиль (он когда-то внушил себе, что слева смотрится привлекательнее), Виктор Петрович всячески пытался понравиться барышне. Неимоверная сила тянула его к ней. Однако вглядываясь в ее черты, он никак не мог постичь логику ее мыслей. Они проникали лишь на порог его сознания. – Я весь внимание, – бросил он, почти, не соображая, что именно заявил.

«Довольно странное состояние» – усмехнулась Чудецкая. Впрочем, еще пару глотков кофе остается в чашечке. Так что можно продолжить.

– С ХУI по ХIХ век человечество накапливало энергию, знания и опыт в разных областях знаний. Но меня интересует лишь одна ипостась – социальное движение, направленное на освобождение человека от рабского труда под лозунгом «Свобода, равенство, братство». Конец ХIХ и начало ХХ века отмечены большими успехами в этой борьбе. Романтикам того времени хотелось вовлечь «притаившуюся массу» людей в мир, в котором им самим жилось достаточно недурно. Они мечтали, что вовлечение нового ресурса качественно изменит не только качество жизни, но, прежде всего самого человека. Пышно расцветет разум, интеллект станет доминировать над всеми другими человеческими качествами. Чем оказался финал этого трехсотлетнего движения? Человек освободился. Люди получили равные права, открылись двери учебных заведений, появилось свободное время – установили восьмичасовой рабочий день: добавьте деньги, свободу перемещаться, выбирать, доступ к информации, к шедеврам культуры. То есть семьдесят – восемьдесят процентов населения планеты за одно-два поколения ворвались в жизнь меньшинства и потребовали для себя те же стандарты жизни. И они были получены. Но итог, итог? Это же главный вопрос! Стандарты получены, а уровня нет. Нет уровня! Оглянитесь на нашу жизнь. Кто смотрит на творения Микеланджело? Кто читает строки «Божественной комедии»? Кто знакомится с трудами гениев? Кто постигает глубины науки? Жалкие единицы. В поношенной одежде, с затворнической бледностью, с медной мелочью в кармане, с озаренным, пытливым взглядом – этих людей не встретишь ни на экранах телевидения, ни в эфире радиопрограмм, ни на элитных застольях, ни в думских и кремлевских залах. Они вычеркнуты, как изгои, из публичной жизни пошлым, примитивным большинством. Но миллионными тиражами расходятся книги Устиновой, Донцовой, Сорокина, Акунина, Толстой и тому подобных! Нам бы стесняться, обливаться слезами, думать, как исправить состояние национального духа, а мы кричим, что русские – самая читающая нация! Ведь признаться, что читаешь таких авторов, – то же

самое, что расписаться в своей полнейшей глупости. Поэтому нет никак оснований предполагать, что разум у людей вырос, достиг новых высот. Сравнивая людей XV11, XV111, X1X, XX, XX1 веков по таким показателям, как нравственность, человечность, талант, стремление к высоким идеалам, доброта. Что можно сказать? В чем можем убедиться и в чем признаться? Мораль – опустилась на порядок. Нравственность почти исчезла, только около одного процента вообще понимают этот экзотический термин. Человечность сохранилась, но нисколько не увеличилась, скорее, стала рыночной. Талант потерял привлекательность, он теперь разменная монета продюсеров. Захотят сделать из господина N гения – сотворят за большие деньги, глазом не моргнув. Настало время, когда приходится прятать ум, как некогда старались скрывать неграмотность. Блистать умом немодно. Сейчас блещут связями, драгоценными камнями, элитными автомобилями, богатыми любовниками. Наш великий соотечественник Виталий Гинзбург получил Нобелевскую премию по физике. Никакого резонанса в обществе нет. Нация не устроила ему овации. По красной дорожке Кремля маршируют лишь толстосумы, попса и властные мужи. Медиа – холдинги не хотят показывать народу феноменальную личность, не желают слушать мысли Гинзбурга о себе, о россиянах, о человеке вообще! Стремление к идеалам? Каким? Идеал сегодня – высокий уровень дохода и престижное положение в обществе. Доброта? Совершенно не рыночная категория. Когда о ком-то говорят: «Он человек добрый», я не могу понять, что имеют в виду? Что значит – быть добрым? Кажется, само слово потеряло свой первоначальный смысл. Почему все это произошло? Как? Какие механизмы привели к такому грустному состоянию цивилизации? Экономика? Но она никогда бы не справилась с такими изменениями в сознании, если бы не ограниченность нашего разума. Поэтому полновластным хозяином всего мира и стала экономика. Она сегодня усердно диктует усредненные нормы, массовые шаблоны, стандарты и унифицированные вкусы. Ведь высшая цель хозяйственной деятельности – извлечение максимальной прибыли. Зачем же угождать интеллектуальной элите, которая составляет не больше одного или двух процентов от общего населения? Забудьте ее, предайте анафеме, для бизнеса это не материал, не среда по извлечению доходов! Деньги необходимо зарабатывать только на массовом спросе. И чем дальше будет шагать глобализация, тем быстрее начнет отдаляться высшее сознание от своего идеала. Вот итог романтического заблуждения высшего разума, не только отечественного – мирового. Совершенно в другой феномен верила столетиями лучшая часть человечества. Она верила в Человека, в его перспективу стать хозяином Вселенной. В его разум! Какую горькую иронию вызвало бы у нее общение с нашим бесцветным современником, какое разочарование постигло бы при знакомстве с нынешними запросами и идеалами общества! Недавно я наткнулась в Интернете на необычный призыв. Кстати, его можно увидеть во всех странах Старого Света: «Перестаньте кормить птиц! Неконтролируемая популяция приводит к болезням и паразитизму. Все это вынуждает поднять налоги!» Как, а? Нравится? Скажут, наконец, очнулся разум! Началось что-то совершенно новое! Непредсказуемое! Нашелся интеллектуал, вложивший расовую идею в новую форму? Не в этнос, не в цвет кожи, а тотально, в сам род человеческий брошен камень, в его айкью! Тут бульон мутаций забурлит с новой силой и воистину возникнет что-то потрясающее. Немыслимое! Сверхчеловеческое! Я задумалась над этой любопытной концепцией, и мое сознание отправилось в очень рискованное путешествие. Вначале пришлось не на шутку испугаться, в какой-то момент разум даже содрогнулся от ужаса. Но потом, но потом! Все! Хватит! На сегодня конец, кофе я допила, ваше угощение съела, спасибо, теперь за работу. У меня на носу диплом.

- Хочу спросить... Можно? – заторопился ошарашенный господин Дыгало.
- Да! – вставая, бросила Чудецкая. – Слушаю! Пожалуйста, быстрее...
- Я столько всего хотел спросить, что не знаю, с чего начать.
- Больше не скажу ни слова. У меня диплом. До семи вечера я должна работать.

– Сегодня на Манежной площади последний вечер, открыта выставка «AURORA Fine Investments Fund» – Паевой инвестиционный фонд «Аврора». Известнейшие галеристы и антиквары европейских домов демонстрируют самые роскошные предметы из коллекций русского и мирового искусства. Изделия Фаберже, Рюкерта, Клесинджера, Генриха де Гру, школы Нанси, Хлебникова, Кузнецова, Лорана. Французские экспрессионисты, русская живопись начала XX века... Бронза и камень великих фигуративных скульпторов нашего времени – от Бугатти до Джакометти. Вход до 23 часов, а то и позже. Вам будет интересно, особенно после трудового дня. Можно выпить шампанского или вина, попробовать швейцарских и французских сыров, увидеть известных людей. Хотя, впрочем, они вас, как и меня, видимо, не интересуют. Что скажете, Настя? Я мечтаю о дальнейшем общении. Без знаменитостей, без шикерии, но с какой-нибудь новой глобальной темой.

– Выставка коммерческая? То есть выставка-продажа? – задумчиво спросила она.

– Да, точно. Если пожелаете что-то купить, проблем не будет. Цены, правда, высокие, не по карману аспиранту или студентке... – заметил он шутливым тоном.

– Опять вы за свое! Я же просила... Соблазнительное предложение. На такой выставке легко соотнести мнимые и вечные ценности. Увидеть, как растут одни цены и падают другие. Занимательное времяпрепровождение – наблюдать падение нравов и рост номенклатуры потребления. Но я не готова сейчас ответить. По настоянию родителей мой арендодатель после десяти вечера запирает двери. Задержку надо обязательно с ним согласовать.

– Вот телефон, какой номер набрать?

– Хозяин квартиры не простой человек, тут нужна личная беседа. Его требуется еще заинтересовать. А это дело не простое дело, он оригинал и нередко вызывает у меня уважение. Подходите к семи часам, проводите меня до дома, там видно будет. Пока!

– Ровно в семь я буду у выхода из библиотеки. Мне так нравится с вами говорить! Вы великолепная рассказчица. До встречи.

Она кивнула, прикрыв на мгновение свои прекрасные синие глаза.

Глава 6

«Что это прилипло ко лбу? – мелькнуло в голове у Семена Семеновича. – Личинка? Червяк? Мокрица?» Он снял с себя какое-то скользкое существо, присмотрелся к нему и пробурчал себе под нос: «Личинка майского жука!» Сильное впечатление заставило его прийти в себя. «Ах, хорошо, – потягиваясь, бросил он. – Наконец, пришла весна. Вот я и очнулся». Тут он окончательно почувствовал, что долгий сон прошел, что лучи, полные мигающих искорок, проникают сквозь пробуждающуюся землю. Словно блудный сын, вновь оказавшийся в родном жилище, он с чувством облегчения осмотрелся. «Да! Подземный мир просыпается вместе со мной. Но соседей из человеческого племени не видно. Ну, бог с ними, эти амбициозные чинуши меня нисколько не интересуют». Неистощимая доверчивость господина Химушкина к играм своего сознания часто вынуждала его путать реальное и надуманное. Но это нисколько не отягощало его состояние. Семен Семенович никогда и не пытался понять, где именно он пребывал. С.С. принимал мир таким, каким тот ему виделся. В каком из миров он чувствовал себя более комфортно? Этот вопрос оставался без ответа. Химушкин был теперь настолько поглощен своими размышлениями, что, кажется, не существовало силы, способной отвлечь его от самого себя. Он заметил насекомых, которые с помощью извивающихся отростков пробивались к самке и, достигнув цели, сверлящими движениями вводили сперматофор в ее половые пути. Раньше Семен Семенович такого никогда не видел. «И тут, и тут то же самое, – рассмеялся он. – Прав Кант, считавший, что слепое, первоначальное, инстинктивное половое влечение совершенствовалось в человеке с помощью фантазий в любовную страсть. Вот оно, доказательство! Оно передо мной! Да! Запоминающиеся, яркие картинки жизни. Простейшие не менее агрессивны *в этих* вопросах, чем мои соплеменники. Точнее сказать, чем большинство моих соплеменников. Но ведь я сам-то не такой! *Эта* связь длится всего лишь пятнадцать-двадцать минут, как же она может будоражить мое воображение целый день, всю ночь? Годами? Нет! Я бы перестал себя уважать!» Всякий раз, когда С. С. возвращался к этой теме, он бледнел, глаза его воспалялись и становились влажными, а рассудок наполнялся презрением к окружающему миру.

– Неужели Кант, Ницше, Гоголь, Вернадский или другой великий ум вызывали к себе девок? Что, они тоже исполняли семейные обязательства? Испытывали любовные страдания, терзались сексуальными амбициями? Не могу поверить! Не хочу думать об этом! Такого не должно было быть! Невозможно дерзновенно мечтать о покорении Вселенной, о безграничности душевного мира, о вечной жизни – и при этом отягощать ум причудами сексуальных устремлений. Ведь умственная и душевная жизнь значительно богаче мгновенной радости поцелуя и семяизвержения. Как это *они* не понимают, что любой телесный соблазн преграда на пути развития разума! Подожди, Химушкин, не торопись, тебя вечно несет к противоречиям, – бросил себе недружелюбно С.С. – Многие уважаемые мной умы вдохновлялись женскими образами и формами. Любовь оказалась способной пробудить мощные силы их таланта. Кем была Беатриче для Данте, Лаура для Петрарки, Матильда Весидон для Рихарда Вагнера, Изабелла Бранд для Пауля Рубенса, Христиана Вульпиус для Гете, Елена Дьяконова (Гала) для Сальвадора Дали? Не пробудись в них сексуальных чувств к этим особам, чувств к вечной женственности, взлетел бы их творческий гений так высоко? Нет-с, Нет! Никак нет! Правда, но не полная! Вначале я все же рассуждал вернее. Гения может вдохновлять все что угодно: у Канта музами были звезды и нравственный закон, у Достоевского – загадки и бездны духа, у Декарта – естественный свет разума, у Галилея – преобразования координатных систем по оси $xI = x - vt$, $yI = y$, $zI = z$, у Алексея Лосева – платонизм, у Циолковского – космизм и вечность, у Вернадского – живое вещество и ноосфера, музой Геракла была физическая мощь, а Наполеона – экспансия и господство над миром, музой

Гринспена выступает учетная ставка доллара... Моя же муза – скандал в собственном сознании. Кстати, как бы еще поскандальить, какую тему избрать, на кого или на что по-настоящему обозлиться? Брызнуть слюной, пособачиться? Тут с ужасом и восторгом я вспомнил недавние драматические события во Франции. Я ведь раньше писал в различные международные инстанции, комиссарам по делам беженцев, в нашу службу миграции, что настоящее условие для приема новых граждан на постоянное проживание – инъекция инфицирующей дозы, моментально вызывающая диссоциативную амнезию и фугу. А как же иначе? Да! Без нее никак невозможно. Человек, меняющий культурное и этническое пространство, должен полностью забыть о своем прошлом. И что? Что? Кто-нибудь дал ответ? Прокомментировал мое замечательное предложение? Вступил в дискуссию? Нет! Ничего подобного не произошло! А я-то предвидел *такое*, и даже более чудовищное развитие событий. Без чудесного лекарства, названного мной БП (без прошлого), мир столкнется с самыми невероятными потрясениями. Зачем таджику, узбеку и киргизу, по каким-либо причинам бежавшим в Россию из своего этнического уголка, помнить родину? Чтобы эта память постоянно мучила его? Или вьетнамцу, иракцу, пакистанцу, получившим вид на жительство в Голландии, или суданцу, сомалийцу, молдаванину, нашедшим приют в Италии, сохранять в памяти обычаи предков и религиозные убеждения? Поможет ли им на новом месте информация из прошлого? Нет! Никогда! Больше навредит. Навредит болезненно и страшно. И не только им самим, но и окружающим. Не милосерднее ли избавить их сознание от обычаев брошенной родины? Чтобы в тоске не наворачивались картины прежних мест, можно применить терапию отвращения, вызывающую иерархию страха. Она же достаточно известна. Да-с, в ней много злобы и ярости! Чрезмерного насилия над плотью. И сил сопротивляемости она требует нечеловеческих. Но боли все же значительно меньше, чем в полыхающих кварталах французских городов. Впрочем, я лично больше полагаюсь на БП. Тут наука позволяет действовать безболезненно и быстро. Все прежнее напрочь исчезает из сознания. Нет вкусных бабушкиных колбасок, нет знакомого мира сладостей – пахлавы и нуги, нет вкуса бледненьких рыбешек, пойманных собственноручно из высыхающих речушек, нет вымерших, бесплодных полей, освещенных полной луной, нет ярких цветов диких растений, и совершенно новый мир встает перед тобой. Кто-то спросит, а как же память о матери, о прежнем доме, о любимой девушке? Ох, господа, пусть другой целует уста брошенной девушки, вьет ей красивые локоны, моет ее стройные ноги, ласкает ее бархатную кожу. Жмурится, испытывая удовольствие! Переселение на новое место жительства – это стресс, экстрим. И здесь не остается места для сентиментальных чувств. Именно так человеку легче адаптироваться в новой жизни и самому обществу принять его «новорожденным», «очищенным»! Иначе гнет памяти и смятение духа будут преследовать несколько поколений. «Бродяги, клошары, черножопники, забулдыги, лица кавказской национальности, бомжи, безобразники» – будут слышать они и их потомки себе вслед. И сердечные раны толкнут их к насилию, к поступкам с признаками безумия. Слепым и мстительным, диким, как жизнь безграмотного аборигена. «Я совершил самое дерзостное! Самое безобразнейшее!» – станут утешать они свой обезумевший рассудок. И содеянное зло, самые страшные, немыслимые дерзости будут еще долго ласкать их сердца, воспеваться улицей. Я сам видел по телевизору, как арабский паренек слагал в *эти дни* строчки песенки: «Пусть горят кварталы, пусть разбиваются головы полицейских, пусть льется кровь... А мне радостно, я пою, и сердце наполняется благодатью!» Так преступление облекается в красоту, порочное наслаждение переходит в изящество, душевное безобразие – в повседневную ментальность, самая замечательная добродетель превращается в гнуснейшую пошлость. Признайте же дозу БП, господа! Я жду от вас прозрения! Да поклонитесь же низко разуму! А, нет! Ум не внемлет! Ведь трудно, даже невозможно, положиться на разумное предложение, если не хватает собственного айкью. Его, господа, не одолжишь, не встретишь в бутиках. Вот и страдают эмигранты в арабских кварталах

парижских окраин и вместе с ними все население Франции, да что Франции, России, мира в целом! Хотя достаточно понять, что вмешиваться в человеческую инженерию – весьма полезное занятие. Одна доза – и забывается прошлое. Всякий новый пришлый с остервенелой энергией включается в разработку национальной идеи. Он француз, он русский, он немец! Итальянец! Убедительно! Никаких следов прошлого нет! Нет границы между прошлым и будущим! Каждый шаг – интеграция в новое общество! Разве это не прекрасно? Не полезно? Разве обе стороны не этого хотят, не об этом мечтают? Любой переселенец должен принять дозу БП. Но можно шагнуть и дальше. Конечно, заглядывать в будущее – свойство интеллектуалов. Исключите из человеческой программы ген насилия, злобы, ненависти, и как качественно изменится мир! Без этого феномена нет у нас будущего и не может быть! Да! Человек готов к этому, точнее, разум немногих уже склонен к такой инженерии. Трансгенный вид замаячил в сознании, настойчиво просится на порог, свербит в моем разуме хочет проникнуть в жизнь, чтобы ее гармонизировать! Да! Он действительно, как никогда ранее, сегодня востребован. Необходимо самым срочным образом проводить искусственные мутации, выиграть время у природы, которой иначе понадобится на это несколько тысяч лет. Я бы сам с большим удовольствием посвятил жизнь этой полезной, божественной идее. Только финансируйте, давайте законы, признавайте, возвеличивайте разум, требуйте невероятного, чтобы по-настоящему перевернуть мир. Он нуждается в радикальной реформе! Ох как нестерпимо нуждается! Он же должен когда-нибудь стать замечательным! Для всех замечательным миром, а не для некоторых! Чтобы не обременять душу страшными фантазиями, с презрением не оглядываться на самого себя, не приходить в ярость от каждой глупости окружающего мира. Ведь только трансгенный человек осмелится нежиться, фонтанировать идеями во всей Вселенной, способен развить самые необыкновенные возможности разума! А нынешний? Тьфу-тьфу! Я, я, должен придумать эти реформы...» Это были упоительные минуты его размышлений.

В этот момент он услышал протяжный звонок. Вначале Семен Семенович вернулся в оболочку пшеничного зернышка, почувствовал сырость, задрожал, раскашлялся, потер руки, чтобы согреться. Взглянул на свой стебелек, обдуваемый весенним ветерком. И душа наполнилась неслыханной радостью. «Скоро, уже очень скоро колос начнет наливаться плотью. Из одного отростка выйдет двенадцать зерен. На будущий год можно собирать урожай уже из двенадцати колосьев. Надо следить неустанно, чтобы каждое зернышко сохранить». Требовательный звонок повторился. Он опять встрепенулся. Осмотрелся. И вдруг увидел облезшие стены и медленно стал приходить в себя. «Кто это беспокоит? А, это Настина манера нервировать меня тревожными звонками. Опять у нее на уме какая-нибудь сумасбродная идея. Послушаю, может, что полезное выкручу. И денег нет, и проголодался! Который теперь час? – взглянул он на часы. – Уже без двадцати пяти восемь. Ну что, пора чего-нибудь перекусить. А в холодильнике, кроме кефира, ничего нет! Еще головка лука в миске. Может, ее сварить?»

Он встал, обул шлепанцы и вышел из комнаты в прихожую. Входная дверь была открыта. Перед ней стояла Чудецкая, держа руку на звонке. «Ой, только не звони опять. Такой гадкий перезвон», – поморщился С.С. Фигура и лицо незнакомца, стоявшего за квартиранткой, были плохо видны. «Что за тип?» – раздраженно подумал Химушкин.

– В чем дело, голубушка? Зачем потревожили? – мрачным тоном спросил он, тщетно сиюсь рассмотреть молодого человека.

– Семен Семенович, если будут звонить родители, скажите, пожалуйста, что я целый день провела в библиотеке. Нарботалась. Много полезного сделала. Сейчас хочу пойти на выставку в Манеж. Там антикварные салоны мира выставляют замечательные экспонаты. Виктор – аспирант архитектурного института, любезно пригласил меня. Взялся сопровождать, так что все будет в порядке.

– Вы, надеюсь, вернетесь до десяти вечера? Так записано в нашем арендном договоре. Вам прекрасно известно, что я представляю в Москве интересы ваших родителей. Они доверили мне это щекотливое дело, зная мою принципиальность и предельную честность. Или вы готовы нарушить свои обязательства? Как, а? Знайте, слышать не желаю, что хотите опоздать! – Химушкин театрально вытаращил глаза. Родинки на голове даже ошетинились.

– К десяти можем не успеть, – приблизился к двери Виктор Петрович. Он испугался, что Химушкин категорически откажет им, и непроизвольно предложил. – Вы, собственно, тоже можете пойти с нами. Я уверен, вам понравится. Это выставка-продажа, первый раз в Москве. Можно что-нибудь интересное для себя присмотреть, да и вообще прицениться.

– Прицениться, говорите? – смеясь, произнес Химушкин, а сам успел рассмотреть незнакомца и отметить какую-то загадку в его облике. – Да-с, цены необходимо знать, чтобы прежде всего суметь оценить самого себя. А то живешь и абсолютно не ведаешь, сколько стоишь. И стоишь ли вообще хоть что-нибудь. Монетку или какой-нибудь огрызок ассигнации? Ведь очень важно знать о себе *это* тоже. Впрочем, нет, недосуг мне сейчас, – сказал он, в сильной надежде услышать предложения другого толка. – Я вот думаю, как и из чего ужин соорудить. Вроде, кефир есть, правда, не прокис ли он. Пойду взгляну...

– Хочу вам сказать, – произнес молодой человек ему в затылок, – что сегодня заключительный день этой элитной выставки. Фирмы угощают гостей западными изысками. Сыры и вина из Франции, Швейцарии, Италии, хамон и оливки из Испании, пиво и сосиски из Германии и Австрии. У меня приглашение от российской фирмы «Магнум АРС» и французской «Бернард Штейниц». К приглашению прилагается даже меню. Есть и улитки в чесночном соусе, и лягушки в белом вине. И другие деликатесы, – он вытащил из кармана какие-то бумаги.

Семен Семенович остановился, повернул голову, взглянул на искусителя и прикинул: «А действительно, почему бы не пойти. Да! Испробовать заграничных яств, хлебнуть винца. Ведь задаром же! Задаром можно позволить себе многое, если не все. Взглянуть на приличную публику, а то вижу все физиономии из булочных, подворотен, троллейбуса и с московских улиц. Может, национальная шикерия выглядит сегодня так необыкновенно и незнакомо, что не признаешь в ней россиян? Она же на роллс-ройсах разъезжает, „Патек Филипп“ на запястье носит, в „Брионии“ облачается, сверкает бриллиантами от „Булгари“. Может, они выглядят уже совсем по-иному, чем мы из плебса? И носы у них правильные, и на голове проплешин да бородавок нет, и взгляды спокойные, задумчивые, а портки и воротнички – наутюженные! И ростом высокие! И телом спортивные! Нет у них никакой отрицательной обратной связи между телом, временем и разумом, что во мне все больше замечается. И инстинктивных потребностей уже не существует? А все поступки и чувства выверены аналитическим умом (неважно, собственным или нанятым). Одним словом – идеальные люди! Среди дорогих антикварных вещей только такие и должны существовать! Иначе-то ведь невозможно! Ну, иметь мне в моей обшарпанной квартирке полотно Ван Гога или бронзу Артемано, или скульптуру Микеланджело, или ювелирное изделие Фаберже, или фарфоровую посуду Кузнецова, или мебель эпохи Второй республики, или персидские ковры времен Дария? Я испортил бы все эти сокровища не только своим затрапезным видом, не только одним странным адресом „У Химушкина“, не только галлюцинациями преимущественно болезненного, озлобленного свойства, не только скандалами разума, одолевающими меня, но главное – я обесценил бы, испоганил их своим абсолютным, полнейшим пренебрежением. Тут правда проста! Что, люди, владеющие этими ценностями, думают продуктивнее? Творят гениальнее? Создают нечто невиданное? Строят – что-то немыслимое? Необыкновенным образом фонтанирует их воображение? Ничего подобного! Нет! Они даже редко смотрят на эти вещи. Так зачем мне все это нужно? Мне, Химушкину? Чего все это поможет мне достичь? К чему приблизиться? Смогу ли я понять что-то особенное, столь необходи-

мое? Ровным счетом ничего не даст, кроме возникновения во мне потребительского высокомерия и амбиций „высшего сословия шикерии“. Так зачем мне все это? Я пойду туда, лишь чтобы заморить червячка импортной едой и взглянуть на незнакомый мир. Какие они, эти новые русские и традиционные западники? Чем живут богатые, какие мысли их мучают?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.